

Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№ 2(11)2025

Июнь 2025

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., начальник Экспертного управления Президента РФ
- Дацышен В.Г., профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Карнеев А.Н., директор Школы востоковедения НИУ ВШЭ, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., заместитель директора по научной работе, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Мясников В.С., главный научный сотрудник ИКА РАН, академик РАН
- Панцов А.В., профессор Capital University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранцы члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Академии общественных наук КНР
- Ли Чжицян, профессор, начальник управления международного сотрудничества и обменов Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Шаолэй, руководитель Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Ян Чэн, исполнительный президент Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований, КНР

Редакция:

А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: <http://rusinology.ru>

Российское китаеведение
Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019
Язык: русский, китайский, английский
Периодичность: 4 раза в год
ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ISSA.2025.80.82.007

Подписано в печать 30.06.2025

Содержание

*Члену редакционного совета «Российского китаеведения»
Н.А. Самойлову 70 лет!*

Лукин А.В. Петербургский китаевед Николай Анатольевич Самойлов 6

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Полончук Р.А. Политика в сфере обороны и развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году 13

Ли Иннань. Русский язык в Китае: история и современность 36

Кравцова М.Е. Научное и переводческое наследие С.А. Торопцева в области классической китайской лирики 59

Логинов В.В. Численность армий в древнем и средневековом Китае: к постановке проблемы 89

Лукин А.В. Китай от древности к современности и обратно: Сергей Гончаров как глыба российского китаеведения. К 70-летию 119

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Верченко А.Л. Город, влюбленный в Китай: опыт рефлексии «тамбовского китаеведения» 138

IN MEMORIAM

Уянаев С.В. Ученый, личность, патриот. Памяти Владимира Степановича Мясникова (1931–2025) 144

Барский К.М. Воспаривший в небо желтый аист. На смерть А.Н. Карнеева (1964–2025) 149

Денисов И.Е. Профессор Гао, почитающий Ду Фу. Памяти друга и коллеги Андрея Карнеева 152

Мухин Н.С. Об Андрее Ниязовиче Карнееве 156

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Абдурахманова А.Р., Радус Л.А. Интервью с И.В.Кочергиным 159

目录

祝贺《俄罗斯的中国学》

编委会委员N·A·萨莫伊洛夫七十寿辰！

A·V·卢金. 祝贺圣彼得堡汉学家尼古拉·阿纳托利耶维奇·萨莫伊洛夫七十寿辰	6
--	---

学术文章

R·A·波隆丘克. 2024 年中华人民共和国国防及军工复合体发展领域的政策	13
李英男. 俄语在中国：历史与当代	36
M·E·克拉夫佐娃. 论 S·A·托罗普采夫在中国古典抒情诗领域的学术与翻译遗产	59
V·V·洛吉诺夫. 古典和中世纪时期中国军队的规模：关于问题的提出	89
A·V·卢金. 中国从古代到现代，再从现代到古代：祝贺俄罗斯汉学巨人谢尔盖·贡恰罗夫七十寿辰。	119

评论、通报、简讯

A·L·韦尔琴科. 一座爱上中国的城市：“坦波夫汉学”的反思经验	138
--	-----

IN MEMORIAM

S·V·乌亚纳耶夫. 学者、人物、爱国者。缅怀弗拉基米尔·斯捷潘诺维奇·米亚斯尼科夫（1931—2025）	144
K·M·巴爾斯基. 翱翔天际的黄鹤。悼念 A·N·卡尔涅耶夫（1964—2025） ..	149
I·E·杰尼索夫. 怀念杜甫的高教授。缅怀好友及同事安德烈·卡尔涅耶夫	152
N·S·穆欣. 关于安德烈·尼亚佐维奇·卡尔涅耶夫	156

出版物和翻译

A·R·阿卜杜拉赫马诺娃, L·A·拉杜斯. 对 I·V·科切爾金的访谈	159
--	-----

Table of contents

*On the Occasion of the 70th Birthday of N.A. Samoylov,
Member of the Editorial Board of Russian China Studies*

A.V. Lukin. Nikolai Anatolyevich Samoylov, a Sinologist from St. Petersburg 6

ACADEMIC ARTICLES

R.A. Polonchuk. Defense Policy and the Development of China's Military-Industrial Complex in 2024 13

Li Yingnan. The Russian Language in China:
History and Contemporary Developments 36

M.Ye. Kravtsova. On the Academic and Translational Legacy of S.A. Toroptsev
in the Field of Classical Chinese Lyric Poetry 59

V.V. Loginov. The Size of Armies in Ancient and Medieval China:
Toward a Formulation of the Problem 89

A.V. Lukin. China from Antiquity to the Present—and Back Again:
Sergei Goncharov as a Pillar of Russian Sinology. On the Occasion
of His 70th Birthday 119

REVIEWS, REPORTS AND NOTES

A.L. Verchenko. A City in Love with China: Reflections on “Tambov Sinology” 138

IN MEMORIAM

S.V. Uyanaev. A Scholar, a Personality, a Patriot:
In Memory of Vladimir Stepanovich Myasnikov (1931–2025) 144

K.M. Barsky. The Yellow Stork That Soared into the Sky:
On the Death of A.N. Karneev (1964–2025) 149

I.E. Denisov. Professor Gao, Who Reveres Du Fu:
In Memory of a Friend and Colleague, Andrei Karneev 152

N.S. Mukhin. On Andrei Niyazovich Karneev 156

PUBLICATIONS AND TRANSLATIONS

A.R. Abdurakhmanova, L.A. Radus. An Interview with I.V. Kochergin 159

*Члену редакционного совета «Российского китаеведения»
Н.А. Самойлову 70 лет!*

А.В. Лукин¹

**Петербургский китаевед Николай Анатольевич Самойлов.
К 70-летию**

*祝贺《俄罗斯的中国学》
编委会委员N·А·萨莫伊洛夫七十寿辰！*

А · V · 卢金

*祝贺圣彼得堡汉学家尼古拉 · 阿纳托利耶维奇 ·
萨莫伊洛夫七十寿辰*

*On the Occasion of the 70th Birthday of N.A. Samoylov,
Member of the Editorial Board of Russian China Studies*

Alexander V. Lukin²

Nikolai Anatolyevich Samoylov, a Sinologist from St. Petersburg.

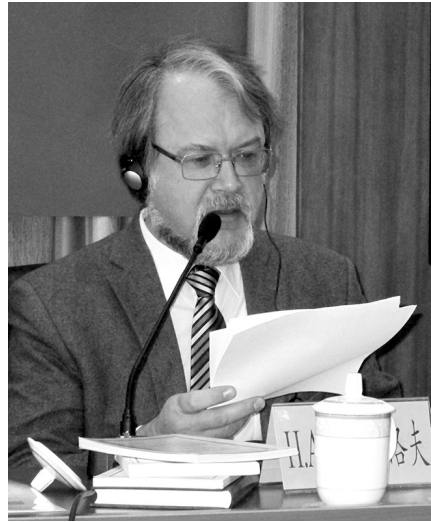
Впервые опубликовано в: Путь к нефритовому источнику: сборник статей к 70-летию профессора Н.А. Самойлова / сост., отв. ред. А.М. Харитонов. СПб.: Издательство РХГА, 2025. С.10–16.

В этом году моему дорогому другу и коллеге Николаю Анатольевичу Самойлову — 70 лет. Мы познакомились в конце 1984 г., то есть из этих 70 лет я знаю его более 40. И хотя встречаемся мы не так уж часто, потому что живем в разных городах, а бывало, что и в разных странах, но всегда мы поддерживали тесную связь, помогали друг другу, участвовали в совместных начинаниях, делились новостями, достижениями и публикациями, встречались, когда я приезжал в Питер, а он — в Москву, одним словом, сотрудничали.

¹ Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

² Alexander V. Lukin (Head), Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Head of Department of International Relations of HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

За 40 лет каждый из нас прошел долгий жизненный и научный путь. Мы познакомились в 1984 г., когда оказались не только в одной группе молодых китаеведов, направленной министерством образования по программе межгосударственного обмена на стажировку в Китай, но и одной подгруппе проходивших эту стажировку в самом известном вузе Китая — Пекинском университете. Это была вторая советская группа после долгого перерыва, первая отправилась в Китай на год раньше и состояла всего из 10 человек. Наша группа была больше, уже 70 человек, из них в Пекинский университет распределили десятерых. В то время Николаю, как я с удивлением узнал, не было еще и 30, а мне и того меньше — около 23. С тех пор я, естественно, сильно изменился внешне, занимался самыми разными делами и научными направлениями, сменил несколько мест жительства и работы, изменил одежду, прическу, вес и даже немного рост, политические и научные взгляды и многое другое.

И все это время Николай служил для меня предметом восхищения и даже зависти как образец последовательности и постоянства. Взять хотя бы его внешность: 40 лет назад он выглядел совершенно так же, как и сейчас, а именно, как и положено выглядеть петербургскому профессору. Это человек серьезного вида с бородой и в очках, в пиджаке или чем-то близком к нему, конечно же, в брюках, с добродушным, живым, но иногда несколько отсутствующим взглядом, разговаривающий на прекрасном литературном языке очень вежливо и доброжелательно, независимо от собеседника и его намерений. Достаточно взглянуть на его фотографии тогда и сегодня, и все это станет очевидным, разница, возможно, только в том, что к своему облику он добавил некоторую благородную седину. Профессором он, конечно, тогда еще не был. Только за пару лет до этого Николай защитил кандидатскую и, кажется, занимал должность доцента, а может быть, даже преподавателя, но выглядел он, в отличие от всех остальных членов нашей группы, безусловно, уже на профессора, и было совершенно очевидно, что рано или поздно это абсурдное несоответствие между научным званием и внешним видом, а, точнее, всей его человеческой сущностью, будет устранено.

Увидев его, обращаться к нему сразу же хотелось по имени и отчеству, так как его солидность исключала всякую фамильярность. В крайнем случае, можно было сказать просто Николай. И не то чтобы он был против, он, конечно же, против бы не был, но возникало какое-то ощущение, что если назвать его как-то по-другому, скажем, «Коля», то он направит на вас свой приветливый, профессорский взгляд и произнесет: «Видите ли, молодой человек...». И вам сразу же захочется исправиться на «Николай Анатольевич».

Стажеры Пекинского университета В.Ф. Бородич, Н.А. Самойлов, А.В. Лукин,
Т.М. Емельянова на кампусе. 1984 г.

Н.А. Самойлов и А.В. Лукин с китайскими каллиграфами. Пекин, 1984 г.

Н.А. Самойлов фотографирует Лян Шумина. Пекин, 1985 г.

Н.А. Самойлов и А.В. Лукин с Лян Шумином после его лекции.

И в научном плане Николай Анатольевич демонстрировал необыкновенное постоянство: он все это время работал в одном университете, который сам за прошедшие годы сменил название, и на одном его факультете: прославленном востфаке. Он занимался одной областью — историей цинского Китая и его отношениями с внешним миром, прежде всего с Россией. За 40 лет, конечно, произошло многое. Профессор Самойлов объездил весь мир, работал и читал лекции в университетах многих стран, стал членом редколлегий авторитетных научных журналов и международных ассоциаций, возглавил кафедру, получил почетное звание «Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации». Но ни своему городу, ни вузу, ни факультету он никогда не изменял.

Тогда, в 1984–1985 гг. наши 10 месяцев в Пекине пролетели быстро, но нам многое удалось успеть, познакомиться со страной, которая начала открываться миру, путешествовать по ней, подучить язык, познакомиться с интересными людьми. Я был приписан к философскому факультету, Николай — к историческому, но мы вместе гуляли по городу, ходили на разные лекции, обсуждали услышанное и увиденное.

Помню, как-то мы вдвоем пошли в только что созданную независимую Академию китайской культуры на конференцию, на которой выступал знаменитый философ Лян Шумин, автор нашумевшей еще в 1920-е гг. книги «Культура Востока и Запада и их философия». С ним меня познакомил один преподаватель нашего факультета чуть раньше. У меня сохранилось интересное фото: я заснял Николая, фотографировавшего Лян Шумина на выходе из здания академии. Тесный совместный опыт в необычных условиях, конечно, сближал молодых китайцев, многие остались друзьями на всю жизнь.

Несколько раз мы встречались в Петербурге и в Москве. Он заходил ко мне домой, я к нему. Он, как и положено петербургскому интеллигенту, жил тогда в каком-то дальнем районе в панельном доме, в небольшой стандартной квартире, так что сидели мы, кажется, на кухне. Кухонные разговоры продолжались и у меня в Москве в те разы, когда он не посещал наш банный китайведческий клуб, в котором собирались старые друзья, в том числе некоторые из тех, с кем мы делили трудности китайских стажировок. От людей, знакомых с петербургским китайведением, я слышал, что авторитет Николая в научных кругах растет, и мне это было приятно. Он защитил докторскую диссертацию о социокультурном взаимодействии России и Китая, в которой расширил охват своих исследований до XX в., стал, наконец, профессором, возглавил кафедру со сложным названием «Теории общественного развития стран Азии и Африки», где коллеги изучают не только Китай, но и другие регионы мира, периодически проводил интереснейшую конференцию «Православие на Дальнем Востоке», да всего и не перечислишь.

В 2013 г., работая в Дипломатической академии МИД России, я организовал в Институте мировых религий Китайской академии общественных наук в Пекине конференцию о православии в странах Азии. Для Китая, где отношение властей к «иностранным» религиям довольно настороженное, тема была несколько острой, китайские коллеги рекомендовали нам даже не упоминать православие в официальном названии мероприятия. Поэтому она получила уклончивое название «Российские культурно-исторические традиции и отношения России с государствами Восточной Азии», а ее участники должны были быть опытными и проверенными. И первым я обратился к

Николаю, который выступил на ней с блестящим докладом о роли Российской духовной миссии в Пекине для развития культурных связей между Россией и Китаем. А когда уже почти десятилетие спустя я стал главным редактором нового научного журнала «Российское китаеведение», то сразу же пригласил его в редакционный совет, где он представляет блестящую петербургскую китаеведческую школу.

На конференции в Институте мировых религий. Пекин, 2013 г.

Николай — яркий представитель этой школы, славной именами известных ученых, связанных в востфаком, таких как академики В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, В.М. Алексеев и другие. Он продолжает их дело на одном из направлений — историческом. У него еще многое впереди, но я уверен: уже сегодня ясно, что его имя будет вписано в историю востфака, российского китаеведения, а значит, и всей страны.

И заголовок этой статьи не случаен. Здесь ударение на каждом слове. Во-первых, Николай Анатольевич — типичный петербуржец. В Москве и других регионах такой типаж давно исчез, и лишь в городе на Неве каким-то немыслимым образом сохранился, несмотря на все превратности истории. Во-вторых, он наследник и продолжатель дела славной школы петербургского китаеведения. И, в-третьих, он именно Николай Анатольевич, причем непременно перед фамилией, потому что вульгарное употребление имени и отчества после фамилии, связанное с необходимостью располагать даже уникальных людей в алфавитном порядке, могло возникнуть где угодно, но только не в интеллигентном Петербурге.

Но и это еще не все. Написав до этого места, я подумал, что не сказал чего-то главного о том, примером чего для меня служит Николай. Ведь это же, в конце концов, не внешний вид, до которого мне, совершенно ясно, никогда не дотянуть, потому что родился я не «на берегах Невы». Когда мы встречаемся, мы мало говорим о высоких материях, больше о китаеведении, его состоянии в России, о новых научных трудах и знаковых китаеоведах и, конечно же, о самом Китае. Но для меня Николай — пример истинного патриотизма, не того, о котором кричат на всех углах, а который начинается с малого и идет из самых глубин характера, склонного к умеренности и, как говорят в Китае, к «срединному пути». Николай — патриот своего дела, своего факультета, своего университета, своего города. Своей жизнью и трудом он делает их лучше. И тем самым он патриот своей страны. Побольше бы таких патриотов, и страна наша была бы гораздо стабильнее, наука и образование в ней процветали бы, и за ее будущее можно было бы не беспокоиться.

DOI: 10.48647/ICCA.2025.59.21.002

Р.А. Полончук

Политика в сфере обороны и развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году

Аннотация. В статье рассматривается политика китайского политического и военного руководства в сфере обороны и безопасности в 2024 г. В указанный период модернизация китайской обороны была направлена на всемерное наращивание возможностей по противодействию всему спектру военных угроз безопасности, происходящих в первую очередь от США. Особое внимание в статье уделено рассмотрению совершенствования нормативно-правовой базы обеспечения национальной обороны и тенденциям развития военной промышленности КНР.

Ключевые слова: Китай, КПК, вооруженные силы, военно-промышленный комплекс, военные технологии, военные учения, военная реформа.

Автор: Полончук Руслан Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

R·A·波隆丘克

2024 年中华人民共和国国防及军工复合体发展领域的政策

摘要: 本文探讨了中国政治和军事领导层2024年在国防和安全领域的政策。在此期间，中国国防现代化的目标是全面提升应对以美国为首的各种军事安全威胁的能力。本文特别关注了对国防保障法律规范基础的完善，以及中国军工业的发展趋势。

关键词: 中国；中国共产党；武装力量；军工复合体；军事技术；军事演习；军事改革

作者: 鲁斯兰·安德烈耶维奇·波隆丘克，政治学副博士，俄罗斯科学院中国与现代社会研究所高级研究员。E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Ruslan A. Polonchuk

Defense Policy and Development of China's Military-Industrial Complex in 2024

Abstract. The article examines the defense and security policy pursued by the Chinese political and military leadership in 2024. During this period, the modernization of China's defense was aimed at comprehensively enhancing the capabilities to counter the entire spectrum of military security threats, primarily originating from the United States. Particular attention in the article is given to the improvement of the legal and regulatory framework for ensuring national defense and the trends in the development of the military industry of the PRC.

Keywords: China, CPC, armed forces, military-industrial complex, military technology, military exercises, military reform.

Author: *Ruslan A. Polonchuk*, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

В 2024 г. политика КНР в сфере обороны была направлена на достижение технологического превосходства и поддержание баланса сил в Северо-Восточной Азии. Китай встретил 97-ю годовщину основания Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на фоне нарастания борьбы за политическую дисциплину и лояльность, планового увеличения военных расходов и наращивания возможностей ядерной триады. НОАК продолжила поддерживать ранее достигнутые в 2022–2024 гг. темпы модернизации [Кашин 2024, с. 51], одновременно усиливая интенсивность военных учений в зонах ответственности объединенных командований.

Значимым моментом китайской политики в сфере обороны стала оптимизация организационно-штатной структуры НОАК, которая ранее претерпела изменения еще в конце 2016 г. Реорганизационные мероприятия проводились в интересах повышения слаженности современных операций, которая может быть достигнута за счет более оперативного принятия решений членами Центрального военного совета (ЦВС) или командующим на театре военных действий на основе достоверной военно-политической информации.

Анализ заявлений командования НОАК и изучение китайских военных периодических изданий позволяет утверждать, что подходы к обеспечению безопасности внутри страны подверглись ужесточению в связи с конкретизацией положений военно-доктринальной базы обеспечения национальной безопасности. Работа по усилению мобилизационной готовности китайской экономики и общества в части касающейся развития системы призыва на военную службу получила дальнейшее развитие.

Военные расходы

Программа модернизации вооруженных сил Китая продолжила способствовать увеличению расходов на национальную оборону. Так, в марте 2024 г. китайское пра-

вительство предложило военный бюджет в размере 1,67 трлн юаней (231,5 млрд долл. США)¹. Эта сумма представляет собой номинальное увеличение на 7,2% по сравнению с предыдущим годом. Такой рост соответствует показателям 2023 г. и сопоставим со средним десятилетним показателем в 7,5% [Zhongguo guofangfei...].

На фоне нестабильной международной ситуации китайскому политическому и военному руководству приходится пересматривать подходы к финансированию национальных вооруженных сил. По мнению китайских руководителей, приоритетными направлениями расходов на оборону в ближайшее время будут следующие: совершенствование боевых возможностей путем реализации крупных проектов, ключевых программ и усиления интенсивности боевой подготовки; внедрение связанных с обороной инноваций в области науки и техники, в частности для создания систем вооружения и материально-технического обеспечения; углубление оборонных и военных реформ, включая совершенствование систем военного управления; увеличение ассигнований на улучшение условий обучения и быта китайских военнослужащих [The Military ... 2025, p. 270].

Ядерные силы

В 2024 г. Китай обладал примерно 500 ядерными боезарядами, из которых около 440 могли быть задействованы в случае военной опасности. По прогнозам, к 2030 г. КНР будет иметь на вооружении более 1000 ядерных боеголовок, большинство из которых будут установлены на носителях, способных оперативно достичь континентальной части США. В Китае также проводятся работы по созданию ядерных боеголовок меньшей мощности, чтобы обеспечить пропорциональный ответ на возникающие военные угрозы [Chinese nuclear...].

Китай продолжил развивать компоненты ядерной триады. В частности, КНР разрабатывает новые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), которые значительно увеличат ядерный потенциал страны и потребуют увеличения производства разделяющихся головных частей с блоками индивидуального наведения. Ракетные войска (РВ) НОАК продолжили наращивать парк мобильных МБР «Дунфэн-26», способных нести как конвенциональные, так и ядерные заряды [Chen feng...].

Кроме того, в ВМС НОАК прошли модернизацию атомные подводные лодки с баллистическими ракетами типа 094 «Цзинь», оснащенные баллистическими ракетами. Воздушный компонент триады также получил развитие — на вооружение была принята модификация бомбардировщика «Хун-6N», способная заправляться в воздухе и нести баллистические ракеты воздушного базирования в ядерном оснащении. Несмотря на значительный возраст, различные модификации «Хун-6» по-прежнему находятся в производстве и продолжают модернизироваться. Вероятно, «Хун-6N» будет основным средством ядерного сдерживания из состава ВВС НОАК до тех пор, пока на вооружение не поступит бомбардировщик «Хун-20», который в настоящее время находится в стадии разработки. Таким образом, КНР активнее других ядерных

¹ Китайский военный бюджет увеличивается и, как предполагается, в 2025 г. он составит 1,78 трлн юаней.

держав наращивала арсенал и модернизировала ядерные силы в большем количестве, чем когда-либо прежде [SIPRI Yearbook ... 2025, p. 14]. По имеющимся оценкам, тенденция увеличения ядерного потенциала КНР продолжится в ближнесрочной перспективе [Аналитические записки ... 2024, с. 18].

Развитие нормативно-правовой базы ВС КНР

В начале 2024 г. Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Правовая система и практика Китая по борьбе с терроризмом» (中国的反恐主义法律制度体系与实践) [Zhongguo de...]. Документ раскрывает китайские взгляды на совершенствование правовой системы борьбы с терроризмом; критерии, определения террористической деятельности и наказание за нее; стандарты властных полномочий в борьбе с терроризмом; обеспечение личной безопасности граждан.

В документе отмечается, что в Китае накоплен значительный опыт участия в международных конвенциях и договорах, присоединение к которым позволило внести актуальные поправки в постоянно совершенствуемое уголовное законодательство. Именно на этой основе Китай в течение многих лет успешно противодействует терроризму. В Белой книге сделан вывод о том, что применяемая в стране практика борьбы с терроризмом полностью соответствует целям и принципам ООН, отвечает международным требованиям, которые предъявляются международным правом. Авторы документа подчеркивают, что в стране на современном этапе надежно обеспечена национальная и общественная безопасность, защищены жизнь и имущество граждан, за счет чего Китай вносит существенный вклад в борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

В сентябре 2024 г. в «Закон об образовании в области национальной обороны» (国防教育法) были внесены корректировки в интересах «модернизации системы и потенциала национальной безопасности Китая» [Zhonghua renmin...]. Учитывая нарастание угроз военной безопасности государства, китайское правительство приняло решение внести в нормативно-правовой акт поправки, касающиеся обязательного повышения осведомленности граждан об успехах развития военного образования.

Предполагается, что информация об образовательном процессе в НОАК станет доступнее для гражданского населения и это позволит создать более привлекательный облик военной службы, на которую призовутся наиболее подготовленные кандидаты [Там же]. Данные поправки могут свидетельствовать о том, что китайское руководство уделяет пристальное внимание развитию патриотизма и укреплению единства военнослужащих и гражданского населения.

В июне 2024 г. была опубликована новая интерпретация Закона КНР от 2005 г. «О борьбе с расколом страны» (反分裂国家法), который предусматривает уголовное наказание сторонников «независимости Тайваня». В новых «Предложениях по наказанию в соответствии с законом приверженцев “независимости Тайваня” за раскол страны и подстрекательство к отделению» (关于依法惩治“台独”顽固分子分裂国家、煽动分裂国家犯罪的意见) были указаны конкретные преступления, связанные с сепаратизмом, за которые будет осуществляться наказание [Zuigao renmin...]. При этом данный нормативно-правовой акт расширяет зону действия Закона КНР от 2005 г.,

применение которого теперь носит экстерриториальный характер. В целом, данный документ следует рассматривать как элемент «трех войн» («психологическая война, борьба за общественное мнение и юридическая война») НОАК, нацеленных на достижение мирного воссоединения Китая.

Усиление партийного контроля и дисциплины

В 2024 г. под руководством председателя КНР Си Цзиньпина была продолжена начатая в 2023 г. кампания по проверке дисциплины высших должностных лиц в различных секторах партийно-государственной системы. Ранее наиболее резонансными отставками в министерстве обороны КНР стали отстранение от исполнения служебных обязанностей бывших министров Вэй Фэнхэ (魏凤和) и Ли Шанфу (李尚福), которые, однако, были исключены из Коммунистической партии Китая только в июле 2024 г., перед тем как подвергнуться судебному преследованию [Li Shangfu...]. Бывшие командующий ракетными войсками НОАК генерал-полковник Ли Юйчао (李玉超), заместитель командующего РВ НОАК Чжан Чжэньчжун (张振中) и начальник главного штаба ракетных войск Сунь Цзиньмин (孙金明) были отстранены от занимаемых должностей и отправлены под следствие. В конце ноября начальник главного управления политической работы ЦВС Мяо Хуа (苗华) был отстранен от должности и попал под следствие за «серьезные нарушения дисциплины» [2024 nian...]. Подобная ситуация может свидетельствовать о том, что в НОАК проводится более масштабное расследование в сфере коррупции [The Military ... 2025, p. 267].

Результатом повышения общего уровня политической дисциплины и лояльности в НОАК стало назначение нового министра обороны. На данную должность в декабре 2023 г. был назначен адмирал Дун Цзюнь (董军). Однако в отличие от своих предшественников, он по состоянию на конец 2024 г. не занимал какой-либо пост ЦВС [Zhonghua renmin gongheguo...]. Является ли это нововведением во внутренней политике Китая или признаком того, что председатель КНР Си Цзиньпин стремится проявлять большую осторожность в ходе назначений на должности после периода коррупционных скандалов, можно будет констатировать позже.

Новый этап реформирования НОАК

В 2024 г. в НОАК были расформированы силы стратегической поддержки (战略支援部队), на которые с конца 2015 г. были возложены задачи по комплексному ведению всех видов разведки [Zhanlüe...]. ССП организационно состояли из двух структур: управления космических систем (航天系统部), отвечавшего за запуски, отслеживание, и управления спутниками и управления сетевых систем (网络系统部), включавшего в себя органы технической и радиотехнической разведки.

Причины упразднения данного компонента НОАК официально не пояснялись общественности. В условиях отсутствия официальных комментариев со стороны минобороны КНР по данному вопросу, наиболее логичным объяснением реформирования данного компонента НОАК является неполное соответствие ССП требованиям

верховного главнокомандующего по координации совместных операций, информационному противоборству и предоставлению разведывательной информации. В 2016–2024 гг. работа всех видов разведки под командованием ССП не способствовала развитию здоровой конкуренции в интересах информирования высшего политического и военного руководства и могло мешать пониманию тенденций военно-политической обстановки. Представляется, что структурная реформа НОАК не является следствием антикоррупционных чисток, а отражает тот факт, что упраздненные силы стратегической поддержки не представляли собой «идеальную структуру».

В апреле 2024 г. в НОАК были созданы силы информационной поддержки (СИП) (信息支援部队) [Зуенко 2024, с. 196]. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе торжественной церемонии по случаю образования СИП заявил, что это важное решение было принято с учетом необходимости модернизации национальной обороны в новых условиях обстановки. В его речи был сделан акцент на том, что СИП представляют принципиально новую структуру — «новейший род войск стратегического уровня» (全新打造的战略性兵种), который будет координировать развитие и применение киберинформационных систем для гарантированного достижения победы в современных войнах [Zhongguo renmin jiefangjun...].

На должность командующего силами информационной поддержки был назначен генерал-лейтенант Би И (毕毅), построивший свою карьеру в сухопутных войсках. Отвечающим за партийный контроль в СИП политическим комиссаром был назначен генерал-полковник Ли Вэй (李伟), ранее курировавший партийную линию в войсках Синьцзян-Уйгурского автономного района. Стоит отметить, что оба высших офицера обладают необходимым опытом работы: командующим недавно созданными силами информационной поддержки является Би И — бывший заместитель командующего силами стратегической поддержки, а политическим комиссаром — Ли Вэй, бывший политический комиссар ССП [Dui jiefangjun...].

Судя по китайским публикациям, в настоящее время силы информационной поддержки находятся в непосредственном подчинении ЦВС [Jiefangjun bao...]. В них вошли части и подразделения из состава расформированных ССП [Zhanlue zhiyuan...]. Вполне вероятно, что в перспективе СИП смогут пройти путь от отдельного рода войск до вида войск по аналогии с тем, как это было со «Второй артиллерией», ставшей ракетными войсками.

Командование НОАК на основе проводимых исследований пришло к выводу, что проведенная в 2024 г. военная реформа выгодна НОАК с точки зрения повышения боевых возможностей, поскольку командир любого объединенного командования может относительно оперативно задействовать силы и средства СИП в своих интересах без обращения в вышестоящий штаб [Jiefangjun bao...]. Предполагается, что такой подход может повысить эффективность проведения совместных операций, в ходе которых взаимодействуют разнородные группировки войск (сил) [Хуехика...]. В связи с этим СИП в короткие сроки интегрируется в существующую систему совместных операций китайских ВС для своевременного и эффективного выполнения задач в условиях информационного противодействия со стороны вероятных противников [Конкуренция между... 2024, с. 144].

Модернизация НОАК

Начиная с 2017 г. НОАК претерпела ряд изменений, постепенно отходя от первоначальной структуры по мере расформирования существующих бригад и формирования новых. Эти структурные изменения указывают на то, что командование НОАК стремится учиться и адаптироваться на основе уроков, извлеченных из собственного опыта, а также из опыта вооруженных сил зарубежных стран.

После проведения нового этапа реформирования в 2024 г. структура НОАК включает в себя четыре вида войск (сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морские силы, ракетные войска) и четыре отдельных рода войск (воздушно-космические силы, кибервойска, силы информационной поддержки и материально-технического обеспечения).

В 2024 г. боевые возможности НОАК совершенствовались за счет принятия на вооружение бригадами 76-й группы армий Западного объединенного командования реактивных систем залпового огня (РСЗО) РСН-191 [Di 76 jítuanjun...]. Модульная конфигурация пусковой установки данной РСЗО позволяет использовать различные боеприпасы, включая высокоточные 300-мм и 370-мм артиллерийские ракеты и 750-мм баллистические ракеты, которые являются аналогом экспортной модели Fire Dragon 480. Кроме того, РСЗО РСН-191 была передана частям НОАК в других объединенных командованиях, что отражает тот факт, что огневая поддержка на дальнее расстояние имеет большое значение для НОАК в целом, а не только в связи с чрезвычайными ситуациями на Тайване [2024 Annual Report... 2024, p. 61].

ВМС НОАК продолжали расширять свои возможности. В мае 2024 г. приступил к ходовым испытаниям авианосец «Фуцзянь». Авианесущий корабль поступит на вооружение не раньше конца 2025 или 2026 г., но это позволит развить парк палубной авиации ВМС НОАК. Тем временем первый авианосец ВМС — «Ляонин», который в марте вышел из годовичного ремонта, и второй полностью национального производства — «Шаньдун» — продолжали накапливать опыт эксплуатации. Совместно оба авианесущих корабля приняли участие в ряде операций по развертыванию авианосных ударных групп в Южно-Китайском море, у берегов Тайваня и в Филиппинском море, что также позволило авиагруппам палубной авиации совершать длительные боевые вылеты. Авианосцы также действовали в составе все более разнообразных эскортных групп, в состав которых входили эсминцы тип 055 и тип 052D [The Military ... 2025, p. 269].

Учения в Тайваньском проливе

В 2024 г. китайское руководство ужесточило свои подходы в отношении Тайваньского пролива, что было связано с активизацией крупномасштабных военных учений вокруг Тайваня. Для поддержания существующего баланса сил в Тайваньском проливе НОАК провела два крупномасштабных учения в 2024 г. под названиями «Объединенный меч-2024А» (联合利剑-2024А) и «Объединенный меч-2024В» (联合利剑-2024В).

Рассматриваемые учения были приурочены к политически значимым событиям. Совместные учения «Объединенный меч-2024А» состоялись после приведения к присяге новоизбранного главы тайваньской администрации Лай Циндэ (賴清德), а совместные учения «Объединенный мечь-2024В» состоялись после его выступления по случаю Национального дня Тайваня.

По заявлению официального представителя Восточного объединенного командования НОАК, все учения «Объединенный меч» стали предупреждением для «сепаратистских сил, борющихся за независимость Тайваня и состоящих в сговоре с внешними силами». В ходе данных учений командование НОАК отработало различные сценарии применения сил и средств в зависимости от непредвиденных обстоятельств на противоположном берегу пролива (табл. 1). На всех этапах учений вокруг Тайваня было задействовано значительное количество истребителей ВВС НОАК «Цзянь-16» и «Цзянь-20», а также подразделения из состава сухопутных войск, оснащенные РСЗО РСН-191 [The Military ... 2025, p. 235].

В ходе учений также были отработаны различные элементы десантной морской операции, блокады или экономического карантина Тайваня. При этом в ходе учений «Объединенный меч-2024А» все элементы отрабатывались по отношению к портам и военно-морским базам Тайваня, а в ходе учений «Объединенный меч-2024В» — по отношению к военно-воздушным базам и аэропортам [Там же].

Таблица 1

Баланс вооруженных сил в Тайваньском проливе в 2024 г.²

Сухопутные войска			
Рода и виды Сухопутных войск	Сухопутные войска КНР (всего)	Сухопутные войска КНР (в зоне пролива) ³	Сухопутные войска Тайваня
Личный состав	1,04 млн. чел.	427 000 чел.	104 000 чел.
Армии	13	5	3
Бригады пехотные (смешанные)	80	30	7
Штурмовые бригады	3	1	—
Бригады армейской авиации	13	4	2
Артиллерийские бригады	15	5	3

² 2024 Annual Report to Congress on Military and Security Developments Involving the PRC. The Department of Defense (DoD). USA. 2024. Pp. 164-165. URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed: 15.03.2025).

³ В данном столбце таблицы автором использована формулировка «в зоне пролива», чтобы выделить только силы и средства, подчиненные восточному и южному объединенным командованиям НОАК. Предполагается, что в случае начала возможной «конфликтной ситуации» между берегами Тайваньского пролива именно эти силы и средства будут задействованы командованием НОАК для сдерживания или отражения агрессии извне.

Бригады ВДВ	6	6	–
Бригады морской пехоты	11	5	2
Танки	3 800	1 000	800
Орудия артиллерии	7 600	2 300	1 100
Военно-воздушные силы			
ВВТ	ВВС КНР (всего)	ВВС КНР (в зоне пролива)	Военно-воздушные силы Тайваня
Истребители	1 900	800	350
Истребители бомбардировщики	500	300	–
Самолеты военно-транспортной авиации	500	40	50
Авиация Сил специальных операций	250	150	20
Военно-морские силы			
ВВТ	Военно-морские силы КНР (всего)	Военно-морские силы КНР (в зоне пролива)	Военно-морские силы Тайваня
Авианосцы	3	1	–
Десантные корабли	3	3	1
Крейсеры	8	4	–
Эсминцы	42	30	4
Фрегаты	49	36	22
Корветы	50	40	–
Амфибийные корабли	58	51	51
Дизель-электрические подводные лодки	47	31	4
Атомные подводные лодки	6	2	
Подводные лодки атомные с ракетами баллистическими	6	6	–

Международное военное сотрудничество

В июле 2024 г. Пекин приостановил переговоры с Вашингтоном по контролю над вооружениями и распространению ядерного оружия, которые начались в ноябре 2023 г., в знак протеста против американских продаж оружия Тайваню. Принятый в апреле 2024 г. американский законопроект об иностранной помощи предусматривал выделение 1,9 млрд долл. на финансирование оборудования, которое США передает Тайваню из имеющихся у них запасов материальных средств. В июне 2024 г. также

была одобрена потенциальная продажа Тайваню беспилотных летательных аппаратов Switchblade 300 и ALTIUS 600M-V на сумму около 350 млн долл.

В 2024 г. в Танзании прошли учения Peace Unity 2024, в ходе которых Китай отправил войска и технику в страну воздушным и морским транспортом. ВС КНР принимают участие в многонациональных учениях и оказывают определенную помощь в обучении другим африканским вооруженным силам.

В июле 2024 г. командование воздушно-космической обороны Северной Америки (NORAD) сообщило о заходе двух китайских бомбардировщиков «Хун-6» и двух российских бомбардировщиков Ту-95 в зону опознавания ПВО Аляски. Это первый случай, когда летательные аппараты двух стран были замечены в зоне ПВО Аляски (бомбардировщики оставались в международном воздушном пространстве). Хотя учения носили символический характер, их проведение также свидетельствует об укреплении военных связей Пекина и Москвы. Этот случай стал вторым за год совместным патрулем стратегических бомбардировщиков (联合空中战略巡航) ВВС РФ и ВВС НОАК. Первое совместное патрулирование ВВС двух состоялось в июле в воздушном пространстве северной части Тихого океана и Берингова моря вблизи побережья Аляски [Zhong e liangjun ...].

КНР и Россия расширили сотрудничество не только в ходе совместных военных учений, но и в операциях по обеспечению безопасности на море. Так, было проведено двустороннее учение «Север. Взаимодействие-2024» (北部联合-2024) и стратегическое командно-штабное учение «Океан-2024» (海洋-2024). В рамках учений была проверена способность двух стран координировать ответы на предполагаемые стратегические вызовы как в морской, так и в воздушной сферах. Кроме того, в начале октября состоялось первое совместное патрулирование, проведенное Береговой охраной Китая (中国海警) и ФСБ РФ в исключительной экономической зоне России и Беринговом море около Аляски. Во время патрулирования китайские суда прошли испытания в суровых арктических условиях, продемонстрировав устойчивость к экстремальной погоде.

В 2024 г. ВМС НОАК продолжали поддерживать присутствие оперативной группы по борьбе с морскими пиратами, начавшей дежурство в 2008 г. в Аденском заливе и близлежащих акваториях. Считается, что оперативная группа играет сдерживающую роль в противодействии йеменским хуситам, деятельность которых затрудняет судоходство в Аденском заливе и южной части Красного моря. Кроме того, корабельный состав ВМС НОАК выполнил задачу демонстрации флага и заходы в порты Южной Африки, в воды Балтики для участия в праздновании Дня Военно-Морского Флота ВС РФ в Санкт-Петербурге, а также для участия в совместных учениях России, Китая и Ирана «Морской пояс безопасности-2024» (安全纽带-2024) [Zhongfang jiangang...]. Проведение вышеперечисленных мероприятий свидетельствует об углублении и диверсификации военного сотрудничества России и Китая в интересах сдерживания потенциальных противников [Тренин, Авакянц, Караганов 2024, с. 142].

Военно-промышленный комплекс

Военно-промышленный комплекс (ВПК) Китая играет значимую роль в реализации стратегических целей страны, включая обеспечение национальной безопасности, защиту суверенитета и укрепление позиций на мировом рынке вооружений. В 2024 г. развитие ВПК Китая происходило в условиях растущей геополитической и технологической конкуренции с США, а также необходимости обеспечения устойчивости национальной экономики [2024 Annual Report... 2024, p. 45].

Китайские военные специалисты отмечают, что в рассматриваемый период предприятия военной промышленности КНР продолжили производство вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и сопутствующей продукции военного назначения. Политическое руководство КНР уделяет особое внимание вопросам перевооружения национальных ВС наиболее современными образцами ВВСТ. Существенная модернизация парка ВВСТ связана с реформированием ВС Китая в рамках «Программы модернизации национальной обороны до 2049 г.» (2049 军事复兴计划) [Gai wenzhang...], в соответствии с которой сокращается устаревшее ВВСТ, активизируются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) [Xijiping...].

В настоящее время военная промышленность Китая имеет полную внутриотраслевую структуру, включая высокотехнологичные отрасли (атомная, ракетно-космическая, авиационная, радиоэлектронная). Во всех отраслях присутствуют производственные, ремонтные предприятия и научно-исследовательские организации. Производственная база позволяет осуществлять крупносерийное или массовое производство широкой номенклатуры различных видов и типов ВВСТ [SIPRI Yearbook ... 2025, p. 10].

По состоянию на 2024 г. в Китае по-прежнему насчитывалось десять крупных государственных корпораций, выполняющих государственное задание по разработке и производству ВВСТ (табл. 2)⁴. В рассматриваемый период входящие в их состав компании (более 800) продолжили оптимизацию своей организационно-штатной структуры и стандартизацию наиболее удачных образцов оружия национального производства. С учетом возможности производства всего спектра номенклатуры ВВСТ в 2024 г. был продолжен тренд на увеличение поставок вооружений китайского производства зарубежным заказчикам. Данное обстоятельство позволило китайским производителям ВВСТ укрепить свои позиции на мировом рынке вооружений, поскольку произведенное в КНР вооружение по критерию «стоимость-эффективность» в ряде случаев представляет достойную альтернативу американским аналогам.

⁴ В своей повседневной деятельности китайские госкорпорации подотчетны Комитету по контролю и управлению государственной собственностью Госсовета КНР и Государственному управлению оборонной науки, техники и промышленности. Данные ведомства принимают участие в решении основных экономических, военно-технических и производственных вопросов предприятий ВПК.

Таблица 2

Государственные корпорации ВПК КНР

№ п/п	Наименование (рус.)	Наименование (англ.)	Отрасль (сфера)
1	Китайская корпорация авиационного двигателестроения	Aero Engine Corporation of China (AECC)	Авиационная промышленность
2	Корпорация авиационной промышленности Китая	Aviation Industry Corporation of China (AVIC)	
3	Научно-техническая корпорация космической промышленности Китая	China Aerospace Science and Technology Corporation (CAST)	Ракетостроение, освоение космического пространства
4	Научно-производственная корпорация космической промышленности Китая	China Aerospace Science and Industry Corporation (CASIC)	
5	Научно-техническая корпорация электронной промышленности Китая	China Electronics Technology Group Corporation (CETC)	Электроника и информационные технологии
6	Китайская производственная корпорация электронной информации	China Electronics Corporation (CEC)	
7	Корпорация оружейной промышленности Китая (Китайская северная индустриальная корпорация)	China North Industries Group Corporation (CNGC, NORINCO)	Вооружение и военная техника
8	Корпорация вооружения и военной техники Китая (Китайская южная индустриальная корпорация)	China South Industries Group Corporation (CSGC)	
9	Китайская национальная ядерная корпорация	China National Nuclear Corporation (CNNC)	Ядерная энергетика
10	Китайская судостроительная корпорация	China State Shipbuilding Corporation (CSSC)	Судостроение

Источник: составлено автором на основе 2024 Annual Report to Congress on Military and Security Developments Involving the PRC. The Department of Defense (DoD). USA. 2024. URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed: 15.03.2025).

Военное авиастроение

В 2024 г. предприятия авиационной промышленности продолжили работу по обновлению авиационного парка ВВС НОАК. Научно-исследовательские институты и производственные организации ВПК КНР начали оснащать тяжелый военно-транспортный самолет «Юнь-20А» турбовентиляторным двигателем WS-20 (ранее устанавливались турбовентиляторные двигатели Д-30КП-2 российского производства)

[Y-20 strategic airlifter...]. Достоверно известно, что модификация «Юнь-20В», оснащенная новым двигателем, проходила летные испытания в течение 2024 г. Предполагается, что в случае успешных испытаний модифицированный «Юнь-20В» с двигателями WS-20 будет не только выполнять функции тяжелого военно-транспортного самолета, но и станет платформой для нового китайского самолета ДРЛО [Yun 20 feiji...].

Также была осуществлена поставка в войска тяжелого многоцелевого истребителя «Цзянь-20» и организованы летные испытания двухместного варианта данного истребителя, оснащенного новым турбовентиляторным двигателем (ТРДД) WS-15 с форсажной камерой. Новый ТРДД предназначен для замены устаревшего мотора WS-10, используемого массово в истребителях ВВС НОАК [China's twin-seat J-20S...]. Предприятия китайского ВПК продолжили в плановом порядке производство истребителей-бомбардировщиков «Цзяньхун-7» и сборку истребителей «Цзянь-16», «Цзянь-11В» и «Цзянь-10» (модификации В и С) в интересах ВВС НОАК. Ежегодные темпы производства «Цзянь-16» выше примерно в два раза по сравнению с «Цзянь-10С», поскольку первый в большей степени ориентирован на экспортный рынок, а не на ВВС НОАК. В свою очередь, планер «Цзянь-16» как более совершенный летательный аппарат был использован в качестве основы для самолета радиоэлектронной борьбы «Цзянь-16D». Также была продолжена программа разработки истребителя пятого поколения «Цзянь-35», способного проводить посадку на палубу авианосцев. В качестве его модификации на авиасалоне Airshow China в Чжухае в ноябре 2024 г. широкой общественности был представлен «Цзянь-35А», предназначенный для ВВС НОАК.

Анализ информации из китайских источников позволяет утверждать, что перспективные разработки военного авиастроения в КНР были связаны с проведением НИОКР в интересах проектирования самолета вертикального взлета и посадки (в некоторых источниках встречается обозначение «Цзянь-18»), а также создания палубного конвертоплана. В соответствии с требованиями командования НОАК, данные перспективные разработки должны быть спроектированы с применением всего спектра технологий всемерного снижения заметности («стелс»), а также по своим тактико-техническим характеристикам не уступать истребителям 4 поколения. По нашей оценке, учитывая отсутствие у Китая практических наработок, появление боевых образцов в ближайшие пять лет маловероятно.

В течение года предприятия китайского военного авиастроения продолжали разрабатывать новые беспилотные летательные аппараты. В течение года ВВС НОАК получили несколько единиц разведывательных беспилотных летательных аппаратов большой дальности WZ-7 с турбовентиляторным двигателем производства компании Guizhou Aircraft Industry Corporation (GAIC) [Guizhou Aircraft Industry...]. Начиная с 2022 г. БПЛА WZ-7 используется для выполнения задач по мониторингу состояния противовоздушной обороны Тайваня, предполагается, что оснащение новым двигателем производства GAIC позволит увеличить дальность и время полета.

Представляется возможным утверждать, что переоснащение авиапарка ВВС НОАК идет по двум направлениям: модернизация имеющихся летательных аппаратов и поставка на вооружение техники нового поколения. Данные мероприятия осуществляются за счет закупок ВВСТ за рубежом и за счет производства вооружений на предприятиях Китая. Несмотря на ежегодный рост доли военной продукции, вы-

пускаемой в КНР, большинство технологий, применяемых для строительства техники ВВС Китая, — это безлицензионные копии зарубежных аналогов. В частности, наряду с приобретением российского ЗРК С-400 в КНР ведется разработка собственного зенитного ракетного комплекса дальнего радиуса действия «Хунци-26» на базе имеющегося на вооружении «Хунци-9», при доработке которого будут использованы технологии С-400.

Ракетостроение, освоение космического пространства

В 2024 г. значительное развитие получила программа развития крылатых ракет в Китае. В качестве экспортера КНР пока что поставляет преимущественно легкие противоракеты (ПКР) устаревших проектов, а также противоракеты малого радиуса действия с твердотопливными двигателями (С-704/705, С-801/802). По своим характеристикам последние модификации таких ПКР представляют собой аналоги зарубежных ПКР Harpoon и Exocet [China fired a YJ-12B...].

С середины 2010-х гг. такие ракеты в ВМС НОАК постепенно переводятся в резерв, в то время как основным ударным вооружением становятся новые сверхзвуковые крылатые ракеты (КР) «Инцзи-12» (сконструированные в результате изучения сильных и слабых сторон ранее приобретенных российских ракет Х-31), а также дозвуковые КР «Инцзи-18», оснащенные боевой частью с дополнительным твердотопливным ускорителем, позволяющим разгонять ПКР до сверхзвуковой скорости на конечном участке траектории [CHINA-PLA...].

Стоит отметить, что китайская сверхзвуковая ПКР «Инцзи-12» может быть развернута одновременно на воздушных, морских и наземных носителях, а также имеет противорадиолокационную модификацию. Такая унификация упрощает продвижение экспортного портфолио и позволяет дополнительно снизить себестоимость изделий. С 2010-х гг. «Инцзи-12» уже активно поставляются на экспорт в Пакистан (под индексом CM-400), с высокой долей вероятности в ближайшие десятилетия КНР будет поставлять эти КР и другим заказчикам [Стратегический обзор ... 2024, с. 146].

В сентябре китайская компания Changguang Satellite Technology Co., Ltd (CGSTL) запустила спутник семейства «Цилинь-1», несущий радиолокационную систему с синтезированной апертурой антенны, и шесть спутников дистанционного зондирования Земли этого же семейства «Цилинь-1» в модификации «Куаньфу-02В». Компания существенно расширила масштаб своей деятельности по дистанционному зондированию Земли. В настоящее время в мире нет гражданского или военного спутника способного обеспечить такую же производительность при пространственном разрешении 50 см [Chang Guang ...].

Китай утверждает, что благодаря этому достижению, которым он обязан своему «частному» сектору, он догнал Запад в области космических аппаратов оптико-электронной разведки, и его возможности в этой области составляют прямую конкуренцию возможностям новой группировки спутников Starshield, которую компания SpaceX разрабатывает для национального управления военно-космической разведки США (National Reconnaissance Office); первые 63 космических аппарата группировки Starshield выведены на орбиту.

Основным заказчиком CGSTL является НОАК. Избыточные мощности также позволяют компании поставлять свои услуги на экспорт. Благодаря сделкам с зарубежными заказчиками компания CGSTL, по-видимому, становится национальным лидером КНР в области дистанционного зондирования Земли из космоса; она в состоянии удовлетворить как потребности внутренних заказчиков, так и поддержку заказчиков из стран-партнеров, большинство из которых являются членами БРИКС.

Вооружение и военная техника сухопутных войск

В 2024 г. на вооружение СВ НОАК поступила первая партия новой колесной боевой машины пехоты под обозначением ZBL-19, произведенная китайской корпорации North Industries Corporation (NORINCO) в конце 2023 г. Данная БМП отличается новой конструкцией беспилотной башни и, по-видимому, является логическим продолжением уже существующего семейства машин ZBL-08. Можно предположить, что БМП предназначена для замены боевых машин, находящихся на вооружении сухопутных войск. СВ НОАК также, по-видимому, оснащает свои существующие основные боевые танки (ОБТ) ZTZ-99A версией системы активной защиты GL5 hard-kill от NORINCO, которую ранее можно было увидеть на экспортных моделях ОБТ VT-4 и VT-5 [Norinco Type 19...].

Предприятия ВПК КНР в ходе своих опытно-конструкторских работ продолжают экспериментировать с широким спектром моделей беспилотных наземных платформ. Практические испытания данных машин происходит как в войсках на территории КНР, так и в ходе двусторонних учений, например с ВС Камбоджи и Лаоса. Однако данные модели на настоящий момент не были запущены в серийное производство. При этом ожидается, что применение подобных комплексов повысит боевые возможности китайских подразделений в ходе проведения операций, заменит человека при решении задач в критических условиях [China rolls out...].

Ядерная энергетика

Командование НОАК уделяет особое внимание модернизации ядерных сил, которые в случае необходимости смогут гарантировать нанесение ответного удара. Сотрудниками военно-промышленного комплекса КНР разрабатывается новое поколение межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения, а также средства прорыва системы противовоздушной обороны (ПВО) [2024 Annual Report... 2024, p. 11].

Пекин осуществляет поставки ядерных систем на вооружение национальных ракетных войск и ВМС [Guoqu 10 nian...]. В 2017 г. на военно-воздушные силы НОАК была повторно возложена задача ядерного сдерживания, что, оценочно, связано с модернизацией стратегических бомбардировщиков. Предполагается, что проведение данных мероприятий обеспечит Китай высокоэффективной и надежной ядерной триадой, позволяющей защищать интересы государства.

Военные специалисты НОАК продолжают разрабатывать целый ряд технологий для противодействия системам противоракетной обороны США и других стран.

Активно ведутся работы по созданию маневрирующих головных частей МБР, ракет с блоками индивидуального наведения, ложных целей, комплексов радиоэлектронной борьбы и гиперзвуковых летательных аппаратов. В связи с необходимостью интеграции всех передовых элементов ядерных сил, НОАК, оценочно, продолжит внедрять более сложные системы управления и контроля и синхронизировать протекающие в них процессы.

Руководство Китая продолжает поддерживать на необходимом уровне количество ядерных боеприпасов и исследовать, развивать и производить новое ядерное оружие. При этом НОАК имеет определенное количество устаревших ядерных зарядов, которые требуют регулярного контроля, технического обслуживания и восстановительных работ для сохранения их эффективности. Китайская академия инженерной физики (г. Пекин, КНР) является ключевой структурой, обеспечивающей разработку и обслуживание компонентов ядерных сил КНР. В ее штат включены несколько десятков тысяч сотрудников, способных проводить все аспекты исследований в области разработки ядерного оружия, включая ядерную физику, материаловедение, электронику, взрывчатые вещества и компьютерное моделирование [The Military ... 2025, p. 31].

Китай обладает необходимым промышленным потенциалом для обогащения урана и производства плутония в военных целях. Так, китайская национальная ядерная корпорация (г. Пекин, КНР) эксплуатирует три завода по обогащению урана. По данным американских специалистов, китайская сторона намерена основную свою часть обогатительного потенциала направить на поддержание атомной энергетики, однако часть его все же будет перераспределена на военные цели [AI feixingyuan...].

Военное судостроение

Растущий потенциал ВПК КНР обусловлен быстрым расширением оборонно-промышленной базы Китая, которая в условиях растущего спроса сталкивается с необходимостью дальнейших реформ и консолидации. Например, в сентябре 2024 г. китайское правительство объявило о слиянии Китайской государственной судостроительной корпорации (CSSC) и Китайской корпорации судостроительной промышленности (CSIC) — двух крупнейших судостроительных компаний Китая — путем обмена акциями, при этом CSIC была поглощена CSSC Holdings. Реорганизация, о которой впервые стало известно в 2019 г., была направлена на решение проблемы ненужной конкуренции в судостроительном секторе. Консолидация должна оптимизировать рабочий процесс и ускорить развитие большого количества научно-исследовательских институтов с дублирующим функционалом из состава CSSC и CSIC [2024 Annual Report... 2024, p. 66].

В начале июня на верфи Dalian Shipbuilding состоялся спуск на воду эскадренного миноносца класса «Тип-055». Основным предназначением эсминцев класса «Тип-055» является сопровождение авианосных ударных групп ВМС НОАК. Предполагается, что корабль также может применять гиперзвуковую противокорабельную ракету «Инцзи-21». Эсминец оборудован радиолокационной станцией с фазированной антенной решеткой. В его ангаре могут быть размещены два вертолета Z-9, Z-18 или Z-20.

Примечательно, что спущенный на воду эсминец строился в Китае сразу двумя судостроительными предприятиями: Jiangnan Changxingdao и Dalian Shipbuilding. Согласно новым коммерческим спутниковым снимкам, Dalian Shipbuilding также приступила к строительству следующего корабля серии «Тип-055» и произвела закладку еще одного эсминца класса «Тип-052D», шестого в последней партии. Как предполагается, в настоящее время и Jiangnan Changxingdao и Dalian Shipbuilding работают над новыми эминцами «Тип-055». Окончательное количество заказанных кораблей этой партии неизвестно, поскольку командование ВМС НОАК официально не комментирует темпы строительства.

В начале мая 2024 г. из Шанхая в море на заводские ходовые испытания впервые вышел третий китайский авианосец «Фуцзянь» (бортовой номер «18»). Авианосец, обозначаемый как проект 003, был построен на судостроительном предприятии объединения Jiangnan Shipbuilding (Group) Co., Ltd. (в составе китайской государственной судостроительной корпорации China State Shipbuilding Corporation — CSSC) после принятия в состав флота станет самым большим боевым кораблем ВМС НОАК. На авианосце применена технология катапультного старта, что принципиально отличает его от первых двух китайских авианосцев «Ляонин» и «Шаньдун», где используется советская схема трамплинного взлета самолетов и посадки на аэрофинишер. Предполагается, что в стадии строительства находится четвертый, еще более крупный авианосец [2024 Annual Report... 2024, p. 68].

В 2024 г. для гарантированного стратегического сдерживания вероятного противника была продолжена модификация и производство подводных лодок нового поколения проектов 096 и 095, оснащенных ядерными баллистическими ракетами, а также ударных дизель-электрических подводных лодок [The Military ... 2025, p. 200]. Однако точная траектория движения подводных сил, предусмотренных ВМС НОАК, в целом остается достаточно неопределенной [Zhongguo zhizao...], поскольку в открытых источниках регулярно встречается информация о появлении новых вариантов существующих атомных и обычных ударных подводных лодок, которую проверить является проблематичным [Woguo heqianting...].

Военно-гражданская интеграция

В 2024 г. Китай продолжил активно развивать программы военно-гражданской интеграции (ВГИ)⁵, направленную на объединение усилий военного и гражданского секторов для достижения долгосрочных стратегических целей. В рамках стратегии ВГИ Китай приобретает интеллектуальную собственность за рубежом, а также тратит значительные суммы на внутренние исследования и разработки в области обороны. Например, в марте 2024 г. Министерство науки и технологий Китая сообщило, что в 2023 г. оно потратило на исследования и разработки более 3,3 трлн юаней (458,6 млрд долл.), что на 8,1% больше, чем в предыдущем году. Из них 221,2 млрд юаней (30,7 млрд долл.) было потрачено на «фундаментальные исследования», что само по себе является ежегодным увеличением на 9,3% [The Military ... 2025, p. 135].

⁵ Военно-гражданская интеграция (军民融合) является элементом стратегии развития Китая, направленной на укрепление национальной безопасности и технологической независимости.

Китайские военные специалисты признают, что на современном этапе китайская военная промышленность продолжает извлекать выгоду из укрепления связей между гражданским и коммерческим секторами стран [Yanxuetong...]. Однако развитие ВГИ в Китае происходит в условиях растущей геополитической напряженности и технологической конкуренции. США в 2022–2024 гг. использовали экспортный контроль, чтобы ограничить возможности Китая получить доступ к передовым компьютерным и полупроводниковым технологиям двойного назначения [Денисов, 2023, с. 9–25; Румянцев, 2024, с. 275]. Развитие полупроводниковой промышленности Китая может быть приостановлено из-за невозможности получить доступ к оборудованию для литографии [Новая холодная ... 2025, с. 22].

Стабильное внедрение инноваций в рамках ВГИ также способствует росту китайского оборонного экспорта и военно-технической кооперации с зарубежными странами. Например, в 2024 г. одной из форм расширения сотрудничества предприятий китайского ВПК стала военно-техническая кооперация с зарубежными странами. КНР реализует отдельные проекты военно-технического сотрудничества в сфере ракетных технологий. Например, можно отметить участие китайских разработчиков в создании тяжелой РСЗО с управляемыми снарядами DTI-1 и DTI-1G в Таиланде на основе китайской системы WS-2.

Другим направлением является налаживание сотрудничества в военно-технической сфере со странами Африки. Например, в апреле 2024 г. Нигерия заключила контракт с EPAIL Nigeria, местной оборонной организацией, на поставку неустановленного количества легких тактических бронированных машин (LTA VS) и тяжелых противоминных бронированных машин с боеприпасами для своих вооруженных сил. Конструкция машин основана на китайских БТР Dongfeng Mengshi, которые нигерийская армия эксплуатирует с 2021 г. Существуют также планы организовать окончательную сборку, испытание и техническое обслуживание китайских БПЛА в Уганде [2024 Nianzhong baodao...].

Выводы

В результате проведенного исследования политики в сфере обороны и развития военно-промышленного комплекса КНР в 2024 г. представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения.

1. В целом современный политико-военный курс Китая характеризуется отсутствием агрессивных устремлений и позволяет обеспечивать военную безопасность государства наряду с последовательным решением стратегических политических задач. В ближайшей перспективе Пекин будет заинтересован в сохранении мирных отношений с ведущими мировыми державами и сопредельными странами, а также в поддержании стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2. Несмотря на достигнутые успехи в модернизации национальных вооруженных сил, ключевой военной угрозой для Китая в 2024 г. продолжила оставаться эскалация напряженности с США и их союзниками в регионе. В связи с этим в обозримой перспективе основной целью противодействия США в регионе станет создание полноценного военного паритета.

3. В 2025 г. политическое и военное руководство КНР, вероятно, будет уделять более пристальное внимание проведению киберопераций и космической разведке, что потенциально позволит своевременно реагировать на вызовы и угрозы национальной безопасности во второй четверти XXI в. Основное внимание также будет уделяться наращиванию усилий по информатизации вооруженных сил, ускорению темпов перевооружения Народно-освободительной армии Китая, расширению возможностей по осуществлению стратегических перегруппировок, повышению уровня подготовки войск и органов управления вооруженными силами.

4. В 2024 г. военно-промышленный комплекс Китая продолжил демонстрировать стабильный рост, что позволяет стране укреплять свои позиции в качестве глобальной военной державы и одного из ведущих экспортеров вооружений. В настоящее время Китай располагает обширной оборонно-промышленной базой, способной производить передовое ВВСТ в интересах любого вида или рода войск.

5. Китай достиг значительных успехов в развитии высокотехнологичной военной промышленности, КНР также активно исследует зарубежный опыт адаптации к санкционному давлению. Однако несмотря на неуклонное продвижение к технологической самодостаточности производства и разработки военной техники, в Китае все еще в значительной мере сохраняется зависимость от импортных технологий двойного назначения.

6. Помимо качественных улучшений, китайский ВПК добился значительных успехов в удовлетворении внутреннего спроса на новое вооружение. В последние годы, как признак растущего потенциала, также сократился импорт военной техники, и имеющиеся данные свидетельствуют о том, что импорт ограничен всего четырьмя категориями: системами противовоздушной обороны, морским вооружением, двигателями и транспортными вертолетами.

7. Будущее китайского ВПК определяется способностью страны адаптировать промышленную базу к изменяющимся геополитическим условиям и эффективно использовать свои ресурсы для достижения стратегических целей. Для достижения национальной цели создания «модернизированных» ВС к 2035 г. и вооруженных сил мирового класса к 2050 г., китайские руководители продолжают движение к технологической самодостаточности в сферах разработки и производства военной техники.

8. В 2024 г. военно-гражданская интеграция в Китае продолжила демонстрировать динамичный рост, что позволило стране укрепить свои позиции как глобальной технологической и военной державы. Будущее ВГИ в Китае будет определяться способностью страны адаптироваться к изменяющимся геополитическим условиям и эффективно использовать свои ресурсы для достижения стратегических целей.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. 285 с.

Аналитические записки ИКСА РАН. Китай-2049: футурологический анализ / А.В. Лукин, И.Е. Денисов, В.Б. Кашин, С.С. Цыплаков. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. 28 с.

Денисов И. Е. Американское давление на Китай и возможности альянса Chip-4 // Российское киноведение. 2023. № 4(5). С. 9–25.

Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: Издательство АСТ, 2024. 320 с.

Кашин В. Б. Политика КНР в сфере обороны и безопасности // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 2023. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. С. 51–66.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 томах / Е.Н. Румянцев. Внутренняя политика. М.: Синосфера, 2024. 740 с.

Стратегический обзор 2024 / Под ред. А.Г. Арбатова; ИМЭМО РАН; МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2024. 348 с.

Тренин Д.В., Авакянц С.И., Караганов С.А. От сдерживания к устрашению / Д.В. Тренин, С.И. Авакянц, С.А. Караганов. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.

References

“New Cold War” in Asia. Global and Regional Dimension. (2025). / Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: Aspect Press Publishing House. 285 p. (In Russian).

Denisov I.E. (2023). Amerikanskoe davlenie na Kitai i vozmozhnosti alyansa Chip-4 [U.S. Pressure on China and the Prospects of the Chip-4 Alliance]. Russian China Studies. No. 4(5). P. 9–25. (In Russian).

Grachikov E.N., Danilov V.A., Degtyarev D.A. [et al.]. (2024). Konkurentsia mezhdu SShA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia]. Moscow: Aspect Press Publishing House. 300 p. (In Russian).

Kashin V.B. (2024). Politika KNR v sfere oborony i bezopasnosti [China's Defense and Security Policy / People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2023]. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. P. 51–66. (In Russian).

Lukin A.V., Denisov I.E., Kashin V.B., Tsyplakov S.S. (2024). Analiticheskiye zapiski IKSA RAN. Kitay-2049: futurologicheskii analiz [Analytical notes of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences]. China-2049: futurological analysis. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. 28 p. (In Russian).

Rumyantsev E.N. (2024). Sovremennaya kitayskaya politika. Vnutrennyaya politika [Modern Chinese Policy: in 2 volumes. Domestic Policy]. Moscow: Sinosphere. 740 p. (In Russian).

Strategic Review 2024. (2024). Edited by A.G. Arbatov; IMEMO-MGIMO. Moscow: MGIMO-University. 348 p. (In Russian).

Trenin D.V., Avakants S.I., Karaganov S.A. (2024). Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu [From Deterrence to Intimidation]. Moscow: Molodaya Gvardiya. 152 p. (In Russian).

Zuenko I.Y. (2024). Kitay v epokhu Si Tsin'pina [China in the Era of Xi Jinping]. Moscow: AST Publishing House. 320 p. (In Russian).

* * *

2024 Annual Report to Congress on Military and Security Developments Involving the PRC. The Department of Defense (DoD). USA. (2024). URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed: 15.03.2025).

2024 nian shiyyue guofang lixing jizhe hui wenzi shilu 2024年11月国防部例行记者会文字实录 [Transcript of the Ministry of National Defense's Regular Press Conference in November 2024]. URL: http://www.81.cn/fyr/jdt_208546/16354972.html (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

2024 nianzhong baodao: Zhongguo junshi waijiao chengxian san da tedian 2024年终报道：中国军事外交呈现三大特点 [2024 Year-end Report: China's military diplomacy presents three major characteristics]. URL: <https://www.nanhai.org.cn/info-detail/24/16012.html> (accessed: 14.03.2025). (In Chinese).

AI feixingyuan jiang jinru geng duo zhanji zuocang? AI飞行员将进入更多战机座舱？ [Will AI pilots enter more fighter cockpits?]. URL: http://www.81.cn/wj_208604/jdt_208605/16340186.html (accessed: 16.03.2025). (In Chinese).

Chang Guang Satellite Technology Co., Ltd. URL: https://www.jl1.cn/EWeb/about_tw.aspx?id=9 (accessed: 10.03.2025).

Chen Feng: Cheng pai de Dongfeng-26, shi pojie Meiguo Yatai zhanlue de lijian he maotou 晨枫：成排的东风-26，是破解美国亚太战略的利剑和矛头 [Chen Feng: The rows of Dongfeng-26 are the sword and spearhead to crack the US Asia-Pacific strategy]. URL: https://www.guancha.cn/ChenFeng3/2024_10_24_752859.shtml (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

China fired a YJ-12B supersonic anti-ship missile. URL: <https://bulgarianmilitary.com/2024/09/16/china-fired-a-yj-12b-supersonic-anti-ship-missile-and-sank-a-ship/> (accessed: 10.03.2025).

China rolls out world's first military-proof 5G that can connect 10,000 army robots. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3292490/china-rolls-out-worlds-first-military-proof-5g-can-connect-10000-army-robots> (accessed: 16.03.2025).

CHINA-PLA: NEW YJ-12 ANTI-SHIP MISSILE. URL: <https://www.ccasindia.org/newsdetails.php?nid=2187> (accessed: 10.03.2025).

China's twin-seat J-20S with WS-15 engine finally breaks cover. URL: <https://bulgarianmilitary.com/2024/12/11/chinas-twin-seat-j-20s-with-ws-15-engine-finally-breaks-cover/> (accessed: 16.03.2025).

Chinese nuclear weapons, 2024. URL: <https://thebulletin.org/premium/2024-01/chinese-nuclear-weapons-2024/#post-heading> (accessed: 15.03.2025).

Di 76 jituanjun mou lu: Lianhe fangkong cuilian zhisheng benling 第76集团军某旅：联合防空淬炼制胜本领 [A brigade of the 76th Group Army: Joint air defense refines winning skills]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16316051.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Dui Jiefangjun chengli xinxi zhiyuan budui san ge guancha, yi ge yidian 對解放軍成立信息支援部隊三個觀察、一個疑點 [Three observations and one doubt on the establishment of the PLA Information Support Unit]. URL: https://www.upmedia.mg/news_info.php?Type=2&SerialNo=199889 (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Guizhou Aircraft Industry Corporation Military Aircraft Manufacturer. URL: <https://www.airforce-technology.com/contractors/military-uav/guizhou-aircraft-industry-corporation/> (accessed: 16.03.2025).

Guoqu 10 nian Zhongguo hedian zhuangji zengjia 34GW 过去10年中国核电装机增加34GW [China's nuclear power capacity increased by 34GW in the past 10 years]. URL: <https://m.bjx.com.cn/mnews/20240510/1375956.shtml> (accessed: 16.03.2025). (In Chinese).

Jiefangjun Bao pinglunyan: Nuli jianshe yi zhi qiangda de xiandaihua xinxi zhiyuan budui 解放军报评论员：努力建设一支强大的现代化信息支援部队 [PLA Daily commentator: Strive to build a strong modern information support force]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/16302172.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Li Shangfu, Wei Fenghe shou dao kaichu dangji chufen 李尚福、魏凤和受到开除党籍处分 [Li Shangfu and Wei Fenghe were expelled from the party]. URL: http://www.news.cn/mrdx/2024-06/28/c_1310779840.htm (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Meicheng Zhongguo qidong 2049 junshi fuxing jihua 30 fen ke he ji Meiguo 美称中国启动2049军事复兴计划 30分可核击美国 [US says China launches 2049 military revival plan, can launch nuclear attack on US in 30 minutes]. URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0107/c1011-26340264.html> (accessed: 16.03.2025). (In Chinese).

Norinco Type 19 Infantry Fighting Vehicle. URL: https://www.reddit.com/r/Warthunder/comments/1ilw4vu/norinco_type_19_infantry_fighting_vehicle/?rdt=39760 (accessed: 11.03.2025).

SIPRI Yearbook 2024: chapter on international stability and human security / Stockholm International Peace Research Institute. (2025). 28 p. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-09/yb24_summary_ch.pdf (accessed: 15.03.2025).

The Military Balance 2025 / International Institute for Strategic Studies. Abingdon: Taylor & Francis, 2025. 520 p. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/2025/the-military-balance-2025/> (accessed: 15.03.2025).

Woguo heqianting de zhaomu 我国核潜艇的研制 [Development of our nuclear submarine]. URL: http://www.81.cn/yjnt_208627/lsda_208656/16352260.html (accessed: 14.03.2025). (In Chinese).

Xi Jinping: Shixian jianjun yibai nian fendou mubiao, kaichuang guofang he jundui xiandaihua xin jumian 习近平：实现建军一百年奋斗目标，开创国防和军队现代化新局面 [Xi Jinping: Achieve the goal of the 100th anniversary of the founding of the army and create a new situation for national defense

and military modernization]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6965504.htm (accessed: 16.03.2025). (In Chinese).

Xuexika | Xin chengli de xinxi zhiyuan budui shi yi zhi shenme yang de lilian? Yi tu quanjie 学习卡 — 新成立的信息支援部队是一支什么样的力量? 一图全解 [Learning Card: What kind of force is the newly established information support force? A complete picture]. URL: http://www.81.cn/xxqj_207719/tsysb_207739/qjxsd/yw_207743/16302498.html (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Y-20 strategic airlifter makes AAD 2024 debut. URL: <https://www.defenceweb.co.za/aerospace/aerospace-aerospace/y-20-strategic-airlifter-makes-aad-2024-debut/> (accessed: 16.03.2025).

Yan Xuetong: Zhong Mei jingzheng de hexin shi jishu 阎学通: 中美竞争的核心是技术 [Yan Xuetong: The core of Sino-US competition is technology]. URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/zmgx/7675> (accessed: 13.03.2025). (In Chinese).

Yun 20 feiji huocang shouci xiang gongzhong kaifang 运-20飞机货舱首次向公众开放 [Y-20 aircraft cargo hold opens to the public for the first time]. URL: <https://www.jfdaily.com/staticsg/res/html/web/newsDetail.html?id=818686> (accessed: 17.03.2025). (In Chinese).

Zhanlue zhiyuan budui duli cheng jun jiang peibei "Shenlong" feixingqi 战略支援部队独立成军 将配备“神龙”飞行器 [The Strategic Support Force will be established as an independent army and will be equipped with the "Shenlong" aircraft]. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2016-01/07/c_128605864.htm (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhong E liangjun zuzhi shishi dijiu ci lianhe kongzhong zhanlue xunhang 中俄两军组织实施第九次联合空中战略巡航 [The two militaries organized and carried out the ninth joint strategic air patrol]. URL: <http://military.people.com.cn/BIG5/n1/2024/1130/c1011-40372330.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhongfang jiang canjia "Anquan Niudai-2024" lianhe yanxi 中方将参加“安全纽带-2024”联合演习 [China to participate in the "Security Bond-2024" joint exercise]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jxsd/ly/16293122.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhongguo de fan kongbu zhuyi falü zhidu tixi yu shijian 中国的反恐怖主义法律制度体系与实践 [China's Anti-Terrorism Legal System and Practice]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202401/content_6927656.htm (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhongguo guofangfei gongkai touming heli shidu bi shangnian zhixing shu zengzhang 7.2% 中国国防费公开透明 合理适度 比上年执行数增长7.2% [China's defense expenditure is transparent, reasonable and appropriate, up 7.2% from the previous year]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/zjtzh/16292604.html#:~:text=为保障国防和军队,年执行数增长7.2%25%E3%80%82> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhongguo renmin jiefangjun xinxi zhiyuan budui chengli dahui zaijing zhaokai Xi Jinping xiang xinxi zhiyuan budui shuyi junqi bing zhi xunci 中国人民解放军信息支援部队成立大会在京举行 习近平向信息支援部队授予军旗并致训词 [The founding ceremony of the Chinese People's Liberation Army Information Support Force was held in Beijing. Xi Jinping awarded the military flag to the Information Support Force and delivered a speech]. URL: http://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/dongtaixinwen/shizhengyaowen/202404/t20240420_517173.html (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhongguo zhizao! Quanguo zuida changgui qianting paishuiliang 6000 dun, neng fashe zhouji daodan 中国制造! 全球最大常规潜艇, 排水量6000吨, 能发射洲际导弹 [Made in China! The world's largest conventional submarine, with a displacement of 6,000 tons, can launch intercontinental missiles]. URL: https://www.sohu.com/a/800468064_121462986 (accessed: 14.03.2025). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo guofang jiaoyufa 中华人民共和国国防教育法 [National Defense Education Law of the People's Republic of China]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202409/content_6974369.htm (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo zhongyang junshi weiyuanhui 中华人民共和国中央军事委员会 [Central Military Commission of the People's Republic of China]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/gc/index.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Zuigao renmin fayuan zuigao renmin jianchayuan gong'an bu guojia anquan bu sifa bu yinfa «guanyu yifa chengzhi "taidu" wangu fenzi fenlie guojia, shandong fenlie guojia fanzui de yijian» de tongzhi 最高人民法院 最高人民检察院 公安部 国家安全部 司法部印发《关于依法惩治“台独”顽固分子分裂国家、煽动分裂国家犯罪的意见》的通知 [The Supreme People's Court, the Supreme People's Procuratorate,

the Ministry of Public Security, the Ministry of State Security and the Ministry of Justice issued a notice on “Opinions on punishing the crimes of splitting the country and inciting splitting of the country by diehard ‘Taiwan independence’ elements in accordance with the law”]. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2024/0621/c1001-40261576.html> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 11.04.2025. Received: 11 April 2025.

Принята к публикации: 22.05.2025. Accepted: 22 May 2025.

Ли Иннань

Русский язык в Китае: история и современность

Аннотация. В статье рассматривается история проникновения в Китай русского языка и его распространение, изучение и использование с XVII в. по настоящее время. Сравнивается уровень влияния русского языка в период правления Цинской империи, в Китайской республике и в КНР. Рассказывается о том, что развитие отношений *всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия* между Китаем и Россией в XXI в., расширение и углубление политического и торгово-экономического взаимодействия значительно увеличили интерес в Китае к русскому языку и способствовал росту сотрудничества в языковой области. Делается вывод о том, что сегодня трудно предсказать, какими будут результаты такого сотрудничества и как в целом пойдет дальше развитие преподавания русского языка в будущем. По мнению китайских русистов, если в прошлом русский язык сыграл незаменимую роль в привлечении достижений зарубежных стран, то теперь он может оказать содействие эффективному выходу китайской культуры за рубеж.

Ключевые слова: Китай, Россия, русский язык, изучение, распространение, сотрудничество.

Автор: Ли Иннань, профессор Пекинского университета иностранных языков, постоянный член правления Китайского общества изучения истории китайско-российских отношений

李英男

俄语在中国：历史与当代

摘要. 本文回顾了自 17 世纪至今俄语传入中国并在中国传播、学习和使用的历史，并比较了俄语在清朝、民国和新中国各个时期的影响力。本文指出，21 世纪中俄全面战略协作伙伴关系的发展，以及政治、经贸互动的不断拓展和深化，显著提升了中国国内对俄语的兴趣，并促进了语言领域合作的发展。本文认为，目前很难预测此类合作的成果以及未来俄语教学的发展方向。中国俄罗斯学家认为，如果俄语在过去对吸引外国成就发挥了不可替代的作用，那么现在它能够有效促进中国文化走出国门。

关键词：中国；俄罗斯；俄语；学习；传播；合作。

作者：李英男，北京外国语大学教授，中国中俄关系史研究会常务理事

Li Yingnan

The Russian Language in China: History and Contemporary Developments

Abstract. The article explores the history of the introduction of the Russian language into China and its subsequent dissemination, study and use from the 17th century to the present. It compares the extent of Russian language influence during the Qing Dynasty, the Republic of China and the PRC. The discussion highlights how the development of a comprehensive partnership and strategic cooperation between China and Russia in the 21st century, along with the expansion and deepening of political, trade and economic relations has significantly increased interest in the Russian language in China and contributed to greater cooperation in the linguistic field. The article concludes that it is currently difficult to predict the results of such cooperation or the future trajectory of Russian language education in China. According to scholars of Russian studies there, while the Russian language previously played an irreplaceable role in introducing foreign achievements to China, it now has the potential to facilitate the effective dissemination of Chinese culture abroad.

Keywords: China, Russia, Russian language, study, dissemination, cooperation.

Author: *Li Yingnan*, Professor, Beijing University of Foreign Studies; Permanent Member of the Board, China Association for the Study of History of Sino-Russian Relations

В результате расширения на восток и покорения Сибири Российское государство в XVII в. вышло на границы Китая. Завязались непосредственные торговые отношения. Вместе с тем русские казаки стали проникать на земли Цинской империи, что привело к пограничным стычкам и вооруженному конфликту. Общая обстановка заставила стороны сесть за стол переговоров, и в 1689 г. был подписан Нерчинский договор, урегулировавший целый ряд двусторонних вопросов. В результате развития контактов с Россией Цинский двор почувствовал необходимость отказаться от языка-посредника (латыни) и организовать изучение русского языка. Как указывают китайские исследователи, император Канси (1654–1722), принимая это решение, исходил из желания лучше узнать Россию и при этом считал, что удобнее пользоваться собственными переводчиками (не иностранцами) для разрешения различных сложностей, возникавших в двусторонних контактах, и «предотвращения обмана с русской стороны» [Wang Jinrong, 2010, p. 95].

Так, в 1708 г. в Пекине появилась Школа русского языка (俄罗斯文馆), что означало начало изучения русского языка в Китае. На протяжении более чем трех столетий, прошедших с этого события, русский язык не прекращал своего существования в этой стране, но переживал неоднократные подъемы и спады в зависимости от состояния отношений двух стран и внутривосточной ситуации в Китае. Данная статья представляет собой краткий обзор этого сложного пути и предлагает следующую периодизацию: период Цинской империи, период Китайской республики и период КНР; каждый указанный раздел включает несколько подразделов.

Период Цинской империи

Начало начал: первое училище иностранного языка в Китае (1708–1862)

В отношении времени основания Школы русского языка долгое время существовали разночтения. Позднее дата ее основания была уточнена — 1708 г. В настоящее время этой датировки придерживается большая часть китайских исследователей¹. Главным основанием здесь являются хранящиеся в настоящее время на Тайване документы Цинского периода, которые были изданы в сборнике «Материалы по истории династий Мин и Цин» (明清史料), а также обнаруженная китайским историком Гао Вэньфэном в маньчжурских фондах музея Гугун папка документов Государственной канцелярии (內閣) «Архивное дело по императорскому указу об учреждении Школы русского языка в третий месяц 47-го года правления Канси» [Hao Shuxia, 2005, p. 16]. В самом начале деятельность Школы регулировалась специальными указами императора и постановлениями Государственной канцелярии. В 1716 г. было введено двойное подчинение — Государственной канцелярии и Палаты по делам вассальных территорий (理藩院). Чиновники-кураторы школы одновременно занимались вопросами Русской духовной миссии (РДМ), работавшей в Пекине с 1715 г., и иными прибывающими из России лицами. Таким образом, работа школы была включена в единую систему курирования вопросов отношений с Россией.

Архивные документы свидетельствуют, что император Канси уделял школе большое внимание. Школа была включена в систему центрального государственного образования, ее задачей была подготовка переводческих кадров и чиновников для внешних сношений. Курс обучения был рассчитан на 5 лет. Преподаватели и служащие школы находились на содержании императорского двора. Ученики, набиравшиеся из среды маньчжурской элиты (24 чел. в группе), помимо денежной стипендии, получали «казенный стол и все принадлежности к учению»².

Несмотря на высочайшее внимание, школа с самого начала столкнулась с большими сложностями. Мотивация учащихся к овладению сложным и незнакомым языком была слабой. Многие не дотягивали до конца обучения. Большую проблему представлял поиск преподавателей. Похоже, что цинские власти плохо понимали систему преподавания иностранных языков: нанимаемые ими случайные люди (солдаты из «русской роты» в составе маньчжурской армии и другие русские, осевшие в Китае) владели разговорным языком, но грамотностью не отличались. С 1715 г. школа обратилась к РДМ, и православные священнослужители и ученики миссии на протяжении 19 лет вели занятия, что благотворно сказалось на обучении. Однако обострение отношений с РДМ и общее недоверие к иностранцам привели к решению властей использовать в качестве преподавателей выпускников школы. Отсутствие носи-

¹ Детальное исследование точного времени создания школы провел российский исследователь П.А. Лапин. См.: Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 127 с.

² Адоратский Н. История Пекинской Духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Выпуск II. Казань, 1887. URL: https://www.orthodox.cn/localchurch/nadoratsky/2-2_ru.htm (дата обращения: 10.07.2025). Цитата из документа А.Г. Владыкина, составленного в 1802 г. (Прим. ред.).

телей языка обернулось тем, что в переводах не соблюдались даже базовые правила русской грамматики. В результате в официальном докладе 1824 г. на имя императора Даогуана (1782–1850) было отмечено: «(...) ученики [теперь] переводят русские тексты на маньчжурский лад» [Ming Qing Shiliao]. Эти печальные факты заставили цинские власти восстановить практику привлечения преподавателей из РДМ «для помощи в преподавании».

Так как преподавание русского языка строилось на «пустом месте», остро стоял вопрос учебников и учебных пособий. В 1725 г. один из учеников РДМ передал школе «Граматику» М.Г. Смотрицкого — самый авторитетный труд того времени. Однако он оказался чересчур сложным для понимания и усвоения учениками школы. Только в 1746 г. на основе перевода «Граматики» на маньчжурский язык было составлено необходимое учебное пособие. Помимо него в качестве учебных материалов использовались разговорники, составленные при помощи РДМ, и тексты официальной переписки между китайскими и русскими властями. Для повышения мотивированности учащихся и воспитания прилежания Цинские власти прибегли к неординарному приему: еще до окончания школы ученики определялись на должность и должны были совмещать учебу с работой в правительственных ведомствах [Li Nanqiu, 2002]. В каком-то смысле это можно назвать стажировкой для развития языковых навыков.

Конфуцианская система образования всегда придавала большое значение заучиванию текстов и многочисленным экзаменам, на основе которых производилась аттестация. Эта же система применялась и в Школе русского языка. Однако, как считает П.А. Лапин, «несмотря на ужесточение аттестационной системы, качество знаний учеников продолжало оставаться весьма посредственным» [Лапин, 2009, с. 83]. Об этом же говорит и ряд других фактов. Когда в 1845 г. впервые состоялся обмен книгами между китайской и российской сторонами, ученикам школы было поручено составить каталог российских книг, однако для них «перевод одних только названий оказался чрезвычайно трудным делом» [Yu Lizi, 1991].

Тем не менее Школа русского языка, просуществовавшая 154 года, оставила свой след в истории как первое учебное заведение с преподаванием русского языка. Упорядоченная организационная структура, четкие образовательные задачи и учебный регламент стали примером для других школ в последующий период. Лучшие выпускники школы, работая переводчиками и преподавателями, внесли свой вклад в развитие русистики в Китае.

Движение вперед: русский язык во второй половине XIX в.

Политическая ситуация, сложившаяся после неудачных для Китая Опиумных войн, вынудила цинское правительство расширить преподавание иностранных языков. В 1862 г. влиятельный государственный деятель великий князь Гун, возглавивший «движение за самоусиление», писал: «Чтобы понимать ситуацию в разных странах, необходимо, прежде прочего, выучить их язык и письменность, только так мы не станем жертвами обмана» [Han Li, 2010, p. 44]. На этой волне в 1862 г. было учреждено Училище иностранных языков Тунвэньгуань (同文馆) с преподаванием англий-

ского, французского, немецкого и японского языков. Школа русского языка как самостоятельное заведение была упразднена и влилась в состав Тунвэньгуаня наравне с другими языковыми отделениями. При организации Тунвэньгуаня опыту работы школы было уделено должное внимание. В плане административного управления Тунвэньгуаня оставалась в структуре госаппарата, подчиняясь созданной в 1861 г. Канцелярии по управлению делами разных стран (总理各国事务衙). Неизменной осталась и система экзаменов. В методике преподавания по-прежнему главный упор делался на работу с текстами и развитие навыков письменного перевода. Из наиболее заметных переводов, сделанных учащимися Тунвэньгуаня, можно назвать такие книги, как «Краткая история России» (俄国史略), «Сборник переводов по русской истории» (俄史辑译), «Западная наука в кратких выдержках» (西学考略) и др. Согласно уставу училища, были официально учреждены штатные должности для иностранных преподавателей. В период 1863–1898 гг. на русском отделении работали 12 иностранцев [Hao Shuxia, 2005, p. 31].

Самый важный реформаторский шаг в деятельности Тунвэньгуаня заключался в отходе от конфуцианских традиций преподавания и разработке новой учебной программы, в которую были включены разнообразные естественнонаучные и гуманитарные дисциплины: математика, химия, география, краткая история зарубежных стран и т.д. Хотя эти дисциплины не были профилирующими, тем не менее создание Тунвэньгуаня обозначило «поворот от узкоспециализированной системы подготовки переводческих и дипломатических кадров в интересах внешних сношений к подготовке специалистов широкого профиля, знатоков “заморских дел” в интересах “познания чужестранцев” и “перенимания иноземного для того, чтобы одолеть иноземцев”» [Han Li, 2010, p. 43–44].

Другое важнейшее изменение в указанный период — это расширение географии преподавания русского и других иностранных языков. Ранее Цинские власти опасались, что знание иностранных языков открывает доступ к государственным тайнам и к сношениям с чужестранцами, и потому держали преподавание русского языка под своим контролем, в столичных стенах, ограничивая набор учащихся «надежными» маньчжурскими отпрысками. Теперь же под влиянием Движения за самоусиление иностранные языки выходят за пределы Пекина, во многих провинциях создаются училища по образцу Тунвэньгуаня, которые принимают не только маньчжуров, но и ханьцев. Помимо столицы, школы русского языка были созданы в приграничных районах Северо-Востока и в Синьцзяне, а также в крупных торговых городах (Тяньцзинь, Гуанчжоу, Ханькоу), т.е. в тех местах, где знание русского языка было наиболее востребовано. Экономические факторы проявили свою роль в Ханькоу, быстро растущем торгово-промышленном городе на берегу реки Янцзы. Во второй половине XIX в. здесь получила бурное развитие китайско-российская чайная торговля, образовалась многочисленная русская диаспора, была создана Русская торговая палата. Успехи русского бизнеса привлекли внимание местных чиновников. В Хубэйском училище Цзыцян сюэтан (自强学堂, Школа самоусиления) было открыто отделение русского языка, в городе начала также работать русско-китайская коммерческая школа. Это было новым явлением в истории развития русского языка.

*Вынужденная трансформация: период развала Цинской империи
(конец XIX в. — 1911 г.)*

Дряхлеющая Цинская империя не имела сил сопротивляться напору новых веяний. Рушилась традиционная система образования, быстрым ходом шло создание учебных заведений по европейскому образцу и трансформация старых учебных заведений. Появилось разделение на начальные, средние и высшие школы. В 1898 г. в Пекине была учреждена первая модернизированная высшая школа комплексного типа — фактически первый в истории Китая университет, получивший название Цзинши дасюэтан (京师大学堂 (Столичный [Пекинский] университет), в 1912 г. официально переименован в Пекинский университет (北京大学). Он открыл свои двери молодежи из разных сословий. Русский язык не был ведущей специальностью, но как дополнительная дисциплина преподавался на разных факультетах, а на филологическом факультете русская литература впервые вошла в учебную программу как одна из специальных дисциплин. В этой обстановке училище Тунвэньгуань со своей старомодной образовательной системой все больше становилось анахронизмом. В 1902 г. его объединили со Школой перевода в составе университета Цзинши дасюэтан. Такая реструктуризация благотворно сказалась на методике и результатах преподавания русского языка.

Коммуникативная функция русского языка получает особую актуальность с началом строительства в 1898 г. Россией Китайской восточной железной дороги (КВЖД), проходящей через территорию Маньчжурии. В апреле 1899 г. Цинское правительство создает в Пекине Школу русского языка при железной дороге восточных провинций (东省铁路俄闻学堂) [Лапин, 2009]. Изначально в ней преподавалось всего два предмета — русский и китайский языки. Видимо, считалось, что этого достаточно для обслуживания контактов с российской стороной. Интерес к русскому языку проявился и на местах. В 1902 г. генерал-губернатор провинции Хэйлунцзян учредил в г. Цицикаре (тогдашней столице провинции) учебное заведение Синьцзян (兴育学堂, Школа возрождения воспитания), которое он гордо называл «университетом русского языка», хотя в нем обучалось не более 30 чел. [Liu Ziyang, 1988, p. 338–339]. В Харбине также была создана Школа перевода Цицзян и сюэтан (吉江译学堂, Школа переводов Цицзян), готовившая переводчиков с русского языка.

Расширяя влияние на Северо-Востоке Китая, Россия предпринимала усилия по созданию собственной школьной системы, прежде всего, в зоне строительства КВЖД и в г. Харбине. Русские школы, где преподавание целиком велось на русском языке, главным образом обслуживали российских граждан, однако в эти школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 г. в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занимались 20 китайских мальчиков. В 1911 г. коммерческая школа при КВЖД начала принимать китайских учащихся. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки [Мелихов, 1991, с. 158, 245]. Кроме того, в 1899–1902 гг. в г. Даляне (Дальний) и Люйшунькоу (Порт-Артур), а также в прилегающих районах были открыты первые четыре

«российско-цинские школы» (俄清学校), позднее число этих школ дошло до 15. Их целью было воспитание контингента низовых служащих для различных ведомств, которые бы «отлично знали русский язык и были бы преданны России» [Li Xiping, 1998, p. 241]. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. работа этих школ была свернута.

Учеба в России — конец XIX — начало XX вв.

Обучение за границей является одним из успешных способов овладения иностранным языком. Еще в 1735 г. один из цинских чиновников внес предложение отправлять учащихся Школы русского языка на учебу в Россию для повышения качества образования, но в то время это предложение было оставлено без внимания. Только в 1870-х гг. молодежь начали направлять на учебу в США и европейские страны. Первая группа в составе четырех человек с монаршего дозволения выехала на стажировку в Россию в 1896 г. Это были учащиеся Тунвэньгуаня. После трех лет обучения и проживания в стенах китайского посольства они по возвращении на родину получили хорошие чиновные должности.

В дальнейшем число китайских студентов в России непрерывно увеличивалось. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, углубилось понимание эффективности обучения за границей. Один из виднейших чиновников цинского правительства Чжан Чжидун писал: «Выезд за рубеж на один год эффективнее пяти лет изучения иностранных книг [внутри страны]» [Chen Huexun, 1991, p. 44]. Во-вторых, упразднение в 1905 г. тысячелетней системы императорских экзаменов (科举) сделало обучение за рубежом одним из важных социальных лифтов для молодежи. И, наконец, развитие контактов с Россией в этот период обещало неплохие возможности для знающих русский язык. К организации учебы в России помимо центрального правительства подключились и провинциальные власти (начало положила провинция Хубэй, за которой последовали Хэйлунцзян и Цилинь). Направляемые учащиеся поступали в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, сначала на подготовительное, а затем на основные отделения и жили в русских семьях для лучшего овладения языком.

Количество китайских учащихся в России было намного меньше, чем в странах Европы. Так, в 1908–1910 гг. из 500 государственных стипендиатов в Великобритании обучались 124 чел., во Франции — 140 чел., а в России — 23 чел. [Wei Guozhi, 1998, p. 280]. Помимо железнодорожных специальностей и горнорудного дела, многие молодые люди изучали в России юриспруденцию. По мнению Чжан Чжияо, причина кроется в том, что, с одной стороны, у китайских учащихся гуманитарная база была лучше, чем научно-техническая, и изучение юриспруденции им давалось легче, чем инженерно-технические науки. А с другой стороны, Китай и Россия имели в то время схожее монархическое устройство, и Цинское правительство, пытавшееся найти спасительный выход из глубокого политического кризиса, возможно, полагало, что «могло бы что-нибудь позаимствовать из российского политического опыта» [Zhang Zeyu, 2004, p. 202].

Период Китайской республики (1912–1949)

Окончательный крах Цинской и Российской империй произошел примерно в одно и то же время — 1911 и 1917 гг. (разница в 6 лет — для истории небольшой срок). Бури революционных трансформаций и сложные перипетии в отношениях между двумя меняющимися политическую систему странами сказались и на судьбе русского языка.

Реформирование и развитие образовательных структур: русский язык в начальный период Китайской республики

Сразу после свержения имперского строя, в январе 1912 г. в структуре нового правительства было образовано Министерство просвещения Китайской республики во главе с Цай Юаньпэем, немедленно взявшимся за модернизацию и реструктуризацию образования. В 1912 г. Железнодорожная школа русского языка Восточных провинций была преобразована в Специальное училище и передана под управление Министерства иностранных дел, которое назначало директора и отвечало за проведение выпускных экзаменов. Выпускник, показавший на них лучшие результаты, принимался на работу в МИД, остальные же распределялись Государственным советом на службу в пограничных северо-восточных и северо-западных провинциях страны [Ma Guijun, 2006]. Срок обучения был продлен до пяти лет. В программу языковых занятий были включены русская история и литература, разговорный язык, дипломатические тексты и т.д. С 1922 г. было усилено преподавание правоведческих дисциплин, и преобразованное учебное заведение получило название Специальное училище русского языка и права при МИД Китайской республики.

По этому образцу в 1924 г. было создано схожее училище в Синьцзяне в целях удовлетворения потребностей провинции в собственных специалистах. Училище финансировалось целиком за счет местных ведомств, к преподаванию были привлечены русские эмигранты, в том числе имевшие юридическое образование. Впоследствии на базе этого училища был создан Синьцзянский университет.

На Северо-Востоке Китая положение русского языка было уникальным. Здесь его центром стал Харбин, где в 1918–1922 гг. нашли убежище десятки тысяч (по некоторым сведениям, сотни тысяч) беженцев из России. Среди них большую часть составляли представители образованного класса, которые дали импульс развитию русскоязычного высшего образования в Харбине: в 1920 г. были созданы Высшие экономико-юридические курсы (с 1922 г. — Юридический факультет) и Русско-Китайский технический колледж, выросший в Харбинский политехнический институт (ХПИ). Эти учебные заведения были рассчитаны, прежде всего, на носителей языка, однако позднее, после прохождения подготовительных курсов, в них стали принимать и китайцев. «Поскольку в Харбине не существовало учебных заведений европейского типа, кроме русских вузов, набор в них существенно вырос... Вместе с тем усилился интерес китайских граждан к изучению русского языка и повышению профессиональной квалификации» [Хисамутдинов, 2015, с. 277].

В 1924 г. Советский Союз заключил соглашение с Китаем о совместном управлении КВЖД. В связи с этим в школьной сети КВЖД заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих, принимались в них и дети частных лиц с китайским гражданством. Администрация КВЖД уделяла большое внимание ХПИ, готовившему инженеров-путейцев. Подготовительное отделение для китайцев предусматривало трехлетний курс обучения русскому языку и подготовку по некоторым другим предметам. Была разработана детальная учебная программа и целый ряд учебников и специализированных учебных материалов и пособий по русскому языку. Высокоэффективная подготовка стала «образцом преподавания русского языка китайским учащимся в других подобных учебных заведениях» [Hao Shuxia, 2005, p. 117].

*На волнах политических бурь:
русский язык в условиях политизации общественной жизни (1920-е гг.)*

В Китае 1920-е гг. характеризовались бурным кипением политической жизни, оформлением и столкновением различных идей и течений, а также непрерывными гражданскими войнами.

Русский язык оказался в эпицентре этой турбулентности. В 1917 г. Цай Юаньпэй лично возглавил Пекинский университет. Демократические взгляды ректора сделали Пекинский университет доступным для молодежи из малообеспеченных слоев населения и привлекли на его кафедры цвет китайских интеллектуалов того времени. Под влиянием Октябрьской революции в России (1917 г.), нашедшей горячий отклик среди леворадикальной китайской интеллигенции, в том числе у Ли Дачжао и других профессоров Пекинского университета, факультет русской литературы быстро радикализировался. При поддержке Советского посольства в Пекине в 1920-е гг. занятия на факультете в основном вели советские преподаватели: писатель и поэт С.М. Третьяков, китаеведы С.А. Полевой, журналист А.А. Иванов (А.Ивин) и др. Несмотря на запрет для иностранных граждан занимать должность декана факультета, «по-настоящему управлял делами на факультете преподаватель русского языка Ивин, рекомендованный советской стороной» [Ibid, p. 108].

В 1921 г. при поддержке Коминтерна была образована Коммунистическая партия Китая. В рядах коммунистов русский язык приобрел особое значение как ключ к овладению марксизмом-ленинизмом и поездке в «красную Мекку» — Москву. Уже в период подготовки к созданию КПК, в сентябре 1920 г. в Шанхае, на территории французской концессии была создана Школа иностранных языков (外国语学社), в которой главным предметом был русский язык. Директор школы, коммунист Ян Минчжай вел занятия вместе с женой представителя Коминтерна в Китае Г.Н. Войтинского М.Ф. Кузнецовой. По направлению коммунистических организаций из разных регионов страны в эту школу поступали учащиеся, которых готовили к отправке в Москву. За период своего недолгого существования школе удалось отправить три группы учащихся (26 чел.), среди которых был будущий Председатель КНР Лю Шаоци и другие видные деятели китайской революции.

Русский язык занимал также важное место в Шанхайском университете, образованном в 1922 г. и «фактически являвшимся учебным заведением КПК, конкретными делами в университете целиком ведали коммунисты» [Ibid, p. 142]. Многие учащиеся этого университета в 1925–1927 гг. были направлены в Москву.

В 1920-е гг. обучение в России, в учебных заведениях Коминтерна, было важным способом подготовки партийных кадров для КПК. Изначально китайцев направляли в Коммунистический Университет трудящихся Востока. В 1925 г. на подъеме революционной ситуации в Китае в Москве был создан Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК). В период с мая 1926г. по июль 1927 г. университет номинально находился под совместным управлением ВКП(б) и Гоминьдана. Члены партии Гоминьдан обучались вместе с коммунистами. В августе 1927 г. после разрыва с КПК Гоминьдан объявил об отказе от УТК, коммунисты же продолжили обучение в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК), а также в Международных ленинских школах и различных военных училищах. В программы всех этих учебных заведений в первую очередь входило обучение русскому языку, носившее инструментальный характер. Учебными материалами по языку служили газета «Правда», документы Коминтерна и ВКП(б) и т.п. Главными дисциплинами были курс исторического и диалектического материализма, история революционного движения, политэкономия, основы ленинизма по курсу лекций И.В. Сталина, военное дело и т.п. Далеко не все слушатели могли понять содержание лекций, читавшихся на русском языке, поэтому наиболее успешные учащиеся назначались переводчиками, переводившими объяснения преподавателей. Слушатель КУТК, будущий Председатель КНР Ян Шанкунь вспоминал: «Летом 1928 г., когда я пробыл уже год в СССР и повысил уровень русского языка до того, что мог выборочно читать материалы по марксизму-ленинизму, истории западного революционного движения, истории общественного развития и т.п., университет определил меня в переводческую группу, чтобы я готовился стать переводчиком. И через некоторое время я начал работать переводчиком спецгруппы»³ [Yang Shangkun, 2001, p. 30].

Насколько эффективным был столь политизированный способ преподавания русского языка? Большая часть обучавшихся в СССР имела сильную политическую мотивацию и училась не за страх, а за совесть, стараясь преодолеть сложности русского произношения, грамматики и т.д. Однако далеко не всем это удавалось. Как свидетельствует один из слушателей Ши Чжэ, назначенные переводчиками учащиеся нередко путались, с трудом переводили русских лекторов, «поэтому мы [китайские слушатели] не могли ухватить главного и словно вязли в тумане» [Shi Zhe, 1991, p. 14]. По прикидкам слушателя УТК Шэн Чжунляна, только 10% учащихся достигли хорошего уровня владения языком [Hao Shichang, Li Yachen, 2001, p. 146]. Достижения УТК и других учебных заведений этого типа, как отмечают китайские исследователи, выразились в другом: пребывание в СССР оказало глубокое влияние на политическую биографию учащихся, «большинство выпускников заняли важные посты в обеих партиях» — в КПК и Гоминьдане [Zhang Zeyu, 2009, p. 118.].

В целом, через советские военно-партийные учебные заведения в 1920–1930-е гг. от КПК прошло более двух тысяч человек.

³ Группа, состоявшая из высокопоставленных членов КПК.

Сложные времена — конец 1920-х–1940-е гг.

Политизированность сыграла дурную шутку: все политические передраги этого периода больно ударили по русскому языку. В ходе междоусобной войны Пекин в 1926 г. перешел под контроль маршала Чжан Цзолина, настроенного на решительную борьбу с «красными элементами». В апреле 1927 г. по его приказу был произведен погром в советском посольстве, где был захвачен и затем повешен Ли Дачжао. В Пекинском университете упразднили факультет русской литературы, большая часть русскоязычных книг и учебных материалов в университетской библиотеке была уничтожена. Чжан Цзолин также разогнал созданный в 1925 г. на общественных началах Китайско-российский университет. В Шанхае, где с апреля 1927 г. «чисткой коммунистов» занялся Чан Кайши, был закрыт прокоммунистический Шанхайский университет.

На Северо-Востоке Китая сокращение преподавания русского языка произошло в связи с началом агрессии Японии в сентябре 1931 г. Хисамутдинов отмечает: «После установления в 1932 г. в Маньчжурии прояпонского марионеточного правительства возник ряд факторов, которые негативно влияли на деятельность русских учебных заведений: политические проблемы, продажа КВЖД, отъезд из Харбина многих русских, наконец, что в итоге оказалось решающим, стремление японских властей ликвидировать все русские образовательные учреждения. Последовала реформа харбинских вузов, началась японизация учебного процесса» [Хисамутдинов, 2015, с. 282].

Поддерживающим фактором для русского языка стала позиция СССР, осудившего в Лиге Наций оккупацию Японией Северо-восточного Китая, а также заключение Договора о ненападении между СССР и Китаем в августе 1937 г. Были организованы советские поставки вооружения, авиатехники и другой помощи через Синьцзян в центральную часть Китая. Советские летчики защищали небо над китайскими городами. Все это «намного повысило авторитет Советского Союза в Китае и вызвало подъем интереса к изучению русского языка» [Hao Shuxia, 2005, p. 124]. Национальное правительство в 1935 г. утвердило создание *Китайско-советской культурной ассоциации*, вокруг которой сгруппировались многие известные общественные деятели, писатели и русисты. В военной обстановке ее отделения создали курсы русского языка в Чунцине, Гуйлине, Сиане, Ланьчжоу и других тыловых городах. Китайская православная церковь в 1936 г. открыла в Шанхае китайско-русскую школу, в которую принимали не только русских прихожан, но и китайскую молодежь. В 1945 г., после Ялтинской конференции и подписания Советско-китайского договора о дружбе и союзе наметилась тенденция к расширению университетского преподавания русского языка. Соответствующие отделения открылись в Центральном университете (после 1949 г. переименован в Нанкинский университет) и Ланьчжоуском государственном университете.

Другим поддерживающим фактором в этот непростой период была русская литература, притягивавшая многих китайских интеллектуалов и подталкивавшая их к изучению русского языка. Так, в Северо-Восточном университете после 1931 г. эвакуировавшемся вглубь страны, русская и советская литература на протяжении многих лет занимали важное место в учебной программе кафедры русского языка.

В 1934 г. студенты создали на кафедре «Общество русской литературы» с читальным залом, где были представлены книги, газеты и журналы на русском языке. В Северо-Западном университете помимо языковых занятий студенты изучали такие предметы, как избранная русская проза, история русской литературы, российское литературоведение и т.д.

В оккупированном японцами Шанхае действовало издательство «Шидай» (Эпоха), получавшее финансовую помощь от СССР. Издательство переводило и издавало произведения русской и советской литературы, пользовавшиеся успехом у китайских читателей. Художественное воздействие этих текстов определялось еще и тем, что в работе по их переводу участвовала целая плеяда выдающихся литературных деятелей, поклонников русской литературы. Среди них известные переводчики Е Шуйфу и Цао Ин, которые изучили русский язык по собственному почину: первый — на вечернем отделении Китайско-русской школы, а второй — с помощью русской эмигрантки, у которой он брал частные уроки. «Тогда мало кто учил русский, и вообще надо было скрывать это от других. Ведь Россия увязывалась с такими понятиями, как СССР, красные, коммунизм и т.п. И если бы дознались японцы, мне бы не поздоровилось», — вспоминал впоследствии Цао Ин⁴.

Период Китайской Народной республики (после 1949 г.)

Со времени образования КНР русский язык существовал и развивался в условиях совершенно иной общественно-политической и идеологической системы и оказался еще в большей степени подверженным влиянию политических факторов. Как справедливо замечает президент Китайской ассоциации преподавателей русского языка (КАПРЯЛ) профессор Нин Ци, «подъемы и спады на этом историческом пути отражают перипетии китайско-советских (китайско-российских) отношений, можно даже сказать, служат барометром развития этих отношений» [Ning Qi, 2019, p. 76].

Ростки новой системы в «красных районах»: русский язык в 1940-е гг.

Задолго до провозглашения КНР новая политическая система начала формироваться на территориях, контролировавшихся КПК. Русский язык здесь стал актуальным после начала Второй мировой войны. В этот период столицей новых «красных районов» был городок Яньань на северо-западе Китая. В 1940 г. вернувшийся из СССР поэт Сяо Сань создал здесь первые курсы русского языка, работавшие по вечерам и в воскресные дни. Чуть позднее, в том же 1940 г. более регулярные курсы начали работать при Институте марксизма-ленинизма. Выпускники этих курсов составили кадровый костяк исследовательского сектора Института. С этих пор преподавание русского языка в Яньане приобретало все более устойчивые формы. В марте 1941 г. в структуре Китайского народного антияпонского военно-политического уни-

⁴ Interview: “Cao Ying: «Women zheyangde yizhe xianzai chibukai” “草婴：我们这样的译者，现在吃不开” [Translators like us can't handle it now]. Dongfang Zaobao. Aug., 2007.

верситета была образована «бригада русского языка» — военизированное учебное формирование, состоявшее из партийных кадров, прибывших по направлению Военного совета ЦК КПК из фронтовых и тыловых армейских частей, а также из партийных учреждений. Число слушателей в этой бригаде превышало 100 чел., а в 1942 г. достигло 150 чел. «Бригаду русского языка» можно считать прародительницей целого ряда учебных заведений КНР с языковой направленностью. В их числе Пекинский и Шанхайский университеты иностранных языков, Хэйлунцзянский университет и др.

Главной задачей бригады была подготовка военных и политических переводчиков. Обучение русскому языку занимало 80% учебного времени, остальные 20% отводились политическим и идеологическим предметам. За неимением носителей языка к преподаванию были привлечены партийцы, обучавшиеся в 1920-30-х гг. в СССР, а также те, кто учились в ХПИ или долгое время работали в Харбине и общались с русскими. Учебные материалы брались из попадавших в Яньань советских газет («Правда», «Известия» и т.п.) и политических изданий (сочинения Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)»). Крепкий политический «бульон» немного разбавляли произведения А.М. Горького, признанного «пролетарского писателя», и тексты из советских школьных учебников «Родная литература».

Набравшись опыта, китайские преподаватели попробовали также сами составлять учебные тексты, стараясь увязать их с актуальной действительностью. Например, «Климат Яньаня», «Рассказы о партизанах» и т.д. Затем появились такие материалы, как «Разговорник по русскому языку», «Употребительные русские слова и выражения» и пр. Основной упор делался на формирование практических навыков чтения, аудирования и говорения. Отсутствие языковой среды пытались восполнить приказными методами: от слушателей требовалось, чтобы они «в бытовой жизни, при участии в производственном труде и на отдыхе — везде говорили по-русски. Это правило было закреплено как дисциплинарное требование. Таким образом, создавалась насыщенная атмосфера изучения русского языка» [Hao Shuxia, 2005, p. 150].

«Бригада русского языка» позднее была преобразована в Школу русского языка, давшую целую поросль учебных заведений в разных районах Северного и Северо-Восточного Китая, где с 1945 по 1949 г. шаг за шагом утверждалась коммунистическая власть. В этот период ведущая роль в преподавании русского языка перешла к Спецшколе иностранных языков (чаще ее называют Спецшкола русского языка), созданной в ноябре 1946 г. в Харбине на базе яньаньской школы. Новообразованное учебное заведение заимствовало основное направление и традиции преподавания из Яньаня и вначале также находилось в армейском подчинении, но в 1948 г. перешло в ведение Народного правительства Северо-восточного Китая, позднее на его базе был создан Хэйлунцзянский университет, ведущей структурой которого до сегодняшнего дня является факультет (ныне Институт) русского языка.

При основании Харбинской спецшколы во главе ее встали две женщины — Ван Цзиюй и Чжао Сюнь. Отлично владея русским языком, они понимали законы обучения иностранным языкам и грамотно наладили учебную работу. Для ведения практических занятий были приглашены харбинские русские преподаватели, китайским преподавателям поручили занятия по грамматике и переводу. Пять дней в неделю отдавалось русскому языку, один день — политзанятиям. «Благодаря их [Ван Цзиюй

и Чжао Сюнь] энтузиазму и организаторским способностям, Харбинская спецшкола русского языка очень быстро стала образцовым учебным заведением, прославившимся качеством образования и подготовившим для Китая целую плеяду замечательных специалистов-русистов», — пишет работавшая в спецшколе известная русистка Е.П. Кишкина (Ли Ша) [Li Sha, 2009, p. 174]. К осени 1949 г. Харбинская спецшкола занимала первое место в сфере преподавания русского языка в Китае по числу преподавателей и учащихся (около 50% от численности во всей стране) [Hao Shuxia, 2005, p. 165].

«Медовый месяц» дружбы: бум русского языка (1949–1959 гг.)

В канун провозглашения КНР Мао Цзэдун озвучил общий курс новой республики в краткой формулировке «склониться в одну сторону», т.е. в сторону СССР, обосновав это тем, что данная политика необходима «для одержания и закрепления победы» [Mao Tsedong, 1949]. Генеральная задача партии — «учиться у СССР» — требовала повсеместного распространения русского языка и большого контингента переводчиков. Опорную роль в подготовке русистов-переводчиков в этот период, помимо Харбинской спецшколы, сыграли несколько новых специализированных учебных заведений. В октябре 1949 г. была образована Спецшкола русского языка при ЦК КПК. Особый вес этому событию придали каллиграфическая надпись с наименованием Школы, созданная Мао Цзэдуном в ее честь. Первым директором Школы был назначен личный переводчик Мао Цзэдуна Ши Цзэ. Преобразованное в Институт русского языка в 1956 г., это высшее учебное заведение долгое время находилось в ведении МИД КНР, подготовив большое число дипломатических и переводческих кадров высокой квалификации. Кроме этого, в декабре 1949 г. было основано Училище (с 1952 г. Спецшкола) русского языка в Шанхае, в 1952 г. — Спецшкола русского языка Северо-Западного Китая, в 1953 г. — Спецшкола русского языка Юго-Западного Китая. Общим для этих четырех спецшкол было то, что они вышли из «Яньаньской колыбели», или из армейских переводческих курсов. Позднее все они развились в университеты иностранных языков, сохранив ведущий в стране статус в сфере подготовки специалистов по русскому языку.

Помимо этого, в 1950 г. в 19 университетах были сформированы факультеты русского и литературы, к 1952 г. их число увеличилось до 36. В 1956 г. в системе высшего образования работало уже около двух тысяч преподавателей русского языка. В период 1953–1956 гг. число студентов по специальности «русский язык и литература» превысило 12 тыс. чел. (не считая учащихся педвузов и ведомственных училищ русского языка) [Liu Limin, 2009, p. 2]. Эта цифра значительно превышает численность русистов, подготовленных за всю предыдущую историю преподавания русского языка в Китае. По требованию партии и правительства изучение английского языка в вузах, не только на филологических, но и на научно-технических отделениях, сократилось до минимума, уступая место русскому языку. Расширение профильного преподавания русского языка потребовало разграничить задачи в зависимости от типа учебных заведений: спецшколы готовили переводческие и преподавательские кадры; университетские факультеты — преподавателей и литературоведов; педаго-

гические институты — школьных учителей русского языка, т.к. русский язык стал обязательным предметом в школьном образовании, вытеснив английский язык.

Небывалых доселе масштабов достигло направление учащихся за границу — прежде всего в СССР, а также в некоторые другие социалистические страны. В 1951 г. в Советский Союз выехала первая группа в составе 375 чел., в 1956 г. это число достигло 2085 чел. Всего же за 14 лет (вплоть до 1964 г.) для обучения и стажировки по различным академическим программам в СССР было направлено 8357 чел. [Li Binbin, 2018]⁵. В целях предварительной языковой подготовки в 1952 г. при Пекинском институте русского языка было создано Подготовительное отделение для выезжающих на учебу в СССР. В период с 1949 по 1959 г. через это отделение прошло почти 7 тыс. чел. [Hao Shuxia, 2011, p. 10]. Подчеркивая значение этой специфической учебной структуры, Хао Шуся отмечает: «Существование Подготовительного отделения для выезжающих на учебу в СССР было всего лишь кратким моментом в истории образования Нового Китая. Однако в течение столь короткого времени здесь перед выездом в СССР получили интенсивную подготовку по русскому языку будущие руководители государства, корифеи китайской науки, известные ученые и множество будущих специалистов, внесших выдающийся вклад в строительство Китая. Эта подготовка помогла сократить период их адаптации за границей и таким образом повысить качество учебы за рубежом» [Ibid, p. 11].

Качество преподавания русского языка в целом значительно улучшилось, благодаря добросовестности и рвению китайских преподавателей и самих учащихся, а также в связи с тем, что в преподавательский процесс включилось большое число носителей русского языка. Это способствовало созданию определенной языковой среды в учебных заведениях. Данный феномен связан с тем, что советские специалисты, командированные в Китай, привезли и свои семьи. «Членов семей было не только не меньше, но даже больше, чем самих специалистов. Например, в июне 1956 г. в Китае работали 2189 советских специалистов, а с учетом членов их семей в КНР находилось 5 тыс. человек. <...> Наличие такого количества родственников было очень привлекательным для министерств и организаций, остро нуждающихся в сотрудниках со знанием русского языка» [Шэнь Чжихуа, 2015, с. 204]. Общее число советских женщин (в основном это были жены специалистов), работавших в сфере преподавания русского языка, установить, к сожалению, не удалось. Есть только отдельные примеры. Так, на июнь 1956 г. в Шанхайской спецшколе русского языка среди 241 преподавателя 90 человек были русскими. Командированные специалисты-филологи, как правило, составляли незначительное меньшинство. Однако при их помощи на основе заимствования советского методического опыта преподавание русского языка приобрело более упорядоченный характер: в ведущих вузах составлялись учебные планы и программы, подготавливались учебники и учебные пособия. К концу 1950-х гг. в Пекинском институте русского языка был разработан систематизированный учебный комплекс в 8 частях, рассчитанный на четыре года обучения, который начали использовать во многих вузах. Вышла в свет «Методика преподавания русского языка».

⁵ Другие цифры предоставлены автором. По мнению Хао Шуся, «из-за разных определений сроков обучения студентов в СССР и различных каналов, по которым их направляли, статистические методы и значения значительно разнятся и дают цифры от 7000 до 30000» [Hao Shuxia, 2011, p. 9].

Особое значение русского языка в этот период признается современными китайскими исследователями. Хао Шуся подчеркивает, что в историческом процессе учебы у Советского Союза «роль русского языка как важнейшего, можно даже сказать, единственного инструмента общения, была совершенно незаменимой» [Hao Shuxia, 2011, p. 12]. Нин Ци останавливает внимание на том, что в этот период преподавание русского языка «вышло далеко за рамки языкового образования, внося важный вклад в подготовку технических специалистов для самых разных отраслей экономики» [Ning Qi, 2019, p. 78]. Следует также отметить, что интенсивное распространение русского языка в 1950-е гг. велось не «из-под палки», а скорее пропагандистскими, чем принудительными методами. «Сегодня Советского Союза — это наше завтра», «Учиться у старших советских братьев» — эти лозунги вызывали неподдельный энтузиазм в широких кругах населения, особенно у молодежи. Отделения Общества китайско-советской дружбы по всей стране открыли вечерние языковые школы для желающих; Центральное народное радио и местные радиостанции транслировали уроки русского языка. «По всей стране возникла насыщенная атмосфера изучения русского языка. Люди читали книги, декламировали стихи, пели песни на русском языке — такие картины можно было увидеть на каждом шагу. В школах организовывали переписку учащихся с советскими ребятами, они посылали друг другу приветы, выражали дружеские чувства» [Liu Limin, 2009].

Тем не менее с высоты прошедших десятилетий четко вырисовываются недостатки такого «бума». «В первые годы после образования КНР не была как следует разработана или же вообще не существовала целостная и детализированная программа развития преподавания русского языка. Его развитие подчинялось трендам внешней и внутренней обстановки и отражало характеристики того времени — безрассудность и авантюристичное забегание вперед» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p. 7]. Эти характеристики особенно ярко проявили себя во время многочисленных политических кампаний (борьба с правыми элементами, большой скачок и т.п.), нарушавших нормальный ход учебного процесса и подчинявших его политическим задачам. «Чрезмерная политизация накладывала значительные ограничения на содержание преподавания иностранных языков. И к тому же в учебном процессе применялись авральные методы, нарушавшие закономерности преподавания», — отмечает известный филолог Hu Wenzhong [Hu Wenzhong, 2009, p. 164]. Аномальное развитие русского языка в 1950-е гг. сравнивают с надуванием воздушного шара: «Сначала изо всех сил старались раздуть его все больше и больше. Потом вдруг спохватились — слишком стал несоразмерным, попытались немного сдуть. (...) А затем, почти доведя воздушный шар до нормального состояния, проткнули его насквозь» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p. 7].

*«Сдутый шар»: годы бедствий (1960–1970-е гг.)
и небыстрого восстановления (1980–1990-е гг.)*

Спыхватились в 1956 г., обнаружив «перепроизводство» выпускников с русским языком. Министерство образования КНР приняло постановление об исправлении перекоса — постепенном сокращении с 1957 г. приема на отделения русского языка и частичном восстановлении английского языка в вузах и средних школах. В 1959 г. спецшколы и институты русского языка как отдельные структуры были упразднены

и введены в состав институтов иностранных языков. Абсолютное доминирование русского языка пошло на спад.

В 1960 г. русский язык ожидал сильный удар: на фоне непрекращающегося конфликта между двумя партиями советский лидер Н.С. Хрущев приказал отозвать всех советских специалистов и прекратить экономическую помощь КНР. Как следствие, по всему Китаю произошло резкое сокращение преподавания русского языка или его полная отмена в целом ряде учебных заведений. Полностью прекратилось направление на учебу в СССР. Эти меры жестко сломали судьбы многих русистов — преподавателей и учащихся.

В довершение бед в 1966 г. разразилась «культурная революция», продолжавшаяся целое десятилетие. На долгие годы был приостановлен прием в вузы; студентов, преподавателей и школьников отправили в деревню «учиться у крестьян-бедняков». Все сферы культуры и образования подверглись катастрофическому разгрому. Не только русский, но и прочие иностранные языки были объявлены «ненужными» и даже вредными. Считалось, что изучение «чужеземных языков» прививает «низкопоклонство перед зарубежными странами» и облегчает «тайные сношения с заграницей». Русский язык, казалось, окончательно потерял позиции.

С 1972 г. улучшение отношений между Китаем и США дало импульс подъему английского языка, в то время как русский оставался «языком врага». После кровопролитного столкновения на острове Чжэньбаодао⁶ в 1969 г. в Китае ожидали военного нападения со стороны СССР. Для подготовки резерва военных и дипломатических переводчиков Пекинский институт иностранных языков в 1972 г. начал принимать учащихся на отделение русского языка по направлению армейских и партийных организаций. Вслед за тем Министерство образования дало разрешение 26 вузам раз в два года в ограниченном количестве набирать учащихся на специальность «русский язык». «Однако теперь масштабы преподавания русского языка были совершенно не сравнимы с 1950-ми годами. Во всей стране число учащихся едва ли достигало 1000. И к тому же содержание обучения носило особую политическую окраску» [Liu Limin, 2009, p. 3]. Так, в нарушение всех законов усвоения русской фонетики и грамматики первый урок в учебниках начинался с фразы: «Да здравствует Председатель Мао Цзэдун!» Нельзя не согласиться с мнением Ван Цзиньжуна: «Если вначале преподавание русского языка служило барометром дипломатических и политических отношений, то с конца 1950-х и до конца 1960-х [скорее, до начала 1980-х — прим. автора] оно стало жертвой политики» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p. 7].

В 1977 г. был восстановлен прием в вузы через единые госэкзамены, деятельность университетов налаживалась, но отделения русского языка продолжали ограниченную деятельность, так как отношения с СССР по-прежнему находились на точке замерзания. Согласно инструкциям Министерства образования от марта 1979 г., общий набор студентов для изучения русского языка по стране следовало сохранять на уровне 200–300 человек в год [Sun Yuhua, Liu Hong, 2009, p. 200]. В этот период китайская русистика, находившаяся в сиротливом состоянии, держалась на энтузиаз-

⁶ Даманский (кит. Чжэньбаодао) — остров на реке Уссури, место советско-китайского пограничного конфликта в марте 1969 г. На основании соглашения «О советско-китайской государственной границе на её Восточной части» 1991 г. передан КНР. (Прим. ред.)

ме русистов и их любви к своей профессии. В январе 1980 г. 9 ведущих вузов на совещании в Шанхае договорились о создании Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), которая была учреждена в мае 1981 г. и начала издавать свой журнал «Русский язык в Китае». В условиях реформирования образования китайская русистика успешно совершила переход от советской системы пятилетнего обучения в вузах к общепринятой системе бакалавриат-магистратура-докторантура. В 1987 г. началась работа по составлению программы преподавания русского языка на базовом этапе высшего профессионального образования. В том же году впервые было проведено всекитайское тестирование базового уровня русского языка у студентов начальных курсов, давшее надежный материал для составления вышеназванной программы, которая начала применяться с 1989 г.

Разморозка отношений между СССР и Китаем, начавшаяся в середине 1980-х гг., способствовала восстановлению международных контактов. В 1985 г. КАПРЯЛ стала коллективным членом Международной ассоциации преподавателей русского языка (МАПРЯЛ). В 1983 г. в СССР была направлена на стажировку первая группа университетских преподавателей русского языка в составе 10 человек. В 1987 г. китайские школьники впервые приняли участие в Международной олимпиаде по русскому языку в Москве, все 10 участников завоевали золотые медали.

Известный китайский русист Лю Лиминь считает, что с середины 1980-х гг. китайская русистика сделала значительный шаг в сторону рационального развития: «И хотя в конце 1980-х — начале 1990-х возникли внутренние турбулентность в СССР и его последующий распад, но это не сказалось на преподавании русского языка в нашей стране, и оно смогло осмысленно и спокойно пережить восстановительный период» [Liu Limin, 2009, p. 5].

Восстановление разносторонних отношений в обстановке политического и экономического хаоса в России после 1989 г. вызвало всплеск приграничной торговли и породило неуправляемый поток коммерсантов-«челноков», сновавших между двумя странами. Русский язык неожиданно стал нужен как средство коммерческой деятельности, открывая новые возможности для трудоустройства и обогащения. Многие вузы поспешили заново открыть отделения или вечерние курсы русского языка. В 1999 г. общее число студентов, изучающих русский язык как специальность, приблизилось к 7000. Однако такой ажиотажный спрос на русский язык продержался недолго (менее 10 лет) и исчез, охлажденный суровой экономической реальностью. На этом фоне некоторые русисты оценили период рубежа XX-XXI вв. как время спада интереса к русскому языку и нового сокращения его преподавания [Wang Mingyu, Meng Xia, 2005; Cui Shengjie, Chen Ningning, 2011, p. 93–95]. В то же время Лю Лиминь говорит о «низкоскоростном, но устойчивом развитии» вплоть до конца 1990-х гг. [Liu Limin, 2009, p. 5].

Переход к всестороннему развитию в новую эпоху — XXI в.

Настоящую устойчивость развитию русского языка в Китае принес XXI в. вместе с поддержкой со стороны правительственных и образовательных структур. Масштабы и география преподавания русского языка в последние годы непрерывно расши-

ряются. Преподавание русского языка на уровне высшей школы практически охватило всю страну (исключение составляют периферийные районы — Юньнань, Цинхай и Тибет). Можно посмотреть на такие цифры: в 2023 г. 26 тыс. студентов бакалавриата изучали русский язык как специальность в 175 вузах; кроме того, русский язык как иностранный учили более 20 тыс. чел. в 400 с лишним вузах [Ning Qi, 2019, p. 81]⁷. «Преподавание русского языка, имеющее длительные традиции и особый статус, встретило “вторую весну”», — восклицает Лю Лиминь [Liu Limin, 2009, p. 5].

Однако следует отметить, что эта «весна» сильно отличается от «первой весны» 1950-х гг. Прежде всего, русский язык ныне не является в Китае доминирующим и никоим образом не может оспаривать лидирующую роль английского языка во всех сферах. Тем не менее русский язык играет определенную роль в международном общении, особенно в контактах Китая с Россией и со странами Центральной Азии. Большое значение приобрели экономические факторы. География размещения русского языка явно тяготеет к Северу, Северо-Востоку и Северо-Западу Китая, т.е. к районам, поддерживающим интенсивные экономические контакты с указанными странами. С другой стороны, наиболее экономически развитые приморские и южные провинции не спешат активно развивать русский язык (за исключением Шаньдун), что говорит о недостаточной «разогретости» китайского общества в целом.

Слабым звеном в цепочке преподавания русского языка по-прежнему является средняя школа. Здесь пальма первенства принадлежит провинции Хэйлунцзян — 50 школ из 120 по стране. В настоящее время 23 тысячи китайских школьников учат русский язык. Для Китая с его 80 млн учащихся средних школ (не считая начальных) это мизерная цифра. Трудность ее увеличения объясняется многими факторами, в том числе и противодействием части родителей, считающих русский язык «слишком сложным и бесполезным» для будущего их детей, и в том, что многие университеты не принимают абитуриентов, сдающих ЕГЭ по русскому языку. Отделения русского языка и литературы в вузах, как ни странно, также предпочитают «нулевиков», так как школы с русским языком чаще всего расположены в сельских и периферийных районах и дают слабую подготовку, особенно много замечаний вызывают произношение и устная речь. Легче учить «с чистого листа», чем переучивать, считают вузовские преподаватели.

Переводческая и филологическая направленность русского языка в вузах, утвердившаяся с 1950-х гг., ныне подвергается реформированию, так как одно только знание языка уже не может удовлетворить общественные запросы. Университеты активно ищут новые модели расширения профессиональной ориентации в сочетании с другими специальностями: экономика, журналистика, правоведение, международные отношения и т.п. Постепенно осуществляется переход в сферу регионалистики. Новые модели улучшают возможности трудоустройства для молодежи, но в то же время отбирают учебные часы у русского языка в пользу других необходимых дисциплин. Как в таких условиях поддержать качество преподавания? Это вопрос открытый.

Варианты решения предоставляют быстро развивающиеся академическая мобильность и международное сотрудничество. В наши дни число китайцев, обучаю-

⁷ См.: List of Undergraduate Institutions Offering Russian Language Majors Nationwide, 2023. URL: <http://www.zhuanlan.zhihu.com> (accessed: 10.01.2025).

щихся в России, увеличивается с каждым годом и давно уже превзошло общую численность китайских студентов в 1950-1960-х гг. Можно привести такие цифры, относящиеся к последнему десятилетию: 2014 г. их было 18269 чел.; 2015 г. 28 тыс. чел.; 2017 г. около 30 тыс. чел. [Pan Yue, 2022]. После трех пандемийных лет, в 2022 г. это число превысило 37 тыс.; а в 2024 г., по данным российской стороны, увеличилось еще на 10 тыс., достигнув цифры 47 тыс. учащихся на очных отделениях вузов. Если же включить сюда обучающихся на подготовительных отделениях, то общая численность составит более 60 тыс. чел.⁸ Следует учесть, что в это число входят как государственные стипендиаты, так и те, кто оплачивает обучение за собственный счет, при этом число последних несравнимо больше⁹. Эти две группы сильно отличаются друг от друга. В группе государственных стипендиатов значительное большинство составляют филологи, имеющие языковую подготовку. Они приезжают на стажировку (включенное обучение) по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры и обладают четкой мотивацией и профессиональной направленностью. В дальнейшем они составляют костяк вузовских преподавателей и исследователей-русистов. Большой же контингент тех, кто приезжает в Россию самостоятельно, такой мотивацией не обладает и, начиная изучать русский язык «с нуля», встречает огромные трудности, которые далеко не всем удастся преодолеть. Получение диплома отнюдь не доказывает профессионализм выпускников. По возвращении в Китай многие расстаются с русским языком и выбирают место работы в зависимости от возможностей трудоустройства. Тем не менее российские вузы из экономических соображений приветствуют наплыв китайских учащихся даже в ущерб качеству образования. Китайская сторона, в свою очередь, поощряет выезд на учебу за границу, снижая таким образом колоссальную конкуренцию при поступлении в китайские вузы. Как видим, количественные показатели академической мобильности в данном случае отнюдь не указывают на качество.

Другой вариант интернационализации образования предоставляет сотрудничество между учебными заведениями Китая и России, пользующееся действенной поддержкой правительства. По мнению китайского русиста Чжан Боя, «через сотрудничество двух стран в образовательной сфере наша страна может эффективно внедрять качественные образовательные бренды и методики преподавания и с помощью российского опыта повышать уровень китайского образования»¹⁰.

Уже в 1995 г. Китай подписал с Россией соглашение о взаимном признании государственных дипломов и ученых степеней. Развитие межвузовского сотрудничества привело к идее образования профильных университетских ассоциаций. В 2011 г. по инициативе Харбинского политехнического университета и МГТУ им. Н.Э. Баумана

⁸ Weihe yuelaiyueduo de zhongguo xuezi xuanze liuxue eluosi? 为何越来越多的中国学子选择留学俄罗斯? [Why are more and more Chinese students choosing to study in Russia?]. 14.09.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1810060410930646466&wfr=spider&for=pc> (accessed: 03.12.2024).

⁹ Так, в 2022 г. из 37 тыс. учащихся всего 1707 чел. были направлены в Россию по государственной линии.

¹⁰ Zhang Boya 张博雅 (2017). Guojihua Beijing xia zhong e jiaoyu hezuo de tansuo yu yanjiu 国际化背景下中俄教育合作的探索与研究 [Exploration and Research on Sino- Russian Education Cooperation in the Context of Internationalization]. Kexue yu caifu [Science and Wealth]. 2017. URL: <https://www.fx361.com/page/2017/1212/2683625.shtml> (accessed: 02.05.2024).

была создана Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), вслед за ней в 2011–2019 гг. было образовано еще 12 ассоциаций разного профиля, в которые вошло более 500 учебных заведений двух стран. Через эти ассоциации и прямые межуниверситетские контакты разворачиваются интенсивные обмены студентами, преподавателями, научными сотрудниками, реализуются многочисленные совместные научно-образовательные проекты, ведется совместная подготовка учащихся, дающая возможность получения двойных дипломов и двойных ученых степеней.

В 2016 г. на территории Китая было открыто первое совместное китайско-российское учебное заведение на основе сотрудничества Цзянсуского педагогического университета и Санкт-Петербургского политехнического университета. Крупнейшим шагом в этом направлении стало создание Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, торжественно открывшегося в 2017 г. Соучредители университета — МГУ имени М.В. Ломоносова, Пекинский политехнический институт и Народное правительство города Шэньчжэня, с 1990-х гг. являющегося витриной китайской политики реформ и открытости. В настоящее время в Университете обучается более 2500 студентов, поставлена амбициозная задача в 2025 г. преодолеть цифру в 5000 чел. Особенность этого учебного заведения в том, что обучение ведется по образовательным программам и силами профессорско-преподавательского состава МГУ и ведущих китайских и мировых университетов. Имеется подготовительное отделение по русскому языку, но русский язык не является всеохватывающим, в зависимости от факультета лекции читаются на трех языках — русском, китайском и английском. Выпускники большинства программ бакалавриата МГУ-ППИ получают два диплома: диплом МГУ и диплом МГУ-ППИ.

Какими будут результаты такого сотрудничества и как в целом в дальнейшем пойдет развитие преподавания русского языка в Китае, сегодня сказать еще трудно. Но очевидно, что русский язык, переживший небывалый взлет, а затем на какое-то время оказавшийся в депрессивном состоянии, не вернется к прошлому «буму» — да в этом и нет необходимости, однако в новую эпоху он по-прежнему имеет значение для Китая. В том числе, по мнению китайских русистов, если в прошлом русский язык сыграл незаменимую роль в привлечении достижений зарубежных стран, то теперь он может оказать содействие эффективному выходу китайской культуры за рубеж [Ning Qi, 2019, p. 88].

Библиографический список

- Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 127 с.
Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.
Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291.
Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960). М.: Восточная литература, 2015. 423 с.

References

- Lapin P.A. (2009). *Pervaya shkola russkogo yazyka v Kitaye* [The First School of Russian in China]. Moscow: Vostochnaya literatura. 127 p. (In Russian).
- Melikhov G.V. (1991). *Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya* [Manchuria Far Away and Close]. Moscow: Nauka. 319 p. (In Russian).
- Khisamutdinov A.A. (2015). *Russkoye vyssheye obrazovaniye v Kitaye* [Russian Higher Education in China]. *Voprosy obrazovaniya*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae> (accessed: 15.01.2025). P. 274–291. (In Russian).
- Shen Zhihua (2015). *Sovetskiye spetsialisty v Kitaye (1948–1960)* [Soviet Specialists in China (1948–1960)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 423 p. (In Russian).
- * * *
- Han Li 韩莉 (2010). *Qingdai Zhongguo eyu jiaoyu shuping* 清代中国俄语教育述评 [A Review of Russian Language Education in Qing Dynasty China]. *Siberian Studies*. Feb. 2010. Vol. 37. No.1. (In Chinese).
- Hao Shichang, Li Yachen 郝世昌, 李亚晨 (2001). *Liu su jiaoyu shigao* 留苏教育史稿 [Draft History of Education in Soviet Union]. Heilongjiang Education Press. (In Chinese).
- Hao Shuxia 郝淑霞 (2011). *20 shiji 50 niandai liu su rechao yu zhongguo eyu jiaoyu* 二十世纪五十年代留苏热潮与中国俄语教育 [The Study in USSR Movement in the 1950s and Russian Language Education in China]. *Teaching Russian in China*, May 2011. Vol. 30. No. 2. (In Chinese).
- Hao Shuxia 郝淑霞 (2005). *Zhongguo eyu jiaoyu shi* 中国俄语教育史 (1708–1949) [History of Russian Language Education in China (1708–1949)]. Nankai University, School of History [PhD dissertation]. (In Chinese).
- Hu Wenzhong 胡文仲 (2009). *Xin Zhongguo 60 nian waiyu jiaoyu de chengjiu yu queshi* 新中国六十年外语教育的成就与缺失 [The Achievements and Deficiencies of Foreign Language Education in the 60 Years of New China]. *Foreign Language Teaching and Research*. No. 3. (In Chinese).
- Li Binbin 李斌斌 (2018). [Liuxuesheng] 20 shiji wu liushi niandai de liusu xueren ji qi shiye zhong de “Sulian xingxiang” [留學生]20 世纪五六十年代的留苏学人及其视野中的“苏联形象” [Sino-Soviet Students of the 1950s–60s and the Image of the USSR in Their View]. URL: <http://www.chinaql.org/BIG5/n1/2018/0625/c420285-30083686.html> (accessed: 17.02.2025). (In Chinese).
- Liu Limin 刘利民 (2009). *Xin Zhongguo Eyu Jiaoyu 60 Nian* 新中国俄语教育六十年 [60 Years of Russian Language Education in New China]. *Teaching Russian in China*, Nov. 2009, Vol. 28. No. 4. (In Chinese).
- Ning Qi 宁琦 (2019). *Zhongguo Jiaoyu 70 nian huigu yu zhanwang* 中国俄语教育 70 年回顾与展望 [Review and Prospect of 70 Years of Russian Language Education in China]. *Journal of Shanghai Jiao Tong University, Philosophy and Social Sciences*, Oct. 2019. Vol. 27. No. 129. (In Chinese).
- Sun Yuhua 孙玉华, Liu Hong 刘宏 (2009). *俄语教育专业发展研究* *Eyu jiaoyu zhuan ye fazhan yanjiu* [Research on the Development of Russian Language Education as a Specialty]. In: Dai Weidong 戴炜栋, Hu Wenzhong 胡文仲 (2009). *中国外语教育发展研究 (1949-2009)* [The Study of the Foreign Language Education in China: 1949-2009]. Shanghai Foreign Language Education Press. 995 p.
- Wang Jinrong 王金容 (2010). *Zhongguo eyu jiaoyu de lishi yu xianzhuang fenxi* 中国俄语教育的历史与现状探析 [Analysis of the History and Current Situation of Russian Language Education in China]. *Journal of Sichuan University of Science & Engineering*, June 2010. Vol. 25. No. 3. (In Chinese).
- Wang Jinrong 王金容, Xia Hongzhong 夏宏钟 (2011). *Zhongguo eyu jiaoyu jianguo chude jieduanxing tezhen fenxi yu fansi* 中国俄语教育建国初的阶段性特征分析与反思 [Analysis and Reflection on the Stage Characteristics of Russian Language Education in China at the Beginning of the Founding of the People's Republic of China]. *Teaching Russian in China*, May 2011. Vol. 30. No. 2. (In Chinese).
- Wang Mingyu, Wang Mingyu 王铭玉, Meng Xia 孟霞 (2005). *Zhongguo eyu jiaoxue de lishi, xianzhuang yu fazhan fanglüe* 中国俄语教学的历史、现状与发展 [The History, Current Situation and Development Strategies of Russian Language Teaching in China]. *Russian Language and Literature*. URL: <https://www.sinoss.net/uploadfile/2010/1130/4704.pdf> (accessed: 20.01.2025). (In Chinese).

Zhang Zeyu 張澤宇 (2004). Wan qing liu e jiaoyu shulun 晚清留俄教育述论 [On the Education of Studying in Russia during the Late Qing Dynasty]. Hebei Academic Journal, Jan. Vol. 24. No. 1. (In Chinese).

Yu Lizi 羽离子 (1991). Eluosi shouci dui qing zhengfu zengshu shimo 俄罗斯首次对清政府赠书始末 [The Beginning and End of Russia's First Gift of Books to the Qing Government]. Modern Chinese History Studies. No. 4. (In Chinese).

Ming qing shiliao 明清史料 (1960). [Ming and Qing Historical Materials]. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica, p. 1609. (In Chinese).

Li Nanqiu 黎难秋 (2002). Zhongguo kouyi shi 中国口译史 [China Language Interpretation History]. Qingdao: Qingdao Publishing House. (In Chinese).

Liu Ziyang 刘子扬 (1988). Qingdai difang guanzhikao 清代地方官制考 [Local Official Examination System in the Qing Dynasty]. Beijing: Zijincheng Publishing House. (In Chinese).

Li Xiping 李喜平 (ed.) (1998). Liaoning Jiaoyu Shi 辽宁教育史 [History of Education in Liaoning], 496 p. (In Chinese).

Chen Xuexun 陈学恂 (1991). Zhongguo jindai jiaoyu shi ziliao huibian (Liuxue jiaoyu) 中国近代教育史资料汇编. 留学教育 [Compilation of Historical Materials on Modern Chinese Education (Education Abroad)]. Shanghai Education Publishing House. (In Chinese).

Wei Daozhi 卫道治, Zhang Jie 张杰, Wang Jishang 王奇生 (1998). Zhongwai jiaoyu jiaoliu shi 中外教育交流史 [History of Education Exchange between China and Foreign Countries]. Hunan Education Publishing House. (In Chinese).

Ma Guijun 马贵钧 (2006). Beijing waijiaobu ewen zhuanxiuguan lueji 北京外交部俄文专修馆略记 [A Brief Account of the Russian Language Special School of the Ministry of Foreign Affairs in Beijing]. Renmin Zhengxie Bao, July 24. (In Chinese).

Yang Shangkun 杨尚昆 (2001). Huiyilu 回忆录 [Memoirs]. Central Literature Publishing House. (In Chinese).

Shi Zhe 师哲 (1991). Zai lishi juren shenbian: Shi Zhe huiyilu 在历史巨人身边: 师哲回忆录 [Beside the Giants of History. Memoirs of Shi Zhe]. Central Literature Publishing House. (In Chinese).

Li Sha 李莎 (2009). Wo de Zhongguo yuanfen 我的中国缘分 [My Chinese Fate]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (1949). Lun renmin minzhu zhuanzheng 论人民民主专政 [On the People's Democratic Dictatorship]. People's Daily, July 1. (In Chinese).

Cui Shengjie 崔胜杰, Chen Ningning 陈宁宁 (2011). Zhongguo eyu jiaoyu de fazhan licheng 中国俄语教育的发展历程 [The Development History of Russian Language Education in China]. The Examination Weekly Magazine. No. 90. (In Chinese).

Pan Yue 潘岳 (2022). Xin shidai zhong e jiaoyu hezuo you naxie xinde tedian 新时代中俄教育合作有哪些新的特点 [What Are the New Characteristics of Sino-Russian Education Cooperation in the New Era]. China Teachers' News, Nov. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.03.2025. Received: 02 March 2025.

Принята к публикации: 28.05.2025. Accepted: 28 May 2025.

М.Е. Кравцова

О научном и переводческом наследии С.А. Торопцева в области классической китайской лирики

Аннотация. В статье рассматриваются исследования в области истории китайской классической поэзии и соответствующие поэтические переводы С.А. Торопцева. Дается краткая характеристика его монографических работ (20 книг, включая сборники переводов), прослеживаются основные вехи его научной и творческой деятельности, разбирается разработанная им теория поэтического перевода и рассматриваются способы ее практической реализации. Аргументированно доказывается, что исследования и переводы С.А. Торопцева изначально отличались научной новизной и экспериментальностью, знакомя отечественного читателя с прежде малоизвестными страницами истории китайской классической поэзии. Все в целом его научные изыскания внесли огромный вклад в изучение литературы и культуры Китая. Он разработал новаторскую для отечественного Китаеведения теорию поэтического перевода (применительно к китайской классической лирике) и приложил максимальные усилия для реализации своих теоретических установок.

Ключевые слова: Китай, китайская классическая поэзия, С.А. Торопцев, исследования, поэтические переводы, теория поэтического перевода, поэзия эпохи Тан, поэзия эпохи Сун, поэзия эпохи Юань.

Автор: Кравцова Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Санкт-Петербург). E-mail: kravtsova_sin@mail.ru

М·Е·克拉夫佐娃

论 S·A·托罗普采夫在中国古典抒情诗领域的学术与翻译遗产

摘要: 本文探讨了 S·A·托罗普采夫在中国古典诗歌史及诗歌翻译领域的研究, 简要介绍了其专著 (包括翻译文集在内的 20 部著作), 追溯了其学术和创作活动的主要里程碑, 分析了其创造的诗歌翻译理论, 并探讨了该理论实践应用的方法。本文充分证明, S·A·托罗普采夫的研究和翻译从最初即以科学创新性和实验性为特色, 为俄罗斯读者揭开了此前鲜为人知的中国古典诗歌史篇章。总而言之, 他的学术调查为中国文学和文化的研究做出了巨大贡献。他创造了在俄罗斯汉学界具有开创性的诗歌翻译理论 (应用于中国古典抒情诗), 并致力于将其理论付诸实践。

关键词: 中国; 中国古典诗歌; S·A·托罗普采夫; 研究; 诗歌翻译; 诗歌翻译理论; 唐诗; 宋词, 元曲

作者: 马林娜·叶夫根尼耶夫娜·克拉夫佐娃, 语文学科学博士, 教授, 独立研究员 (圣彼得堡)。E-mail: kravtsova_sin@mail.ru

Marina Ye. Kravtsova

On the Academic and Translational Legacy of S.A. Toroptsev in the Field of Classical Chinese Lyric Poetry

Abstract. The article discusses studies in the field of the history of classical Chinese poetry and the corresponding poetic translations by S. A. Toroptsev. It provides a brief overview of his monographic works (20 volumes, including collections of translations), traces the main milestones of his academic and creative activities, analyzes the theory of poetic translation developed by him and considers the ways in which this theory was practically implemented. It is argued that Toroptsev's research and translations were characterized from the outset by scholarly originality and experimentalism, introducing Russian readers to previously little-known aspects of the history of classical Chinese poetry. In general, his academic work made an enormous contribution to the study of Chinese classical literature and culture in Russia. He developed an innovative theory of poetic translation—unprecedented in Russian Sinology—specifically with regard to classical Chinese lyric poetry and made every effort to implement his theoretical guidelines.

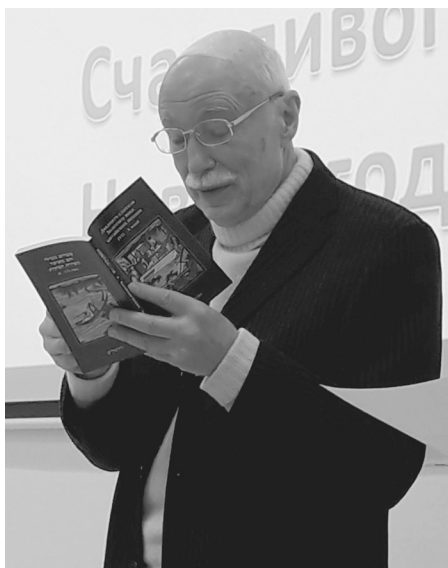
Keywords: China, classical Chinese poetry, S.A. Toroptsev, studies, poetic translations, theory of poetic translation, Tang dynasty poetry, Song dynasty poetry, Yuan dynasty poetry.

Author: Kravtsova Marina Ye., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Independent Resercher (St. Petersburg). E-mail: kravtsova_sin@mail.ru

Под «тремя вершинами» китайской поэзии сам С.А. Торопцев понимал, вслед за традиционными китайскими воззрениями на историю национальной художественной словесности, лирику эпох Тан 唐 (618–907), Сун 宋 (960–1279) и Юань 元 (1271–1368)¹ [Три вершины..., с. 325]. Имеются в виду прежде всего лирические жанры

¹ Напомню, что с эпохой Тан соотносится одноименная империя, в первой половине которой Китай достиг зенита внутренней социально-политической стабильности, культурного процветания и международного величия. Со второй половины VIII в. в силу вступили необратимые деструктивные тенденции, приведшие к гибели (в горниле повстанческих движений и междоусобных распрей) империи. Эпоха Сун состоит из двух самостоятельных исторических периодов: Северная Сун (Бэй Сун 北宋, 960–1127) и Южная Сун (Нань Сун 南宋, 1127–1279), первый из которых тоже ознаменовался утверждением могущественного имперского государства. Во второй половине 12-го в. регионы бассейна р. Хуанхэ, бывшие оплотом китайской цивилизации, завоевали чжурчжэни, включившие их в состав собственного этнического государства (Цзинь 金, 1115–1234). Под властью «осколка» империи Сун остались регионы Юга (земли бассейна р. Янцзы и примыкающие к ним юго-восточные, южные и юго-западные территории). Эпоха Юань — время владычества в Китае монгольского правящего режима. Динамика исторических процессов и особенно исторические коллизии предопределили, естественно, специфику поэтического творчества, в первую очередь, набор тем, мотивов и характер эмоциональности, отражающий особенности общего социально-психологического настроя.

ши 詩, цы 詞 и цюй 曲 (юаньцзюй 元曲 «юаньские напевы»)², расцвет которых соотносится с названными эпохами соответственно. Уместно напомнить, что для эпохи Тан сохранилось около 49 000 произведений 22 000 авторов³, для эпохи Сун — порядка 250 000 стихотворений (в разных лирических жанрах) 9900 авторов⁴, среди них 21 116 цы 1300 авторов⁵. Число дошедших до нас «юаньских напевов» превышает 4 000 текстов (около 200 авторов) [Chang, Owen, 2010, p. 640]. Конечно, для каждой исторической эпохи издавна выделяли наиболее выдающихся поэтов и произведения, относимые по тем или иным причинам к шедеврам. Существует немало старых изборников и современных антологий, в которых список танских, сунских и юаньских поэтов усечен, например до «всего» 214 персоналий, а их творчество — до 677 стихотворений [Liu Binglin, Tian Jun, Wang Hong, 1988, с. 299–1058, 1093–1178]. Однако постижение даже столь «незначительного» числа произведений требует поистине колоссальных аналитических и творческих усилий уже по той простой причине, что для понимания любого китайского стихотворения требуется доскональное знание не только жизненного пути и мировоззренческих позиций его создателя, современных ему норм по-

На творческой встрече

² Как ши 詩 («поэзия», «стихи») исходно (I тыс. до н. э.) обозначалось все поэтическое творчество. Приблизительно с I в. до н. э. этот термин стали использовать применительно к анонимной стихотворной (не связанной с песенно-музыкальной стихией) поэзии, с I–II вв. н. э. — к авторской лирике. Цы 詞 (песня, романс) — жанр авторской лирической поэзии, выделившийся в конце эпохи Тан и занявший господствующее (по степени его литературного авторитета) положение в поэтическом творчестве эпохи Сун. Юаньцзюй 元曲 — исходно поэтические вставки в драматургических произведениях, которые воспроизводились в театральных постановках и которые с художественно-литературной точки зрения во многом продолжают традицию стихов-цы. Они подразделяются на цзюйцзюй 劇曲 («сценические арии») и саныцзюй 散曲 («свободные напевы»), исполнявшиеся без аккомпанеента и поэтому легко трансформировавшиеся в книжную поэзию.

³ В самый полный свод танской лирической поэзии — «Цюань Тан ши» 全唐詩 («Полное [собрание] стихотворной поэзии Тан»), «Все танские стихи»), составленный в 1705–1707 гг., вошли произведения не только собственно эпохи Тан, но и первой половины X в. (эпоха Пяти династий/государств и Десяти царств, Удай шиго 五代十國, 907–960). Благодаря последующим текстолого-филологическим изысканиям и находкам рукописей танского времени количественный состав лирического наследия VII–X вв. возрос до более 50 000 произведений без малого 3000 авторов [Chen Yixin, 2001].

⁴ Свод «Цюань Сун ши» 全宋詩 («Полное [собрание] стихотворной поэзии Сун»), «Все сунские стихи»), составленный (под руководством проф. Чжу Баомо 朱寶模) на базе Пекинского университета и изданный в 72 томах в 1986–1988 гг.

⁵ Свод «Цюань Сун цы» («Полное собрание поэзии-цы Сун»), «Все сунские цы»), составленный Тан Гуйчжаном 唐圭璋 (1901–1999), впервые издан в 1965 г., есть и его расширенные издания.

этики, системы литературно-художественной образности, да и всего литературного языка, но также исторических, социально-политических и культурно-идеологических реалий, ибо все они тоже так или иначе находят отражение в поэтическом повествовании, обуславливая его общее содержание и, что особенно важно, тот смысловой подтекст и отдельные смысловые нюансы, которые далеко не всегда удастся уразуметь при поверхностном прочтении текста. По признанию самого С.А. Торопцева, «перевод произведений этих трех поэтических эпох всякий раз требовал от переводчика новой эмоциональной трансформации, перевоплощения, можно сказать, реинкарнации в пространстве не только стиля поэта, но и поэтики жанра, особенностей эпохи» [Три вершины..., с. 333]. Закономерен вопрос: насколько в принципе по силам одному человеку осмыслить и восчувствовать, вплоть до эмоциональной трансформации, массив семи-вековой китайской поэзии и выполнить ее поэтические переводы, пусть даже в образцах, избранных им самим (что, понятно, сделать тоже невероятно сложно), либо старыми книжниками или современными китайскими учеными? Оказывается, по силам! Достаточно посмотреть на список из 20 книг С.А. Торопцева, опубликованных за последние двадцать с небольшим лет. В первую серию вошли шесть книг о жизни и творчестве великого поэта Ли Бо 李白 (701–762/3), о которых подробнее будет сказано ниже. Серию венчает сборник литературных переводов 500 стихотворений Ли Бо [Китайский поэт золотого века...], охватывающий более половины его лирико-поэтического наследия⁶, и столь представительного собрания не существует ни на одном из европейских языков. Два года назад была опубликована еще одна антология переводов произведений Ли Бо — «Гость со звезды. Ли Бо: стихи и эссе» [Гость со звезды...]. В нее вошли переводы 105 стихотворных произведений (одно — цикл из двух стихов) и (раздел «Эссе») «Оды о великой птице Пэн» («Да пэн фу» 大鵬賦)⁷, одного из сложнейших по содержанию и образности творений Ли Бо. Переводы вошедших в антологию стихов уже были опубликованы прежде, но, как специально подчеркнуто в авторской аннотации к ней, «...прошли годы, и в жажде поэтического созвучия, преодолевающего возникающий порой диссонанс национальных культурных традиций, переводчик заново проверил и отшлифовал их, стремясь к более точному соответствию перевода как оригинальному тексту, так и его художественной ауре, ища возможность выйти за пределы текста — к энергетике стиха как максимально возможного адекват поэзии Ли Бо» [Гость со звезды. Ли Бо: стихи и эссе. В переводе Сергея Торопцева]. Предваряя более подробный разговор о методологии поэтического перевода, заявленной самим С.А. Торопцевым, обращаю внимание на призывы стремиться к выходу за пределы текста

⁶ В «Цюань Тан ши» представлены 1100 стихов (цз. 161–185), подлинность около 20 спорна, аутентичными считают от 981 до 999 текстов.

⁷ Дефиниция этого произведения как «эссе» имеет весомые литературоведческие основания. Основной отдел фу 賦 — литературно-поэтического жанра, сформировавшегося в III–I вв. до н.э., составляют «большие (классические) оды (да-фу 大賦), совмещающие формальные признаки поэтического и прозаического («высокая / рафинированная художественная словесность» — вэнъ 文) текстов. Из терминологических эквивалентов фу (более десяти), предложенных в европейской синологии, предпочтение нередко отдают таким, как «рифмованная проза» (rhyme-prose), «прозопоззия» (prose-poetry) и «поэтические эссе» (verse essays) [Алимов, Кравцова, 2014, т. 2, с. 232–233]. Практика перевода фу в формате прозаического текста восходит к опытам акад. Василия Михайловича Алексеева (1881–1951), см., например: [Шедевры...].

На встрече с Си Цзиньпином

через проникновение в его внутреннюю духовность (воспользуюсь старой китайской терминологией) и вести поиски способов донести до русскоязычного читателя его художественную ауру совместно с максимально точной передачей формальных особенностей оригинала (длина строк, рифма, композиционные приемы).

Вторая серия книг — антологии, охватывающие все три «поэтические вершины» [Три вершины...], или одну из них: сборники лирики эпохи Тан — «Стихия стиха. Китайская поэзия VII–X веков» (140 стихотворений 40 поэтов) [Стихия стиха...], эпохи Сун — «Гармония слов. Китайская лирика X–XIII веков» (100 стихотворений *цы* 34 поэтов) [Гармония слов...] и «Стихи тишины: Лирика иносказаний» [Стихи тишины...], куда вошли переводы в общей сложности 145 *цы* Хэ Чжу 賀鑄 (1063–1120), поэтессы Ли Цинчжао 李清照 (1084–1156), Цзян Куя 姜夔 (1155–1221), У Вэньина 吳文英 (1200–1260), Цзян Цзе 將捷 (1245–1305), и эпохи Юань — «Юаньские напевы» (67 *цуй*, 20 поэтов) [Юаньские напевы...]. В сборники переводов поэзии эпох Тан и Сун входят исследовательские разделы (в формате послесловия), в которых с той или иной степенью подробности поясняются авторские точки зрения на особенности соответствующего поэтического творчества и формулируются принципы поэтического перевода. Последние три из перечисленных сборников репрезентируют самую широкую, по сравнению с уже имевшимися русскоязычными переводами, панораму поэзии *цы* эпохи Южная Сун и юаньской лирики.

Третью серию составляют сборники произведений отдельных авторов, которые наглядно иллюстрируют процесс все более и более глубокого погружения С.А. Торопцева в «поэтические эпохи», когда он перешел от своего рода их абрисного эскиза, образованного калейдоскопом произведений различных поэтов, к созданию «портретной галереи», в деталях воссоздающей поэтический ландшафт. Это (в историко-

хронологическом порядке): сборники переводов стихов-*ши* — 50 Ван Бо 王勃 (650?–676?) [Божественный отрок...], 82 Ли Хэ 李賀 (790/791–816) [Дьявол поэзии...], 113 Ли Шаньиня 李商隱 (811/813–858/859) [Фантазийный Ли Шаньинь...], и стихов *цы* — 43 Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072, прозвание Цзуйвэн 醉翁, букв. «Хмельной старец») [Старый бражник], 100 Су Ши 蘇軾 (1036–1101, он же Су Дунпо 蘇東坡) [Горный чертог], 46 Цзян Куя [Цзян Куй, 2019], 59 *цы* и 6 *ши* Ли Цинчжао [Я — птица].

Из перечисленных поэтов (подробно рассказывать о них нет нужды, ибо полные биографические сведения представлены в самих сборниках) отечественный читатель лучше всего был знаком с лирикой *цы* Ли Цинчжао (в переводах Михаила Ивановича Басманова, 1918–2006) [Ли Цин-чжао, 1970] и лирикой (*ши* и *цы*) Су Ши [Су Дун-по, 1975]⁸. Что касается когорты танских поэтов, которые привлекли особое внимание С.А. Торопцева, то из 84 сохранившихся стихотворений Ван Бо⁹, бесспорно, одного из самых ярких представителей раннетанской (VII в.) поэзии¹⁰, ранее были переведены только пять; а из 536 стихотворений (в различных жанрах) Ли Шаньиня¹¹, творчество которого оказало огромное влияние на последующую национальную поэзию, включая лирику *цы*, и до сих пор вызывает восхищение у ценителей китайской классической лирики¹², — восемь [Кравцова, 2019, с. 41, 166]. Сходная ситуация сложилась и для Ли Хэ, которого сегодня уверенно признают наиболее оригинальным поэтом эпохи Тан¹³, порою даже приравнивая к самому Ли Бо (см. также ниже). Его лирико-поэтическое наследие составляют 247 произведений¹⁴, из которых прежде были переведены только 10¹⁵, из них шесть поэтических переводов принадлежат Льву Николаевичу Меньшикову (1926–2005)¹⁶.

Приведенных примеров, думается, вполне достаточно для утверждения (как бы тривиально оно ни звучало), что исследования и поэтические переводы С.А. Торопцева открыли для отечественной академической науки и широкой читательской аудитории прежде малоизвестные, а то и фактически неизвестные, страницы китайской поэзии. А если суммировать число переведенных им произведений, то оно приближается к 1000, что количественно соответствует составу современных китайских антологий (то есть надежно репрезентирует поэтическое наследие VII–XIII вв.) и солидно превышает результаты творческой активности других отечественных мастеров художественного перевода китайской поэтической классики.

⁸ В этот сборник входят переводы только 13 *цы*.

⁹ «Цюань Тан ши» (цз. 55–56).

¹⁰ О нем, его поэтическом наследии и о его месте в истории поэзии Тан см. также [Алимов, Кравцова, 2014, т. 2, с. 959–961; Сторожук, 2010, с. 86–88].

¹¹ «Цюань Тан ши» (цз. 539–541).

¹² С начала 1970-х гг. и по начало нашего столетия было издано 14 комментированных изданий полного собрания и антологий (включая стихи исключительно на любовные темы) лирики Ли Шаньиня [Zhang Zhonggang, 2003, с. 1086–1088].

¹³ С начала 1980-х гг. и по начало нашего столетия в КНР было опубликовано более 20 изданий его поэзии и монографических о нем исследований [Zhang Zhonggang, 2003, с. 1083–1085].

¹⁴ «Цюань Тан ши» (цз. 390–394).

¹⁵ Об истории изучения лирики Ли Хэ в отечественном Китаеведении подробно см. [Блюмхен, 2021, с. 55–58].

¹⁶ Неоднократно переиздавались, в том числе [Китайская поэзия..., с. 201–206].

Лауреаты правительственной премии КНР

С китайским писателем Ван Мэном

Далее я попытаюсь, ни в коем случае не претендуя на сколько-нибудь обобщающие выводы, несколько более подробно рассмотреть основные этапы научной и творческой активности С.А. Торопцева и проследить ход эволюции его подходов к китайской классической поэзии, взглядов на поэтический перевод и переводческой практики. Оправданно начать с его ранних опытов на исследовательской и переводческой стезе, зафиксированных в его первой публикации о старой китайской поэзии — статье «Поэтический цикл “Плач о седидах”» [Торопцев, 1974]. Объемом всего в 13,5 страниц печатного текста и состоящая из небольшой вводной части (с. 35–42) и переводов шести стихотворений (см. ниже), статья и сегодня привлекает внимание своей научной новизной и смелостью, ибо все в ней содержащееся заслуживает определения «впервые». Впервые предпринята попытка анализа произведений различных поэтов, созданных на одну тему. Несмотря на то что такого рода циклы, состоящие из подражаний некоему предшествующему произведению (либо вариаций на их тему), относятся к числу типичных для классической китайской поэзии явлений, никто прежде из отечественных китаеведов не задавался, насколько мне известно, вопросом об их литературной специфике. Впервые дан перевод исходного здесь текста — «Плача о седидах» («Бай тоу инь» 白頭吟, другие варианты перевода названия — «Песня о седидах», «Песня о седой голове»), приписанного Чжо Вэньцзюнь 卓文君 — супруге Сыма Сянжу 司馬相如 (ок. 179–ок. 117), знаменитого поэта-одописца эпохи Ранняя (Западная) Хань (前/西漢, 206 г. до н. э.–8 г. н. э.). Переводу предшествует детальный анализ оригинала (во вводной части статьи, с. 36–40), по ходу которого затрагивается весь комплекс связанных с ним научных вопросов: от проблемы авторства¹⁷ до особенностей композиции и образности. Подчеркну, что все высказанные С.А. Торопцевым наблюдения являются оригинальными находками, так как он использовал в качестве источника (что указано в библиографической сноске) переиздание свода «Юэфу ши цзи» 樂府詩集 («Собрание поэзии юэфу») Го Маоцяня 郭茂倩 (1050?–1126), в котором отсутствуют не то что какие-либо более поздние старинные (либо современные) комментарии текстов, но и сами тексты воспроизведены без пунктуации и разбивки на строфы [Guo Maoqian, 1955, т. 2, с. 1129–1135]¹⁸. До сих пор актуальны аргументы в пользу принадлежности «Плача» к авторской лирике, вытекающие из разбора поэтики произведения: «Нет, это не песня “для многих”, это монолог “для одного”, это тонкий инструмент психологического воздействия» (с. 39).

Впервые выполнены и переводы других пяти стихотворений: «Плач о седидах» («Бай тоу инь») Бао Чжао 鮑照 (414?–466), цикл «Плач о седидах» (из двух стихотворений) Ли Бо, «Романс о разлуке»¹⁹ Юань Чжэня 元稹 (779–831) и «Ответ на “Плач о седидах”»²⁰ Бо (Бай) Цзюйи 白居易 (772–846). Учитывая, что о творчестве Бао

¹⁷ Еще в старой литературной мысли (с V в. н. э.) мнения книжников об этом произведении разделились: одни считали его творением Чжо Вэньцзюнь, другие — образцом народной песенной лирики (песен-юэфу 樂府); подробно см. [Алимов, Кравцова, 2014, т. 1, с. 286–287].

¹⁸ Всего в «Юэфу ши цзи» включены 10 произведений на тему «Бай тоу инь», что потребовало от С. А. Торопцева и самостоятельного выбора текстов для анализа и перевода.

¹⁹ Первое стихотворение цикла (из трех стихов) «Гу цзюэ цзюэ цы» 古決絕詞 (букв. «Древние строфы о разлуке навсегда»), созданного в 803 г. [Chen Yixin, 2001, т. 3, цз. 411, с. 215].

²⁰ Полное название «Фань Бао Минъюань “Бай тоу инь”» 反鮑明遠白頭吟 («Отвечаю на “Плач о седидах” Бао Минъюаня»), создано ок. 816 г. [Chen Yixin, 2001, т. 3, цз. 414, с. 262].

Чжао — одного из крупнейших поэтов V–VI вв., и Юань Чжэня — примечательного во всех отношениях литератора середины эпохи Тан, близкого друга и литературного единомышленника Бо Цзюйи, в советском китаеведении той поры было мало что известно²¹, не будет преувеличением сказать, что уже тогда С.А. Торопцев приступил к открытию прежде неведанных страниц истории китайской поэзии.

Переводы, и это сразу бросается в глаза, точно передают ритмику оригиналов, специфику их образов (хотя в некоторых случаях переводчику пришлось искать лексические эквиваленты, более понятные, чем китайские образы, русскому читателю) и их эмоциональные нюансы, одновременно выразительно показывая разницу между повествованием от лица лирической героини и повествованиями о ней и ее переживаниях, сотворенными поэтами-мужчинами. Ограничусь цитированием начальных строк стихотворений Чжо Вэньцзюнь, Бао Чжао и Юань Чжэня, первые два выполнены строго пятисловным (по пять иероглифов в строке) поэтическим размером:

Чжо Вэньцзюнь:

«Словно в облачке луна — светла,
Словно шапка снежная — бела...
Раз Вы тайной мыслью смущены,
Значит разлучиться мы должны»²².

Бао Чжао:

«Словно шелковая нить — пряма,
Словно льда кристаллы — чистота.
Смотрит на тебя вражда сама,
А когда-то ведь была мечта»²³.

Стихотворение Юань Чжэня, напротив, стилизует песенную лирику с неравномерным поэтическим размером²⁴, что в данном случае воспринимается в качестве художественного приема, воспроизводящего душевное смятение лирической героини, и максимально равнозначно воспроизведено в переводе:

«Пусть уж лучше на небе тоскуют
Ткачиха-звезда и звезда Волопас,

²¹ К началу 1970-х гг. были опубликованы русскоязычные переводы четырех стихотворений Бао Чжао и 10 стихотворений Юань Чжэня [Китайская классическая литература...1986, с. 107, 294–296], лирико-поэтическое наследие второго из них состоит из 556 произведений (включая циклы) («Цюань Тан ши», из. 396–423).

²² 皚如山上雪，皎若雪間月。聞君有兩意，故來相訣絕， буквальный перевод: «[Голова] белая, словно снег на вершине горы, / [Седина] мерцает, как луна среди облаков. / Прослышала, что у господина двойные мысли (мысли о другой), / Значит, наступила [пора] нам навсегда расстаться».

²³ 真如朱絲繩，清如玉壺冰。何慙宿昔意？猜恨坐相仍， «Безукоризненная (совершенная), словно красная струна [музыкального инструмента, на котором играют в святилище], / Чистая, словно лед в нефритовом сосуде. / Как же [оказались] опозоренными прошлых времен мечтания? / С озлобленной печалью сидеть совместно суждено».

²⁴ Стихотворение в 18 строк, ритмическая композиция (цифрами обозначены число иероглифов в строке): 9-8-7-7-7-5-5-5-5-7-7-5-5-5-5-5-5-5.

Лишь мгновение — цветенье...

А голые ветви у окон не радуют глаз.

Под луной одинокая встреча — мгновение.

Но в сердцах их любви не погасит разлука»²⁵.

Итак, очевидно, что уже в 1970-е гг. С.А. Торопцев не только обладал недюжинными познаниями в древней и классической китайской поэзии, но и продемонстрировал природные поэтические дарования и начавшуюся складываться собственную манеру художественного перевода, опирающуюся, помимо скрупулезного и вдумчивого разбора текста, на его восчувствованное — на грани интуитивно-эмоционального постижения, понимание. А ведь в то время он отнюдь не принадлежал к стану исследователей китайской поэтической классики. Его дипломная работа была посвящена творчеству поэта первой половины XX в. Чжу Цзыцина 朱自清 (1898–1948), а после принятия на работу (в сентябре 1967 г.) в Институт Дальнего Востока²⁶, он сосредоточился на изучении китайского кинематографа²⁷. Тем не менее на рубеже 1960–1970-х гг. С.А. Торопцев выполнил художественные переводы поэтических вставок в прозаических произведениях «средних форм» — новелл (*чуаньци* 傳奇) и повестей (*хуабэнь* 話本), эпохи Сун [Нефритовая Гуаньинь, 1972]. И хотя такие вставки не относятся к образцам собственно сунской лирики, эти переводы отдаленно предвосхитили будущее покорение соответствующей поэтической вершины.

Но пожалуй, главной неожиданностью (во всяком случае лично для меня) стала публикация выполненных С.А. Торопцевым поэтических переводов 180 *саньцзюй* [Китайская пейзажная лирика..., с. 203–255]. Поэтические переводы многих «арий» (выполненные в том числе Л. Н. Меньшиковым) уже имелись, но в основном включенные в переводы драматургических произведений (см., например, [Юаньская драма]), где отчасти «терялись» с художественной точки зрения и не воспринимались в качестве единого поэтического феномена. В качестве самостоятельных стихов переведены были единичные образцы: например, шесть *цзюй* выдающегося драматурга и поэта Чжан Кэцзю 張可久 (ок. 1270–ок. 1350) [Китайская классическая литература..., с. 275]²⁸. Следовательно, уже тогда (учитывая, что впоследствии был издан отдельный сборник) переводы С.А. Торопцева впервые по-настоящему познакомили отечественного читателя с лирикой эпохи Юань. По словам автора вступительной статьи Игоря Самойловича Лисевича (1932–2000), «Стихи “саньцзюй” трактовались переводчиком как “вульгарные”, для них не были уже действительны строгие каноны

²⁵ 乍可為天上牽牛織女星，不願為庭前紅槿枝。七月七日一相見，相見故心終不移 «Пребывающие в небесных высях звезды Волопас и Ткачиха, // Не хотят быть такими же [непостоянными], как красный гибискус, [растущий] перед двориком. В седьмой день седьмого месяца увидели друг друга, // Увидели друг друга, и [их] сердца до самой смерти не изменятся.

²⁶ Я выражаю огромную благодарность Нине Ефимовне Боровской за предоставленные сведения о веках научной биографии С.А. Торопцева.

²⁷ Не касаясь в подробностях дальнейших достижений С.А. Торопцева в данной научной области, отмечу, что во второй половине 1970-х гг. были изданы две его монографии [Торопцев, 1975; Торопцев, 1979], наглядно показывающие, насколько стремительно расширялись хронологические рамки и проблематика его исследований. Поэтому в очередной раз можно только удивляться факту синхронного развития его ипостаси знатока и переводчика старой китайской поэзии.

²⁸ Сохранилось свыше 850 его стихотворений и 9 циклов *саньцзюй* [Юаньские напевы..., с. 187].

классической литературы — зато в них влилась свежая кровь жизни. По сути дела, это было нечто совсем новое... Читатель даже в переводе ощутит своеобразие “саньцой”, с их естественностью, простотой языка, свежими образами и сравнениями, настойчиво возникающей темой любви» [Китайская пейзажная лирика..., с. 18]. В этом лаконичном и сдержанном, лишенном сколько-нибудь видимых панегирических интонаций, отзыве содержится высшая похвала переводчику: умение создать поэтические переводы, которые позволяют ощутить читателю все своеобразие оригинальной поэзии.

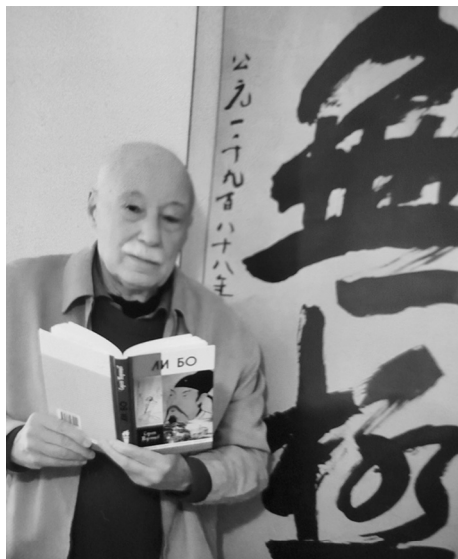
Переводы *саньцой* в исполнении С.А. Торопцева есть, бесспорно, полноценные поэтические произведения, завораживающие экспрессивностью, выразительностью, красочностью языка и легкостью для читательского восприятия:

«Ветви ив
в подпалинах заката,
зыби вод —
смарагд зеленоватый,
ткнут завесу
дождевые струи
Дивный сон весны
Грядет,
Меня чаруя».
(Ван Хэцин, «Весенние думы»)
[Китайская пейзажная лирика, 1984, с. 204] ²⁹.

Или:

«Только гуси что-то пишут
на холодных облаках,
словно феникс сиротливый,
отражаюсь в зеркалах.
Ветер осени
ночами навевает мне тоску,
потому что Вас увидеть не могу.
Одинокая,
Возьму бокал вина.
Свечка тает.
Я одна,
я хмельна...
Рассветает».
(Чжан Кэцзю. «Осенние думы»)
[Китайская пейзажная лирика, 1984, с. 364].

²⁹ Ван Хэцин 王和卿 (точные годы жизни не известны), полное название стихотворения «Ян чунь цюй. Чунь сы» 陽春曲. 春思 («Весенние думы /мысли. На мелодию “Солнечная весна”»); ритмическая композиция: 7-7-7-5. Обновленный вариант, несколько более близкий к оригиналу и подтверждающий неустанность усилий С.А. Торопцева над «шлифовкой» любых (а не только стихов Ли Бо) своих поэтических переводов: «Ветви ив в подпалинах заката, / Зыби вод — смарагд зеленоватый, / ткнут завесу дождевые струи. / Чуть прикрою дверь, / весенний сон томительно чарует» [Юаньские напевы..., с. 11].

С книгой о Ли Бо

Конечно, качественного обновления стиля перевода потребовала художественная новизна *саньцзюй*. Тем не менее поражает та степень эмоциональной и литературной трансформации, которую сумел претерпеть сам переводчик (если отталкиваться от опытов из статьи о «Плаче») за относительно небольшой период времени. Рискованно что-то додумывать, но стойкое впечатление, что именно работа над переводами *саньцзюй* по-своему раскрепостила творческие дарования С.А. Торопцева, раскрыла перед ним гораздо более широкие, чем классическая поэзия, возможности для художественных экспериментов, подготовив его тем самым к дальнейшему восхождению на «три поэтические вершины».

К масштабному и планомерному исследованию китайской классической лирики С.А. Торопцев приступил в конце 1990-х гг.,

начав — тоже предельно дерзновенный шаг — с поэзии Ли Бо. «Дерзновенный» — по причине гениальности и одновременно неимоверной сложности лирики величайшего поэта Китая. Не случаен тот парадокс, что при относительно обильном количестве поэтических переводов стихов Ли Бо³⁰ его жизненный путь и творчество оставались в отечественном китаеведении непозволительно малоизученными. До появления трудов С.А. Торопцева единственным монографическим исследованием была книга брошюрного формата (в 50 страниц) Ольги Лазаревны Фишман (1919–1986) [Фишман, 1958]. В канун 1300-летия великого поэта (2001 г.) С.А. Торопцев задумал сборник, куда вошли наряду с переводами стихов (представлена вся плеяда переводчиков поэзии Ли Бо) литературные произведения (рассказы, повести) о нем, напечатанные в российских, зарубежных и китайских сборниках, а также киносценарий известного китайского романиста, поэта и драматурга писателя Бай Хуа 白桦 (1930–2019) [Книга о Великой Белизне...]. Так началось постижение поэзии Ли Бо через погружение в «мир вокруг Ли Бо» (то есть, историко-культурную действительность эпохи Тан), «мир поэзии Ли Бо» и «мир, созданный лирикой и образом Ли Бо».

Этапы процесса авторского постижения всех трех «миров Ли Бо» вкупе с эволюцией переводческих экспериментов нашли отражение в трех книгах (сборниках): «Ли Бо. Дух старины» [Ли Бо, 2004], «Ли Бо. Пейзаж души: Поэзия гор и вод» [Ли Бо, 2005] и «Чуский Безумец Ли Бо» [Чуский Безумец...]. Первая из них состоит из переводов 59 стихотворений, сочиненных поэтом в разное время, но сведенных в единый цикл «Гу фэн» 古風, «Дух старины». Сразу обращает на себя внимание необычность

³⁰ Первое отдельное издание (в исполнении Александра Ильича Гитовича, 1909–1966): [Ли Бо, 1957]; о переводах, опубликованных до середины 1980-х гг. см. в: [Китайская классическая литература..., с. 155–162].

композиционного построения сборника: вначале представлены (с. 1–66) поэтические переводы с относительно краткими, хотя и емкими по смыслу, примечаниями. Затем (с. 69–146) — подстрочные (академические) переводы с приведением оригинальных текстов и снабженные развернутыми научными комментариями. Об истории создания цикла, его интерпретациях (включая терминологическое понятие *гу фэн*) в старой китайской комментаторской традиции и в научном литературоведении, о художественной и культурной специфике лирики Ли Бо и о специфике ее образной системы читатель узнает из четырех статей, собранных во второй части книги (с. 152–223): «О поэтическом цикле Ли Бо “Дух старины”» Юй Сяньхао 郁賢皓³¹, «Рассуждения о поэтическом цикле Ли Бо “Дух старины”» Лян Сэня 梁森, «“Философско-поэтический космос” Ли Бо» Анатолия Евгеньевича Лукьянова (1948–2021) и из статьи С.А. Торопцева «“Крылатые” в поэтической символике Ли Бо» (с. 214–223). В этой статье выявлены образы всех «крылатых тварей» — от драконов (*лун лон*, *чи лон*), фениксов (*фэн* 鳳, *луань* 鸞) и таких мифических существ, как «белый олень» (*байлу* 白鹿), и до бабочек, прослеживаются частотность их употребления и их символика как в китайской поэзии, так и непосредственно в стихах Ли Бо, причем буквально по годам³². Близкая к эталонному исследованию на стыке текстологического, филологического и культурологического анализа, статья намечает путь проникновения в тайну поэтического слова Ли Бо, тем самым в определенном смысле конкретизируя генеральную мысль, высказанную А.Е. Лукьяновым, но которую С.А. Торопцев, безусловно, полностью разделял: «Нескромной выглядела бы претензия на раскрытие тайны поэтического слова Ли Бо. Для этого нужно или быть самим Ли Бо, или стать еще выше и глубже (но куда уж выше вселенной и глубже “сакрального скита”?). И все же, следуя призыву самого Ли Бо поэтизировать вместе с ним (ведь он хотел всю Поднебесную усадить на своего поэтического дракона), можно сделать некоторые предположения и догадки о его поэтической магии» (с. 207). Возможно (вновь позволю себе строить догадки), стремление «проникнуть в тайны поэтического мира Ли Бо» через «поэтизирование вместе с Ли Бо» как раз и предопределило отмеченную выше особенность композиции сборника. По сути, С.А. Торопцев вначале погружает читателя в мир поэзии Ли Бо посредством тоже поэзии, иницируя восприятие творений поэта скорее на эмоциональном, нежели узко смысловом уровне. И только затем шаг за шагом переводит эмоциональное восприятие в рассудочное русло. С педантичной академической точки зрения такого рода последовательность ознакомления читателя с иноязычной и культурно чужеродной ему поэзией выглядит не вполне обоснованной. Однако прием пробуждения сознания через воздействие на психику как нельзя лучше соответствует парадигме восприятия поэзии и живописи, свойственной культуре Китая.

Сборники «Ли Бо. Пейзаж души...», содержащий в частности переводы 12 произведений, относимых к пейзажной лирике (*шаньшуйши* 山水詩, «поэзия / стихи гор и вод»), и «Чуский Безумец Ли Бо» (девять стихотворений) построены несколько по другой композиционной схеме. Введены предисловия — «Концептуальные муки

³¹ Сведения об авторах статей приведены в заключительном подразделе книги (с. 224).

³² Таблицы «Стихотворения, в которых упоминаются летающие существа», «Виды летающих существ», «Разбивка по годам» (с. 223).

составителя» и «Путешествие вдоль по Матушке Янцзы в поисках Ли Бо (виртуальное введение)», соответственно, но не строго научного плана, а подобно изысканным по стилю эссе (тоже, замечу, коррелирует с практикой создания в Китае эссе на литературно-теоретические темы, включая предисловия к собраниям сочинений поэтов). В первом из них содержится анализ пейзажной лирики Ли Бо, вписанный в очерк истории *шаньшуйши*, что позволяет автору объяснить архетипическую для всего данного поэтического направления образность и показать специфику ее использования конкретно в стихах Ли Бо (текст насыщен цитатами из них). Предисловие дополняет, переводя рассуждения о *шаньшуйши* в академический дискурс, статья «Пейзажная лирика Ли Бо как самовыражение» (с. 215–249)³³. Например:

«Константными вехами пейзажной лирики являются времена года, от них идет та или иная живописная палитра, сезонные элементы пейзажа, звуки психологической гаммы... В традиционном мировосприятии осень соотносится с западом, а запад — это страна мертвых, умирания природы, в том числе и закат человеческого бытия. Но это отнюдь не финальный рубеж. Закатившееся солнце утром поднимется вновь, пожухшие цветы весной опять раскроются... Уход в “страну мертвых” — не бесповоротное погребение бренного тела в землю, а освобождение духа от земных оков, воспарение его... Жажда именно этого состояния влекла Ли Бо, и с годами земных разочарований все больше к даосским штудиям, таящим мистические секреты обретения бессмертия, по осени он уезжал на Осенний плес, где на склонах гор искал сурик — минерал, из которого даосы готовили Злаченные пилюли, позволявшие взойти на Речную ладью — сакральный экипаж вознесения» [Ли Бо, 2005, с. 226–227].

И все же первоочередная академическая ценность сборника обусловлена, на мой взгляд, воссозданием ипостаси Ли Бо как даосского адепта и интерпретациями его лирики, исходя из даосских идей обретения бессмертия, ибо — очередной научный парадокс — ни то, ни другое почти не опознавалось (либо, не акцентировалось) в отечественных исследованиях и, соответственно, не находило ясного отражения в переводах³⁴.

Открытие новых граней духовного мира Ли Бо и доказательство, что его стихи являлись не дневниковыми записями, внешне фиксировавшими события жизни, а зеркалом его вольной души, отражением его мифологического сознания и мощного интеллекта, его глубочайшего проникновения в духовную сущность человека, — вот лейтмотивы сборника «Чуский Безумец Ли Бо». Как «безумец» переведен иероглиф *куан* 狂 из самохарактеристики поэта, но он означал, что совершенно справедливо подчеркивает С.А. Торопцев («Путешествие вдоль по Матушке Янцзы...»), отнюдь не медицинскую патологию, а неудержимое стремление преодолеть все сдерживающие начала, разрушить барьеры, быть свободным и вольным, как птица.

³³ Кроме того, в сборник включена статья «Горы, воды, луна в “мягкой” лирике Ли Бо» Лян Сэня.

³⁴ Сегодня глубина познаний Ли Бо в даосских верованиях и практиках, связанных прежде всего со «Школой Высшей чистоты» (Шаньцин-дао 上清道), и факт насыщенности его произведений соответствующими идеями, образами и терминами единодушно признаются специалистами в области истории даосизма, см., например: [Филонов, 2011, с. 470–472].

В итоге С.А. Торопцев воссоздал принципиально новый для отечественного читателя образ Ли Бо, на что сразу же указывает название созданного им биографического очерка: «Жизнеописание Ли Бо, Поэта и Небожителя» [Торопцев, 2009], позднее переизданного в серии «Жизнь замечательных людей» [Торопцев, 2014]. Термин «жизнеописание» тоже далеко не случаен, а восходит к китайской историографической и агиографической литературе, опыт которой С.А. Торопцев мастерски использовал. Он сотворил (иначе и не скажешь) форму книги, которая есть, по его собственным словам, «не только последовательное аналитическое изложение событий жизни Ли Бо (тоже необходимое и в своей максимально возможной полноте отсутствующее в китаистике и литературоведении за пределами Китая), но и воссоздание образа поэта и человека на фоне событий его личной жизни и в объемном контексте эпохи, которую мне хотелось представить не описательно, а через живые детали непосредственного созерцания» [Торопцев, 2009, с. 8, 9]. Действительно, перед нами — повествовательное полотно, в котором органически объединились богатейший фактологический пласт, литературоведческие изыскания, дополненные многочисленными извлечениями из стихов Ли Бо и других источников, и собственные раздумья-визуализации — «вариации на тему» (в терминологии автора), облеченные в изысканную по слогу эссеистику, но основанную на доскональном и поистине энциклопедическом знании истории и культуры, вплоть до мельчайших этнографических деталей, эпохи Тан, и варьирующую рафинированный стиль китайской «высокой художественной словесности» (*вэнь* 文). Вот начальный фрагмент «Первой вариации на тему», перелагающей легенды о происхождении Ли Бо (из так называемого Западного Края, Сиюй 西域):

«Вечерние сумерки пригласили осеннее разноцветие, и над плоской крышей глинобитного дома семьи Ли взошла луна, одна на всех. Она светила предкам, ее видел Ли Эр, который ушел в пески запада, оставив нам бамбуковые планки с пятью тысячами иероглифов бессмертного трактата “Дао Дэ цзин”, она светит их потомкам — семье Ли, ее видят там, в Китае, где остались многочисленные родичи, ее видят и здесь, в далеком от Срединной страны Западном крае, где высокие мужчины с рыжими, выкрашенными хной усами и высокими носами, приезжающие из соседней страны Кан, заглядывают в питейные дома, карабкающиеся по обрывистому склону над рекой Чу, к таким же рыжеватым и неожиданно голубоглазым танцовщицам в красных халатах, приоткрывающих яркие зеленые парчовые штаны и красные сапожки из оленьей кожи, потягивают из белых чарок со вздернутым, как у попугая, носиком густое сладкое вино с травной отдушиной или дорогое чуть желтоватое виноградное и заедают фаршированным карпом, распластавшимся на белом нефритовом блюде, а в котле, утомленно подремывающем на позолоченном треножнике, булькает вареная баранина» [Торопцев, 2009, с. 12].

Столь же поэтичны и вместе с тем фактологически точны, с вплетенными в них аллюзиями на стихи Ли Бо, названия разделов и подразделов книги: «Часть 1. Ох, сколь эти вершины круты и опасны...», «Начало земного срока (705–725)», «Хмельное пустынноничество (727–742)» и т. д.

Свой метод создания книги — С.А. Торопцев назвал «аналитическим “спиритическим сеансом”» [Торопцев, 2009, с. 12]. Но это определение применимо и к методологии поэтического перевода лирики Ли Бо, ибо автор все более утверждался в мысли (варьируется, постепенно обретая все более четкую формулировку), что «...Ли Бо — его невозможно понять глазами, его нужно ощутить и стать пронзенным его энергетикой, вземными импульсами. Только там и сокрыта его Поэзия — за покровом слов» [Гость со звезды..., с. 213]. Отсюда логичны и призывы к исследователям творчества великого китайского поэта «подняться над его бранным житием, отраженным в стихах, равно как и в целом ряде дошедших до нас эпизодов, до сих пор трактуемых как “легендарные” или гиперболизированные, “сказочные”, выдуманные, порожденные безосновательной молвой, — и увидеть множественность энергетических сущностей Ли Бо» [Китайский поэт золотого века..., с. 326].

Разработка изложенной методологии поэтического перевода неминуемо должна была сопровождаться размышлениями над способами передачи «Поэзии, сокрытой за покровом слов», таящей в себе «множественность энергетических сущностей» Ли Бо, которые со временем распространились на лирику других поэтов, особенно отмеченную «безумной гениальностью», каковой является в первую очередь творчество Ли Хэ, Ли Шаньиня, Ли Цинчжао, Цзян Куя. Вновь не обойтись без пространной цитаты:

«Говоря о взаимоотношениях переводчика с переводимым автором, обычно употребляют два определения — “раб” или “соперник”. Они не столь уж контрастны, как кажутся с первого взгляда. Ибо в основе и того, и другого лежит конфликтность личностей переводчика и автора — либо самоуничтожение переводчика, либо его жажда встать на один уровень с автором. Конечно, эти понятия не несут в себе ни социального, ни даже психологического оттенка, это лишь образная характеристика методологии творческого процесса. И все же мне ближе определение «соавтор». Переводчик представляется мне самостоятельной творческой фигурой, если и не равновеликой автору в плане художественного таланта (хотя и это порой встречалось), то равнонастроенной в плане художественного осмысления мира и использования таких эстетических концепций, кои не противоречат творческому методу переводимого автора. *При подобном подходе задачу переводчика следует рассматривать не как умелую, но механистичную трансплантацию произведения из одного культурного пространства в другое, а как максимально возможное вхождение в духовный мир автора для воссоздания в своем национальном культурном пространстве арте факта, максимально близкого к оригиналу* (здесь и далее выделено мною — М. К.) [Три вершины..., 2017, с. 334–335].

Итоговой для теории поэтического перевода, разработанной (хотя, не исключая, не до конца) С.А. Торопцевым, видится его статья «Перевод китайской классической поэзии: калька или соавторство?» [Торопцев, 2018], которую тоже следует не пересказывать, а цитировать:

«Прежде всего необходимо определить для себя цель перевода: в каких сферах она обитает — в культурологическом рации или в интуитивистской мистике» (с. 204). «Различие, и достаточно принципиальное, состоит в том, что культурологический подход абсолютизирует сам себя, полагая, что поэтический организм можно извлечь из знания, так что чем больше накоплено знаний об изначальном предмете (оригинальном стихотворении, в нашем случае), тем ближе можно подобраться к поэтическому организму и даже воссоздать его — как интеллектуальную конструкцию. Адепты культурологического подхода, пусть и разводя на разные уровни “пословный”, “дословный” и “литературный” переводы, — даже в “литературном” видят если уже не воспроизведение слов оригинала, то лишь передачу его мыслей. *Поэтический же подход, не отвергая познание предмета как своего рода направляющий компас, не считает его достаточным для чувства, эмоции, ощущения и движется дальше — до интуитивистского слияния, до образа, лежащего за пределами слов.* Первый способ — очевидно несовершенен, ибо абсолютного знания не достигнет никогда, а интуицию как “ненаучную категорию” исключает; как формулируют скептические адепты семиотических методов, простая информация о смысле строки есть унылые похороны самого перевода. Ну, а второй способ — откровенно субъективен, насильственно подчиняя индивидуальность оригинального поэта — индивидуальности переводчика. Вопрос лишь в степени близости их индивидуальностей, то есть в “чуде”. Они порой случаются. *И переводчику предпочтительно не “исполнять приказ”, а искать в океане чужой поэзии жемчужинки, созвучные его душе*» (с. 205). «Переводчик поэтического текста наилучшим образом выполнит свою художественную (художественную, подчеркиваю, а не информативную) задачу, если, по словам М. Цветаевой из ее письма о переводах из Рильке, будет *“идя по следу поэта, заново прокладывая всю дорогу, которую прокладывал он”*» (с. 211).

Идеи «творческого равноправия» поэта и переводчика, а также максимальной творческой свободы последнего вкпе с установкой на передачу не внешнего изобразительного плана оригинального произведения, а его внутренней духовности (энергетики), постижение которой требует «интуитивистского слияния» и проникновения в «образы, лежащие за пределами слов», направлены, понятно, на обоснование поэтического перевода как собственно поэтического явления. Примечательно, что хотя С.А. Торопцев, аргументируя свои теоретизирования, апеллирует к размышлениям переводчиков (преимущественно профессиональных поэтов) европейской поэзии, они оказываются созвучными и китайской эстетической мысли. Обратим внимание на слова о «мастеровых и поэтах»: «А переводчик, замерший перед этой грудой слов-кирпичиков, должен выбрать свой путь: либо стать мастеровым-каменщиком, либо сублимировать в мир оригинального поэта, чтобы увидеть его мир — его же глазами. И пересоздать этот мир в сфере своей культуры» [Торопцев, 2018, с. 207]. Такая дифференциация вторит, по существу, типологии художников, разработанной китайскими теоретиками живописи на рубеже IX–X вв. [Духовная культура Китая..., с. 766–767]. Там на низший уровень поставлены «мастеровитые живописцы», владеющие лишь «искусностью» (цяо 巧) и «умелость» (нэн 能), то есть профессиональ-

ными навыками, и способные всего лишь «копировать внешние формы». Творчество же художника высшего уровня обуславливают «утонченность» (*мяо* 妙), что означает оптимальное сочетание его мастерства, индивидуальности и духовности, и «одухотворенность» (или «божественность» — *шэнь* 神) — тот самый неподвластный рациональному осмыслению дар, благодаря которому, «небесное вдохновение возносится высоко» и «мысли находятся в гармонии с духом».

Выдвинутые С.А. Торопцевым идеалы поэтического перевода, разумеется, исключительно сложны для реализации, что, впрочем, он и сам полностью осознавал. Ведь перевод китайской поэзии есть перенесение произведения не просто из одного культурного пространства в другое, а трансформация иероглифической письменности в принципиально другую письменную систему. Досконально известно, что иероглифика, возникшая из рисуночного письма, несмотря на последующие качественные графические и сущностные изменения (схематизация исходных изобразительных форм и их превращение вначале в идеографические, а затем в абстрактно-умозрительные письменные знаки), сохранила за собой способность живописного произведения репродуцировать через рисунок весь спектр связанных с данным изображением образных и семантических ассоциаций. Иероглифический текст априори воспринимается в качестве набора образов, аккумулировавших все имеющиеся в культуре их предметные значения и отвлеченные смыслы. Любое стихотворение пронизано намеками-*дяньгу* 典故³⁵ и оперирует лексикой и образностью, подчерпнутой из уже имеющегося арсенала изобразительных средств. Обманчива и легкость передачи формальных особенностей китайской лирики, ибо ни количественный состав поэтической строки оригинала, ни тем более правила просодии, построенные на тоновых характеристиках иероглифов, невозможно воссоздать посредством европейских (включая русский) поэтическими размерами. В итоге есть все основания априори усомниться в вероятности сколь-нибудь адекватной передачи содержания и формального своеобразия китайского стихотворения в формате поэтического перевода, неизбежно детерминированного регламентациями национальной поэтики. И, соответственно, любой поэтический перевод оборачивается творческим, и нередко весьма и весьма рискованным, экспериментом.

Попробую проанализировать под этим углом зрения переводы трех стихотворений: восьмистишия Ван Бо «Юн фэн» 詠風 («Воспеваю ветер», в авторском варианте — «Славлю ветер»), четверостишия «Лу чжай» 鹿柴 (название переводят по-разному, см. ниже) Ван Вэя 王維 (ок. 701–ок. 761) — одного из величайших поэтов-лириков эпохи Тан, да и всей истории литературы Китая, и восьмистишия Ли Хэ «Сянь жэнь» 仙人 («Бессмертный», «Святой»). Все написаны пятисловным поэтическим размером, два первых производят впечатление «просто» пейзажных миниатюр, обогащенных настроениями поэтов. Их переводы напрашивается отнести (хотя восприятие художественного перевода всегда и неизбежно субъективно, равно как и

³⁵ Включают прямые и косвенные цитаты, реминисценции, аллюзии, религиозно-ритуальные, философские, общественно-политические и естественнонаучные термины, названия растений, животных, минералов, этнонимы, топонимы, имена собственные, а также устойчивые словесные клише («кочующие формулы»), которые переходят от одного автора к другому. Все «намекы» выводят читателя на определенные сочинения или группу сочинений, без знания которых невозможно понять сказанное поэтом.

восприятие любого поэтического произведения) к числу творческих удач С.А. Торопцева. Для «чистоты эксперимента» я воздержусь от привлечения традиционных и современных комментариев и погружения в литературные контексты, а изложу свое личное, возможно, тоже предельно субъективное и спорное, впечатление как от переводов, так и от китайских текстов.

Ван Бо «Славлю ветер», первый вариант [Стихия стиха..., с. 6]:

«Ветер чистым, звонким дуновеньем
Освежил лесистое ущелье,
Разбросал туман по узким щелям,
Выгнал дым из горного селенья
И умчался как-то незаметно,
Оставляя нам свои приветы.
Приутихло всё под самый вечер,
Лишь сосна ещё мне что-то шепчет».

Второй вариант [Божественный отрок..., с. 7]:

«Ветерок прохладным дуновеньем
Освежил лесистое ущелье,
Разогнал туман по узким щелям,
Облака из горного селенья
И умчался как-то незаметно,
Нам оставив нежные приветы —
Тишину закатных рек и склонов,
Шепот сосен тихим полутонном».

Оба варианта выполнены приблизительно на равном художественном уровне: равно искусны, поэтичны и эмоциональны. Но бросаются в глаза различия между ними: туман в одном варианте «разбросан», в другом — «разогнан», «дым из горного селения» трансформируется в «облака». Особо заметные изменения претерпело заключительное двустишие, которое в обоих вариантах отдаленно перелагает строки оригинала: *Жи ло шань шуй цзин / Вэй цзюнь ци сун шэн* 日落山水靜 / 為君起松聲, «Солнце садится, горы и воды тихие (спокойные, безмолвные) / Для господина поднимается звук сосен (зашумели сосны)». Возникает вопрос: перечисленные различия проистекают из неустанности исканий переводчика, или за ними скрывается семантическая неоднозначность образов текста оригинала, допускающая ее различные трактовки?

Чуть подробнее остановимся на начальном двустишии, выполняющем, согласно правилам построения классических восьмистиший (*люйши* 律詩, «уставные стихи») ³⁶, функцию экспозиции и, соответственно, во многом задающем смысловую и эмоциональную тональность произведения: *Су су лян фэн шэн / Цзя во линь хэ цин* 肅肅涼風

³⁶ Одна из двух основных стихотворных форм классической (с эпохи Тан) лирической поэзии (гэлюйши 格律詩, «регулярные стихи», или люйтиши 律體詩, «стихи / поэзия регулярного стиля»), или цзиньтиши 近體詩 стихи / поэзия современного стиля), исполненная исключительно пятисловным или семисловным поэтическими размерами.

生, 加我林壑清. Оно открывается тавтофоном (повтор-удвоение одного иероглифа) *су-су* 肅肅. Будучи излюбленным лексическим приемом китайской поэзии, начиная с глубокой древности, тавтофоны не только создают специфический визуальный рисунок, но и отличаются смысловой полифоничностью и неопределенностью. Например, тавтофон «грустно-грустно» (*чоу-чоу* 愁愁) может передавать всю гамму настроений человека, находящегося в расстроенных чувствах, и обозначать все природные явления и реалии (картина увядающей растительности, звуки, издаваемые осенним ветром, и т.д.), вызывающие такие настроения. Для *су-су* зафиксированы три базовых словарных значения, которые противоречат одно другому: «стремительный», «спокойный», звукоподражание шуму, издаваемому, например, крыльями птицы, или шелесту (сосен) [Большой китайско-русский словарь, т. 2, с. 751]. Судя по слову «дуновенье», С.А. Торопцев отдал предпочтение значению «спокойный», но вначале акцентировал звук, издаваемый шумом ветра («звонкий»), а затем передал сочетание *лян фэн* 涼風, «холодный (студеный) ветер». Но *лян фэн* типично означает северный ветер [Большой китайско-русский словарь, т. 4, с. 801]. То, что в тексте говорится о сильном порыве ветра, подтверждает вторая строка: дуновенье никак не способно «очистить» (*цин* 清) лесное ущелье, что, видимо, и побудило переводчика заменить это слово на «освежить». А ведь далее речь идет именно об «очищении»: ветер разгоняет заполнявшие ущелье дымку (туман) и облачный покров над горным селеньем. Все вместе навевает подозрение, что в стихотворении рисуется картина осеннего (начало зимы) утра. И тогда новое звучание, по сравнению с обоими вариантами перевода, получает заключительное двустишие: заходящее солнце, сосны (вечнозеленые растения) являются «знаковыми» образами (о чем пишет С.А. Торопцев при анализе пейзажной лирики Ли Бо), коррелирующими с идеями старости-смерти и бессмертия соответственно. Меняется и общая тональность стихотворения: наблюдая за осенней природой, поэт задумывается о бренности бытия, и его словно бы утешает внезапно возникший и отчетливый, на фоне безмолвия гор и вод, шорох сосны (или, сосновых деревьев)³⁷.

Итак, стихотворение Ван Бо, действительно, допускает очень разное прочтение. Как выясняется, С.А. Торопцев тоже очень по-разному мог воспринимать и поэтически воспроизводить одно и то же стихотворение, примером чего служат варианты перевода «Лу чжай» Ван Вэя. Но сперва — несколько слов об этом четверостишии³⁸ и краткий экскурс в историю его переводов. Текст оригинала:

³⁷ Кроме того, допустимо присутствие в восьмистишии имплицитных аллюзий, ибо его название не уникально. Приблизительно с середины V в. в лирической поэзии выделилась самостоятельная тематическая категория, объединяющая стихи, содержащие в названии иероглиф «юн» («воспевать») и являющиеся произведениями аллегорического характера: за объектами повествования, которыми служат различные явления и реалия окружающей действительности, рукотворные предметы, творческие и развлекательные занятия, скрывается рассказ о поступках, переживаниях и внутреннем облике вроде бы отсутствующего в стихотворении лирического героя [Алимов, Кравцова, 2014, т. 1, с. 691–695]. Есть и серия стихов «Юн фэн», из которых Ван Бо вполне мог подчерпнуть какие-то образы, опознание которых может прояснить «спорные места» в его восьмистишии и (или) внести новые нюансы и полутона в его прочтение.

³⁸ Напомню, что стихотворение входит в цикл «Ванчуань цзи» 輞川集 («Собрание [стихов, созданных в] Ванчуань»), состоящий из 20 пятисловных четверостиший, написанных на протяжении 742–756 гг. (годов под девизом правления Тянь-бао 天寶). Каждое посвящено конкретному месту в именовании «Ванчуань» Ван Вэя; полный перевод цикла см., например, в: [Поэзия эпохи Тан..., с. 68–73].

空山不見人 / 但聞人語響
(Кун шань бу цзянь жэнь / Дань вэнь жэнь юй сянь)
返景入深林 / 復照青苔上
(Фань цзин жу шэнь линь / Фу чжао цин тай шань)

В пустынных (опустевших) горах не видно (не вижу) людей (человека),
Но слышны (слышу) людских речей громкие звуки (отголоски, эхо).
Возвратившийся отблеск проник в глубокий лес,
Вновь озарил верх зеленого (темного) мха.

Признанный шедевр пятисловных четверостиший (*цзюэцзюй* 絕句, «оборванные строки / строфы»)»³⁹, «Лу чжай» является и одним из самых загадочных китайских стихотворений, в котором за внешне чуть ли ни пасторальной сценкой могут скрываться даосско-философские и буддийские (чань-буддийские) идеи, связанные с обретением состояния «просветленности»⁴⁰. Важнее, что оно обладает поистине магическим притяжением. Насчитывается в общей сложности около 30 версий его литературного и собственно поэтического перевода на европейские (английский, французский, немецкий)⁴¹ и русский языки, и каждый переводчик — неважно, интуитивно, либо через предварительные пространные штудии, обязательно ощущал его внутреннюю смысловую насыщенность и искал способы интерполяции своего понимания текста, что мы видим в вариантах акад. В.М. Алексеева — «Олений загон» [Постоянство пути..., с. 143], и Аркадия Штейнберга (1907–1984) — «Оленья засека» [Поэзия эпохи Тан..., с. 69], при цитировании которых я выделила отсутствующие в оригинальном тексте слова и образы:

«В пустынных горах
 вовсе не видно людей,
Только слышны
 звуки их голосов.
Закатное солнце
 спускается в чашу лесную,
Последним лучом
 озаряет сизые мхи».

(В.М. Алексеев)

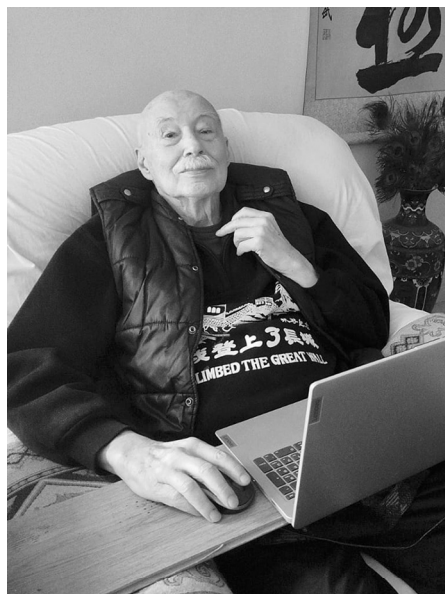
«Горы пустынные,
Не видно души ни одной,
Лишь *вдалеке*
Голоса людские слышны.
Вечерний луч протянулся в сумрак лесной,
Зеленые мхи
Озарил, *сверкнув с высины*».

(А. Штейнберг)

³⁹ Вторая из основных форм классической лирики (см. выше), тоже исполняемая исключительно в пятисловном и семисловном поэтических размерах.

⁴⁰ Подробно см.: [Kravtsova, 2014, p. 16–25].

⁴¹ 19 вариантов представлены в: [Weinberger, Paz, 1987].

Последнее фото С.А. Торопцева

Европейские переводы варьируют от близких к буквальному⁴² до вариаций на тему, иллюстративным образцом последних видится произведение видного американского поэта Кеннета Рексрота (Kenneth Rexroth, 1905–1982) [Weinberger, Paz, 1987, p. 22]:

“Deep in the mountain wilderness
Where nobody ever comes
Only once in a great while
Something like the sound of a far-off voice.
The low rays of the sun
Slip through the dark forest,
And gleam again on the shadowy moss”.

Примечательно, что аналогичную метаморфозу претерпели и поэтические эксперименты С.А. Торопцева («Олений загон»): от варианта, более или менее точно следующего оригиналу [Три вершины..., с. 20], до тоже фактически вариации [Стихия стиха..., с. 40]:

«Никого на пустынной горе,
Только где-то слышны голоса.
Лес притих на закатной поре,
И на мхе — лишь луча полоса».

⁴² Например: “On the empty mountains no one can be seen, / But human voices are heard to resound. / The reflected sunlight pierces the deep forest / And falls again upon the mossy ground” [Liu, 1962, p. 41]; “On the empty mountain, seeing no one, / Only hearing the echoes of someone’s voice: / Returning light enters the deep forest, / Again shining upon the green moss” [Mair, 2000, p. 92].

И:

«Со склона обезлюдевшей глуши
Несутся звуки, звонкие в тиши.
Закатный луч, пронзая леса глубь,
По сизым мхам не торопясь бежит».

Оба варианта значительно более поэтичны, чем у В.М. Алексеева и Арк. Штейнберга, при этом они сохраняют ауру «загадочности» стихотворения Ван Вэя. Однако различия между ними тоже еще более очевидны, чем для вариантов перевода восьмистишия Ван Бо. В первом сохраняется философичность «Лу чжай», тогда как второму присуще почти беззаботное настроение — эффект, возникающий из-за близкого к частушечному, по моему восприятию, ритма.

Лирика Ли Хэ завораживает читателя редкостной вдохновенностью, искрометностью образности, причудливостью игры воображения и почти беспрецедентной для танской классической поэзии стилистической свободой⁴³. Все это отмечает и С.А. Торопцев: «Порой образы у Ли Хэ столь сложны и запутанны, что **стихотворение представляется абсурдом**, его логика не всегда понятна. На одном фабульном пространстве перемешиваются сезоны, время летит вспять, небо рисуется через отражение в воде, порядок структурируется внутри хаоса. Но то, что с первого взгляда кажется абсурдом, опрокинутой логикой, в итоге обретает стройность и поэтическую прелесть» [Дьявол поэзии..., с. 130]. Примем во внимание и наблюдение, что стихи Ли Хэ представляют собой причудливые мозаики галлюцинаторных видений, что вкупе с загадочным использованием символов приводит иногда к почти непроницаемому языковому барьеру [Блюмхен, 2021, с. 49].

Стихотворение «Сянь жэнь» малодоступно, будем откровенны, для рассудочного восприятия без детального разбора буквального каждого из употребленных поэтом образов. Однако не факт, что поэт задавался целью создать повествование о некоем бессмертном, а не поразить воображение читателя фантаσμαгорией божественного мира:

彈琴石壁上 / 翻翻一仙人。
(Дань цинь ши би шан / Фань фань и сянь жэнь)
手持白鸞尾 / 夜掃南山雲
(Шоу чи бай луань вэй / Е сао нань шань юй)
鹿飲寒澗下 / 魚歸清海濱
(Лу инь хань цзянь ся / Юй гуй цин хай бинь)
當時漢武帝 / 書報桃花春
(Дан ши хань У-ди / Шу бао тао хуа чунь)

Играя на цине над каменной стеной,
Летает-парит некий (один) бессмертный.

⁴³ Многие стихи Ли Хэ выполнены в стиле песенного фольклора различных жанров (соответствующие термины введены в названия произведений), что позволяло поэту выходить за рамки принятых норм поэтики, в том числе использовать строки различной длины, экспериментировать с рифмой и т.д.

В руках держит хвостовые [перья] белого феникса-луаня,
 По ночам [ими] чистит облака над Южными горами.
 Олень пьет (олени пьют) из студеной протоки [у их] подножия,
 Рыбы возвращаются к побережью чистого моря.
 Настало время ханьскому У-ди
 Доложить, что персиковые [деревья] зацвели весной.

Перевод С. А. Торопцева [Дьявол поэзии..., с. 20]:

На утесе с цитрой древней
 Духом воспарил могучим
 И в руке павлиньи перья,
 Разгоняющие тучи.
 Он — что лань у водополя,
 Рыбка, выплывшая к берегу.
 Рек он У-ди, что весною
 Расцветает персик редкий.

Можно сколько угодно упрекать переводчика за редуцирование пятисловного поэтического размера, что приводит в том числе к упущению ряда образов — «Южные горы», «студеная протока», «чистое море», и за допущенные им искажения: замена «каменной стены» на утес, волшебной птицы (феникс-луань) — на павлина, оленя (не исключено, что имеется в виду «белый олень», см. выше) — на лань. Важнее понять мотивы переводчика-поэта. Редуцирование пятисловного поэтического размера со всей очевидностью вызвано его стремлением к лаконичности повествования, которая, в свою очередь, уподобляет стихотворение экспромту, сочиненному «на одном дыхании». Отказ от некоторых образов способствует целостности художественно-эстетического впечатления и привносит стройность в поэтическое повествование: на всем его протяжении бессмертный выступает его главным действующим персонажем. С одной стороны, нельзя не признать, что фантазмагория и хаотичность картины мира бессмертных, нарисованная в стихотворении Ли Хэ, во многом утрачена. Однако, с другой стороны, перевод тоже воспроизводит, — по-своему выразительно, убедительно и красочно, тот мир, который любой отечественный читатель воспримет в качестве волшебного и таинственного.

Разобранные переводы подтверждают точку зрения, что любой поэтический перевод есть переложение, ретранслирующее мотивы и образность оригинала, наиболее поддающиеся выражению иными язычными лексическими средствами и доступные пониманию в иной культурной среде. Но сказанное вовсе не означает отрицание такого рода творческих экспериментов. Напротив, практика поэтического перевода китайской классической поэзии нуждается не в критике, подспудно направленной на доказательство профессиональной некомпетентности переводчика, а в осмыслении, исходя из целей и задач именно поэзии. Главные достижения С.А. Торопцева как ученого и переводчика состоят в том, что он разработал новаторскую для отечественного китаеведения теорию поэтического перевода (применительно к китайской классической лирике) и приложил максимальные усилия для реализации своих теоретических установок. И то и другое достойно стать предметами специальных изысканий, результаты

Книги С.А. Торопцева

которых потребуют монографического или, по меньшей мере, диссертационного исследования. Я искренне надеюсь на появление таких работ и на то, что поэтические переводы С.А. Торопцева будут находить все новых и новых поклонников среди широкой читательской аудитории.

Библиографический список

Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Блюмхен С.И. Жизнь и творчество танского поэта Ли Хэ // Общество и государство в Китае. Т. LI. В 2 ч. М.: Институт Востоковедения РАН, 2021. Ч. 1. С. 37–67.

Божественный отрок Ван Бо. Стихи. В переводе Сергея Торопцева. Пер. с кит., сост., послесловие С.А. Торопцева. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2025. 63 с.

Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. В 4 т. М.: Наука-ГРВЛ, 1983–1984.

Гармония слов. Китайская лирика X–XIII веков. В переводах Сергея Торопцева. Пер. с кит., сост. Торопцев С.А.; научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». Москва: Шанс, 2022. 165 с.

Горний чертог. Лирика Су Ши. Стихи. В переводе Сергея Торопцева. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2024. 159 с.

Гость со звезды. Ли Бо: стихи и эссе. В переводе Сергея Торопцева. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2023. 221 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. / Ред. М.Л. Титаренко и др. Т. 6 (доп.): Искусство. М.: Восточная литература, 2010. 1031 с.

Дьявол поэзии Ли Хэ. Стихи. В переводе Сергея Торопцева. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2023. 143 с.

Китайская классическая литература: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / Сост. И.К. Глаголева; н. ред., вступ. статья В.Ф. Сорокин. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1986. 324 с.

Китайская пейзажная лирика: Стихи, поэмы, романсы, арии / Под ред. В.И. Семанова. Сост. В.И. Семанов, Л. Е. Бежин. Вступ. Статья и коммент. И.С. Лисевича. М.: Издательство Московского университета, 1984. 320 с.

Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 304 с.

Китайский поэт золотого века Ли Бо: 500 стихотворений в переводе Сергея Торопцева. Составление, перевод, комм. и послесловие С.А. Торопцева. СПб.: Нестор-История, 2011. 328 с.

Книга о Великой Белизне. Ли Бо — Поэзия и Жизнь / Сост. С.А. Торопцев. М.: Наталис, 2002. 477 с.

Кравцова М.Е. Словарь китайских поэтов с V в. до н.э. по X в. н.э. СПб: Петербургское Востоковедение, 2019. 704 с.

Ли Бо. Дух старины (Переводы и исследования) / Сост., пер. с кит., коммент., примечания С.А. Торопцева. М.: Восточная литература, 2004. 226 с.

Ли Бо. Избранная лирика. В переводах А. Гитовича. М.: Гослитиздат, 1957. 175 с.

Ли Бо. Пейзаж души: Поэзия гор и вод / Сост., пер. с кит. С.А. Торопцева. СПб: Азбука-Классика, 2005. 320 с.

Ли Цин-чжао. Стихотворения из граненой яшмы: Стихи / Пер., вступ. ст. и примеч. М. Басманова. М.: Худож. лит., 1970. 79 с.

Нефритовая Гуаньинь: Новеллы и повести эпохи Сун, X–XIII вв. / Пер. с кит. А. Рогачева. М.: Худож. лит., 1972. 255 с.

Постоянство пути: Избранные танские стихотворения. В переводах В.М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 272 с.

Поэзия эпохи Тан. VII–X вв. / Пер. с кит. М.: Худож. лит., 1987. 479 с.

Старый бражник. Оуян Сю. В переводе Сергея Торопцева. Пер. с кит., сост. Торопцев С.А. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2025. 95 с.

Стихи тишины: Лирика иносказаний / Пер. с кит. С. А. Торопцева. Научный консультант проф. Гу Юй. СПб., Гиперион, 2020. 224 с.

Стихия стиха. Китайская поэзия VII–X веков. В переводе Сергея Торопцева. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2023. 223 с.

Сторожук А.Г. Три Учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Типография «Береста», 2010. 552 с.

Су Дун-по. Стихи. Мелодии. Поэмы / Пер. с кит. Игоря Голубева. М.: Худож. лит., 1975. 284 с.

Торопцев С.А. Жизнеописание Ли Бо, Поэта и Небожителя. М.: ИДВ РАН, 2009. 285 с.

Торопцев С.А. Очерк истории китайского кино, 1896–1966. М.: Наука, 1979. 230 с.

Торопцев С.А. Перевод китайской классической поэзии: калька или соавторство? // Проблемы литератур Дальнего Востока. VIII Международная научная конференция. 24–28 августа 2018 г. Сборник материалов / Отв. ред. А.А. Родионов, Н.А. Сомкина. В 2 т. СПб.: ИПК «НП-Принт», 2018. Т. 1. С. 204–211.

Торопцев С.А. Поэтический цикл «Плач о седирах» // Вопросы китайской филологии. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 35–47.

Торопцев С.А. Трудные годы китайского кино. М.: Искусство, 1975. 118 с.

Торопцев С.А. Ли Бо: Земная судьба Небожителя (Книжная серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2014. 293 с.

Три вершины, семь столетий: Антология лирики средневекового Китая в переводе Сергея Торопцева. Сост. С. А. Торопцев; Гу Юй. СПб.: Гиперион, 2017. 352 с.

Фантазийный Ли Шаньинь. Стихи. В переводе Сергея Торопцева. Пер. с кит., сост. Торопцев С.А. Научный консультант проф. Гу Юй. Серия «Струны китайской лиры». М.: Шанс, 2024. 159 с.

Филонов С.В. Золотые книги и нефритовые письма: Даосские письменные памятники III–VI вв. СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. 654 с.

- Фишман О.Л. Ли Бо. Жизнь и творчество. М.: Из-во вост. лит., 1958. 51 с.
- Цзян Куй. И был мне сон. Стихи. Перевел с китайского Сергей Торопцев. URL: ЛитРес: Самиздат, 2019. 40 с.
- Чуский Безумец Ли Бо / Сост., введ. и коммент, пер. с кит. С.А. Торопцева. М.: АСТ, Восток-Запад, 2008. 288 с.
- Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева. В 2 кн. М.: Восточная литература, 2006.
- Юаньская драма / Пер. с кит., сост. и вступ. статья В. Петрова. Л-М.: Искусство, 1966. 511 с.
- Юаньские напевы. Хрестоматия. Сост. Гу Юй, Сергей Торопцев; пер. Сергей Торопцев. Тяньцзинь: Тяньцзинь-дасюэ чубаньше (Из-во Тяньцзиньского университета), 2018. 261 с.
- Я — птица. Лирика Ли Цинчжао. Перевод с китайского языка Сергея Торопцева. СПб.: Нестор-История, 2020. 116 с.

References

- Alimov I.A., Kravtsova M.E. (2014). Istoriya kitayskoy klassicheskoy literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziya, proza [The History of Classical Chinese Literature from Antiquity to XIIIth century: Poetry, Prose]. V dvukh chastyakh [In 2 vol.]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers]. (In Russian).
- Blyumkhen S. I. (2012). Zhizn' i tvorchestvo tanskogo poeta Li Khe [Life and Lyrics of the Tang Poet Li He]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye. [Society and State in China]. Vol. LI. In 2 parts. Moscow, Institut Vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences]. Part 1. P. 37–67. (In Russian).
- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [The Great Chinese-Russian Dictionary], ed. by prof. I. M. Oshanin, in 4 vol. Moscow: Nayka — Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1983–1984. (In Russian).
- Bozhestvennyy otrok Van Bo. Stikhi. V perevode Sergeya Tороptseva [Divine Youth Wang Bo. Lyrics. In the Translations of Sergey Toroptsev], transl. from the Chinese, comp. and afterword by S. A. Toroptsev, book series “Struny kitayskoy liry” [“Strings of the Chinese lyre”]. Moscow: “Shans”, 2025. 63 p. (In Russian).
- Chuskiy Bezumets Li Bo [Chu Madman Li Bo], comp., preface and notes, transl. from the Chinese by S.A. Toroptsev. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2008. 288 p. (In Russian).
- D'yavol poezii Li Khe. Stikhi [The Devil of Poetry Li He. Lyrics], in the translations of Sergey Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu. Seriya “Struny kitayskoy liry” [Book series “Strings of the Chinese lyre”]. Moscow: “Shans”, 2023. 143 p. (In Russian).
- Duhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya v 5 tomach [Spiritual culture of China: Encyclopedia. In 5 vol.], ed. by M.L. Titarenko, etc. Vol. 6, add. Moscow: Vostochnaya Literatura [Oriental Literature Publishing House], 2010. 1031 p. (In Russian).
- Fantaziiyny Li Shan'in'. Stikhi. V perevode Sergeya Tороptseva [Fantasy Li Shangyin. Verse. In the Translations of Sergey Toroptsev], transl. from the Chinese, comp. by Toroptsev S. A. Scientific consultant prof. Gu Yu. Seriya “Struny kitayskoy liry” [Book series “Strings of the Chinese lyre”]. Moscow: “Shans”, 2024. 159 p. (In Russian).
- Filonov S.V. (2011). Zolotyie knigi i nefritovyye pis'mena: Daoskiye pis'mennyye pamyatniki III–VI vv. [Golden Books and Jade Writings: Taoist Written Monuments of the III–VI centuries]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers]. 654 p. (In Russian).
- Fishman O.L. (1958). Li Bo. Zhizn' i tvorchestvo [Li Bo. Life and works]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury [Publishing House of Oriental Literature]. 51 p. (In Russian).
- Garmoniia slov. Kitayskaya lirika X–XIII vekov. V perevodakh Sergeya Tороptseva [Harmony of words. Chinese lyrics of the X–XIII centuries. In the Translations of S. A. Toroptsev], transl. from the Chinese, comp. by S. A. Toroptsev; scientific consultant prof. Gu Yu. Seriya “Struny kitayskoy liry” [“Strings of the Chinese lyre”]. Moscow: “Shans” Publishing House], 2022. 165 p. (In Russian).

Gorniy chertog. Lirika Su Shi. Stikhi. V perevode Sergeya Toroptseva. Nauchnyy konsul'tant profesor Gu Yuy [Mountain Hall. The Lyrics of Su Shi. Poems. In the Translations of Sergey Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu]. Seriya "Struny kitayskoy liry" ["Strings of the Chinese lyre"]. Moscow: "Shans", 2024. 159 p. (In Russian).

Gost' so zvezdy. Li Bo: stikhi i esse. V perevode Sergeya Toroptseva. Nauchnyy konsul'tant professor Gu Yuy [Guest from the Star. Li Bo: Poems and Essays. Translated by Sergey Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu]. Seriya "Struny kitayskoy liry" ["Strings of the Chinese lyre"]. Moscow: "Shans", 2023. 221 p. (In Russian).

Kitayskaya klassicheskaya literatura: Bibliograficheskiy ukazatel' russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke [Bibliographic Index of Russian Translations and Critical Literature in Russian]. Comp. by I.K. Glagoleva, ed. and preface by V. F. Sorokin. Moscow, Vsesoyuznaya gosudarstvennaya biblioteka inostrannoy literatury [All-Union State Library for Foreign Literature], 1986. 324 p. (In Russian).

Kitayskaya peyzazhnaya lirika: Stikhi, poetry, romansy, arii [Chinese Landscape Poetry: Lyrics, Poems, Romances, Arias], ed. by V.I. Semanov, comp. by V.I. Semanov, L.Ye. Bezhin. Preface and notes by I.S. Lisevich]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1984. 320 p. (In Russian).

Kitayskaya poeziya v perevodakh L'va Men'shikova [Chinese Poetry in the Translations of Lev Menshikov]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers], 2007. 304 p. (In Russian).

Kitayskiy poet zolotogo veka Li Bo: 500 stikhotvoreniy v perevode Sergeya Toroptseva [The Chinese poet of the golden age Li Bo: 500 poems in the Translations of Sergey Toroptsev]. Comp., transl., notes and foreword by S. A. Toroptsev. St. Petersburg, "Nestor-Istoriya", 2011. 328 p. (In Russian).

Kniga o Velikoy Belizne. Li Bo — Poeziya i Zhizn' [The Book of the Great Whiteness. Li Bo — Poetry and Life]. Comp. by S.A. Toroptsev. Moscow: "Natalis", 2002. 477 p. (In Russian).

Kravtsova M.Ye. (2019). Slovar' kitayskikh poetov s V v. do n. e. po X v. n. e. [Dictionary of Chinese poets from the V century BC to the X century AD]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers]. 704 p. (In Russian).

Li Bo (1957). Izbrannaya lirika. V perevodakh A. Gitovicha [Selected lyric. In the Translations of A. Gitovich]. Moscow, Goslitizdat. 175 p. (In Russian).

Li Bo (2004). Li Bo. Dukh stariny (Perevody i issledovaniya) [Li Bo. Spirit of Antiquity (Translations and Research) / Comp., transl. from the Chinese, notes by S. A. Toroptsev]. Moscow, Vostochnaya Literatura [Oriental Literature Publishing House]. 226 p. (In Russian).

Li Bo (2005). Peyzazh dushi: Poeziya gor i vod / Sost., per. s kit. S.A. Toroptseva [Landscape of the Soul: Poetry of Mountains and Waters / Comp., transl. from the Chinese by S.A. Toroptsev]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika ["ABC-Classics" Publishing House]. 320 p. (In Russian).

Li Tsin-chzhao (1970). Strofyy iz granenoy yashmy: Stikhi / Per. vstyp. stat'ya i primechaniya M. Basmanova [Verses of Faceted Jasper: Poems / Transl., preface and notes by M. Basmanov]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura ["Artistic Literature" Publishing House]. 79 p. (In Russian).

Nefritovaya Guan'in': Novelly i povesti epokhi Sun X–XIII vv. / Per. s kit. A. Rogacheva [Jage Guanyin: Novels and novellas of the Song period, X–XIII centuries / Transl. from the Chinese by A. Rogachev]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura ["Artistic Literature" Publishing House]., 1972. 255 p. (In Russian).

Poeziya epokhi Tan VII–X vekov. Perevod s kitajskogo. [Poetry of the Tang epoch VII–X centuries. Translated from Chinese]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura ["Artistic literature" Publishing House], 1987. 479 p. (In Russian).

Postoyanstvo puti: Izbrannyye tanskiye stikhotvoreniya. V perevodach V.M. Alekseeva [The Constancy of the Path: Selected Tang-era poems. Translated by V.M. Alekseev]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers]. 268 p. (In Russian).

Shedevry kitayskoy klassicheskoy prozy v perevodakh akademika V.M. Alekseyeva. [Masterpieces of Chinese classical prose literature, translated by academic V.M. Alekseev]. V dvukh knigakh [In 2 vol.] Moscow, Vostochnaya literatura [Oriental Literature Publishing House], 2006 (In Russian).

Staryy brazhnik. Ouyan Syu. V perevode Sergeya Toroptseva / Per. s kit., sost. S.A. Toroptsev. Nauchnyy konsul'tant professor Gu Yuy [Old hawk moth. Ouyang Xiu. In the Translations of Sergey

Toroptsev / Transl. from the Chinese by S.A. Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu]. Seriya "Struny kitayskoy liry" [Book series "Strings of the Chinese lyre"]. Moscow: Shans ["Shans" Publishing House], 2025. 95 p. (In Russian).

Stikhi tishiny: Lirika inoskazaniy / Per. s kit., sost. S.A. Toroptseva. Nauchnyy konsul'tant profes-sor Gu Yuy [Poems of Silence: Lyrics of Allegory / Transl. from the Chinese by S.A. Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu]. St. Petersburg, Giperion ["Hyperion" Publishing House], 2020. 224 p. (In Russian).

Stikhiya stikha. Kitayskaya poeziya VII–X vekov. V perevode Sergeya Toroptseva Nauchnyy konsul'tant professor Gu Yuy [The Element of Verse. Chinese poetry of the VII–X centuries. In the Translations of Sergey Toroptsev. Scientific consultant prof. Gu Yu]. Seriya "Struny kitayskoy liry" [Book series "Strings of the Chinese lyre"]. Moscow: Shans ["Shans" Publishing House], 2023. 223 p. (In Russian).

Storozhuk A.G. Tri ucheniya i kul'tura Kitaya; konfutsianstvo, buddizm i daosizm v hudozhestvennom tvorchestve epohi Tan [Three Learnings and Chinese Culture: Confucianism, Buddhism and Taoism in Tang-era artistic culture]. St. Petersburg: "Beresta" publishing house, 2010. 551 p. (In Russian).

Su Dun-po (1975). Stikhi. Melodii. Poemy / Per. s kit. Igorya Golubeva [Su Dong-po. Verses. Melodies. Poems / Transl. from the Chinese by Igor' Golubev]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura ["Artistic literature" Publishing House]. 284 p. (In Russian).

Toroptsev S.A. (1971). Poeticheskiy tsikl «Plach o sedinakh» [Poetry cycle "Lament for Gray Hair"] // Voprosy kitayskoy filologii [Issues of Chinese Philology]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Publishing House]. p. 35–47. (In Russian).

Toroptsev S.A. (1975). Trudnyye gody kitayskogo kino [The Difficult Years of Chinese Cinema]. Moscow: Iskusstvo ["Arts" Publishing House]. 118 p. (In Russian).

Toroptsev S.A. (1979). Ocherk istorii kitayskogo kino 1896–1966 [An Essay on the History of Chinese Cinema, 1896–1966]. Moscow, Nauka ["Science" Publishing House]. 230 p. (In Russian).

Toroptsev S. A. (2009). Zhizneopisaniye Li Bo, Poeta i Nebozhitelya [Biography of Li Bo, Poet and Celestial]. Moscow, IDV RAN [Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences]. 285 p.

Toroptsev S.A. (2014). Li Bo: Zemhaya sud'ba Nebozhitelya [Li Bo: Earthly Fate of the Celestial]. Knizhaya seriya "Zhizn' zamechatelnykh lyudei" ["The Lives of Remarkable Persons"]. Moscow: "Molodaya gvardiya". 293 p. (In Russian).

Toroptsev S.A. (2018). Perevod kitayskoy klassicheskoy poezii: kal'ka ili soavtorstvo? [Translation of the Chinese Classical Poetry: Calque or Coauthorship?]. Problemy literatur Dal'nego Vostoka. VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. 24–28 avgusta 2018 g. Sbornik materialov [Issues of Far Eastern Literatures. Book of papers of the 8th International Conference. August 24–28, 2018], ed. by A.A. Rodionov, N. A. Somkina. In 2 vol. St. Peterburg, NP-Print Publishers. Vol 1. P. 204–211. (In Russian).

Tri vershiny, sem' stoletiy: Antologiya liriki srednevekovogo Kitaya v perevode Sergeya Toroptseva / Sost. S.A. Toroptsev, Gu Yuy [Three Peaks, Seven Centuries: An Anthology of Lyrics of Medieval China in Translation of Sergei Toroptsev | Comp. by S. A. Toroptsev]. St. Petersburg, Giperion [Hyperion], 2017. 352 p. (In Russian).

Tsryan Kuy (2019). I byl mne son. Stikhi [And I had a dream. Verse], translated from Chinese by Sergey Toroptsev. URL: Litres: Samizdat. 40 p. (In Russian).

Ya — ptitsa. Lirika Li Tsinzhao. Perevod s kitayskogo yazyka Sergeya Toroptseva [I am a bird. Lyrics by Li Qingzhao. Translated from the Chinese by Sergei Toroptsev]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya [Nestor-History], 2020. 116 p. (In Russian).

Yuan'skaya drama [The Yuan-era Dramatic Literature], transl. from the Chinese, comp. and preface by V. Petrov]. Leningrad-Moscow, Iskusstvo ["Arts"], 1966. 511 p. (In Russian).

Yuan'skiye napevy. Khrestomatiya. [Yuan-era Tunes. Reader], comp. by Gu Yu, Sergei Toroptsev; transl. by Sergei Toroptsev. Tianjing, Tianjing-daxue-chubanshe, 2018. 261 p. (In Russian).

Chang Kang-I Sun, Owen Stephen (eds., 2010). The Cambridge History of Chinese Literature. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 1. 690 p.

Chen Yixin 陳貽焮 (ed., 2001). *Quan Tang shi zengding zhushi* 增訂注釋全唐詩 [The Complete Tang poetry. Supplemented, corrected Edition with commentary and explanations] In 5 vol. Beijing, Wenhua yishu chubanshe. (In Chinese).

Guo Maoqian 郭茂倩 (ed., 1955). *Yuefu shi ji* 樂府詩集 [The Complete Collection of yuefu poetry]. In 4 vol. Beijing, Wenxue guji kanxingshe. (In Chinese).

Liu Binglin 刘並玲, Tian Jun 田軍, Wang Hong 王洪 (eds., 1988). *Zhongguo lidai shige zuoshang cidian* 中国历代诗歌赏辞典 [Dictionary of the Chinese Poetic Masterpieces of Different Eras]. Beijing: Zhongguo minjian wenyi chubanshe. 1394 p. (In Chinese).

Liu James J.Y. (1975). *Chinese Theories of Literature*. Chicago: University of Chicago Press. 197 p.

Mair Victor H. (ed., 2000). *The Shorter Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature*. New--York: Columbia University Press. 741 p.

Weinberger E., Paz O. (1987). *Nineteen Ways of Looking at Wang Wei. How a Chinese Poet is Translated*. New York: Moyer Bell Lim. 52 p.

Zhang Zhonggang 张忠纲 (ed., 2003). *Quan Tang shi da cidian* 全唐诗大辞典 [Encyclopedia of "The Complete Tang poetry"]. Beijing, Yuwen chubanshe. 1198 p. (In Chinese).

Zhang Zhonggang 张忠纲 (ed., 2003). *Quan Tang shi da cidian* 全唐诗大辞典 [Encyclopedia of "The Complete Tang poetry"]. Beijing, Yuwen chubanshe. 1198 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 15.05.2025. Received: 15 May 2025.

Принята к публикации: 27.06.2025. Accepted: 27 June 2025.

В.В. Логинов

Численность армий в древнем и средневековом Китае: к постановке проблемы

Аннотация. В статье рассматривается проблема оценки достоверности сообщений источников о численности полевых воинских формирований в Китае в доиндустриальную эпоху. Представлен обзор изучения данной проблематики в антиковедении и медиевистике. Предлагается методика верификации представленных в источниках данных, акцент сделан на выявлении в них необходимых для этой цели сведений, а также конкурирующих историографических традиций, подвергающих критике сообщения оппонентов. Показано существование в практике военных кампаний, начиная с эпохи Цинь (221–206 до н.э.), традиции намеренного преувеличения численности своих войск. Особое внимание уделяется логистике, возможности которой ограничивали размер и скорость передвижения античных и средневековых армий, для ее изучения привлечен как европейский, так и китайский материал. Введено понятие «предельно возможная численность армий» для определения максимально возможного количества личного состава крупных воинских формирований, которое дает возможность определить недостоверные данные о численности войск. Особенности комплектования армий, соотношение реальной и «штатной» численности войск выявляются главным образом на основании документов и материалов империи Северной Сун. Предложенная автором методика верификации сведений источников эксплицирована на примерах крупных кампаний и сражений.

Ключевые слова: Китай, военное дело, армии, численность армий, анализ источников, логистика, «традиция хао», «предельно возможная численность армий», штатная численность, реальная численность.

Автор: Логинов Вадим Валентинович, независимый исследователь (Красноярск).
E-mail: loginofwadym@yandex.ru

V·V·洛吉诺夫

古典和中世纪时期中国军队的规模：关于问题的提出

摘要：本文探讨了评估关于前工业化时代中国野战部队人数的文献报告可靠性的问题。概述了古典和中世纪研究中对此问题的研究。本文提出了一种验证文献数据的方法，重点在于识别必要的信息，并分析了相互竞争的史学传统，这些传统批判了不同的报告。本文指出，自秦朝（公元前 221-206 年）以来，在军事行动中存在故意夸大军队人数的传统。本文尤其注意后勤，因为后勤能力限制了古典和中世纪军队的规模和运动速度。为研究后勤问题，本文采用了欧洲和中国的资料。作者引入“军队最大可能人数”的概念，来确定大型部队的最大可能规模，这使我们能够确定

关于军队数量的不可靠数据。本文主要依据北宋文献资料，揭示军队编制特点、实际兵员与编制兵员比例等问题，并结合重大战役实例，阐述作者提出的考证资料来源的方法。

关键词：中国；军事；军队；军队规模；文献分析；后勤；“号”传统；“军队最大可能人数”；编制人数，实际人数。

作者：瓦季姆·瓦连京诺维奇·洛吉诺夫，独立研究员（克拉斯诺亚尔斯克），loginofwadym@yandex.ru

Vadim V. Loginov

The Size of Armies in Ancient and Medieval China: Toward a Formulation of the Problem

Abstract. The article discusses the problem of assessing the reliability of source reports concerning the size of field military formations in ancient and medieval China. It presents a review of the scholarly treatment of this issue within the fields of classical and medieval studies. A methodology for verifying the data provided in the sources is proposed, with particular emphasis placed on identifying the necessary information for such verification, as well as on competing historiographical traditions that criticize the accounts of opposing sources. The study demonstrates the existence of a tradition of deliberate exaggeration of troop numbers in military campaigns, beginning with the Qin period (221–206 BCE). Special attention is given to logistics that limited the size and speed of movement of ancient and medieval armies. Both European and Chinese materials are employed in this analysis. The concept of the “maximum feasible army size” is introduced to determine the upper limit of personnel that large military formations could realistically sustain, enabling the identification of unreliable numerical data. The specific features of army recruitment and the disparity between the actual and the nominal troop numbers are analyzed primarily through documents and materials from the Northern Song dynasty. The verification methodology proposed by the author is explicated through case studies of major campaigns and battles.

Keywords: China, military affairs, armies, number of troops, primary source analysis, logistics, the “hao tradition”, “maximum feasible army size”, actual troop number, nominal troop number.

Author: Vadim V. Loginov, Independent Researcher (Krasnoyarsk). E-mail: loginofwadym@yandex.ru

Численность сторон конфликта была и остается одной из важнейших составляющих успеха в войне. Недаром король Пруссии Фридрих II любил повторять слова французского маршала XVII в. Жака д'Эстамп де ла Ферте (Jacques d'Etampes, 1590–1668): «Бог всегда на стороне больших батальонов» (фр. “Dieu est toujours pour les gros bataillons”). Конечно, превосходство в численности может нивелироваться выучкой, вооружением и мотивацией, но при равенстве противников в этих компонентах военного потенциала численность может сыграть решающую роль.

¹ Высказывание, ошибочно приписываемое Наполеону.

В последнее столетие в отношении верификации сведений источников о численности участвовавших в исторических военных кампаниях и сражениях армий достигнут значительный прогресс. К сожалению, этого нельзя сказать об истории Китая. В научных трудах некритически повторяются заявления, почерпнутые из древних и средневековых памятников: «армия в 700 тыс. человек», «заживо закопали в землю 400 тыс. человек», «в ополчении было 7 млн человек» и т.п. Создается впечатление, что в Китае ходить в бой менее чем сотысячными армиями было просто не принято, и закономерности, действовавшие в остальных странах мира, на китайскую историческую действительность не распространялись.

Цель данной работы – показать, что это далеко не так, и универсальные законы, пусть и с поправками на локальную специфику, отчетливо проявляют себя в китайской военной истории. Для демонстрации действия таких закономерностей необходим экскурс в историографию европейского античного и средневекового военного дела.

Проблема численности античных и средневековых армий

До середины XIX в. историки просто воспроизводили те цифры о численности античных и средневековых армий, которые им сообщали источники синхронных или близких эпох, лишь иногда позволяя себе некоторое недоумение по поводу дошедших до них цифр.

Поводом к отрезвлению стали совсем уже несуразные оценки численности военных сил персидского царя царей Ксеркса во время его похода против Греции в 480 г. до н.э. Согласно Геродоту (VII, 186), всего в войсках, флоте и обозе Ксеркса было 5 283 220 человек [Геродот, 1972, с. 363]. Эти данные подкреплялись «свидетельством» современника событий поэта Симонида о 3 млн персах в битве при Фермопилах (480 г. до н.э.), о чем нам сообщил все тот же Геродот (VII, 228) [Геродот, 1972, с. 373]. В 1887 г. немецкий ученый Ганс Дельбрюк совершил подлинный переворот в знаниях о военном деле прошлого, доказав, что армия Ксеркса не могла включать более 55 тыс. человек [Delbrueck, 1887, p. 164]. Дельбрюк подошел к этому вопросу с точки зрения логистики. Отметив, что войско Ксеркса «исчисляется Геродотом совершенно точно в 4 200 000 человек, включая обозы» (без учета экипажей кораблей), он указал, что «армейский корпус, состоящий из 30 000 человек, растягивается, по германскому уставу походного движения, приблизительно на 3 мили² (около 21 км без повозочного парка)». Поэтому протяженность походной колонны персов должна была составить 420 миль (около 3 тыс. км), «и когда передние подходили к Фермопилам, последние могли бы как раз только еще выступить из Суз по ту сторону Тигра» [Дельбрюк, 1999, с. 38]. Он пришел к выводу, что огромные цифры, приводимые древними, не более чем плод фантазий или искажений: «Если бы и удалось каким-либо образом извлечь из его (Геродота. — *Авт.*) цифр какие-либо показательные данные, то мы от этого ничего не выиграли бы. Настоящий, единственно надежный исторический метод заключается... в том, чтобы резко и определенно отличать, где

² 1 немецкая миля = 7420 м.

можно доверять преданию, а где нет» [Дельбрюк, 1999, с. 38–39]. Таким образом, он декларировал необходимость тщательной проверки сведений, сообщаемых источниками.

Открытие Дельбрюка было с одобрением встречено целым рядом европейских ученых. Для приведения оценок численности древних армий в соответствие со здравым смыслом понадобилось около 100 лет. Критический взгляд на проблему позволил переоценить, казалось бы, давно изученные исторические события.

В том числе опровергнуть распространенный миф о том, согласно которому Западную Римскую империю сокрушили чудовищные орды варваров. Французский историк Филипп Контамин (1832–1922) показал, что «каждый из основных варварских народов располагал силами примерно от 10 000 до 30 000 воинов» [Контамин, 2001, с. 20]. В результате падение Западной Римской империи предстает совсем в другом свете.

В средние века в источниках фигурировали цифры под стать античным. Примеры «традиционного, популярного до сих пор непомерного преувеличения численности врагов» приводит П.В. Лукин: «Так, согласно одному пронорманнскому источнику, англосаксонская армия при Гастингсе составляла 400 тыс. человек, согласно другому — аж 1 200 тыс. и была “так велика, что выпила реку, через которую переходила” (в действительности под командованием Гарольда II было, очевидно, от 4 до 7 тыс. бойцов)» [Лукин, 2011, с. 54–55]. Именно поэтому Вильгельм Завоеватель смог захватить Англию с армией примерно в 7 тыс. воинов, включая 2 тыс. рыцарской конницы [Горелов, 2007, с. 101].

Таким образом, реальность выглядела значительно скромнее, чем описания хроник. Например, Оттон I, император Священной Римской империи, если судить по “*Indiculus loricarum*” — списку тяжеловооруженных всадников, созданных для итальянского похода в 981 г., смог собрать со всей Германии около 6 тыс. конников [Контамин, 2001, с. 48]. Это позволило ему быть гегемоном Западной Европы, потому что остальные правители собрали еще меньше. В осаде Иерусалима 1099 г., согласно сообщению Раймунда Ажильского, участвовало не более 12 тыс. человек, в том числе 1200–1300 рыцарей, а в битве при Аскалоне (12 августа 1099 г.) — 1200 рыцарей и 9 тыс. пехотинцев [Verbruggen, 1997, p. 164–165]. Как известно, крестоносцы с такими силами несколько веков удерживали значительные территории в Сирии и Палестине, а это значит, что численность армий мусульманского Ближнего Востока не была намного больше. Во время Столетней войны (1337–1453) контингенты войск противоборствовавших сторон несколько увеличились, но продолжали исчисляться тысячами, редко — десятками тысяч. Постепенный рост численности европейских армий стал наблюдаться только с началом эпохи Ренессанса (см. ниже).

Но, возможно, скромные размеры армий можно объяснить специфическими условиями западноевропейского феодализма? Тогда обратимся к данным из другой части света — о численности воинов Чингисхана. «Сокровенное сказание монголов» сообщает о 95 нойонах на 1206 г., каждый из которых командовал тысячей, поэтому численность армии Чингисхана тогда могла составлять примерно 95 тыс. [Козин, 1941, с. 158]. К третьему десятилетию XIII в. относятся сопоставимые с указанными выше сведения Рашид ад-Дина, который приводит список «эмиров» монгольских

тысяч, сообщая данные из их биографий и численность их войск [Рашид ад-Дин, 1952, с. 266.]. Ж.М. Сабитов, опираясь на текст «Муизз ал-Ансаб»³ и сведения Рашид ад-Дина, приходит к выводу, что на момент смерти Чингисхана (1227 г.) монгольская армия насчитывала 112 тыс. человек и 20 тыс. союзников (киданей и чжурчжэней) [Сабитов, 2013, с. 96]. Это и были те «неисчислимы» полчища монголов, которые вели боевые действия на огромных пространствах Евразии от Кореи до Триеста. Конечно, необходимо учитывать и вспомогательные войска *тама*⁴, но собственно монгольское войско было крайне немногочисленным относительно тех задач, которые оно решало, и территорий, что им контролировались. Если в этом отношении противники ее и превосходили, то немногим.

Что же касается отечественной историографии, то переворот в ее подходах к сведениям о количественных параметрах войск в древних и средневековых источниках начался довольно поздно, но в наше время практически завершен. Так, П.В. Лукин в работе «Существовало ли в древней Руси народное ополчение?» показал, что боевые действия велись небольшими отрядами профессиональных воинов (дружинами) при поддержке «городовых полков», тоже в основном состоявших из профессионалов, тогда как сельское население в виде толп пеших ополченцев для боевых действий практически не привлекалось [Лукин, 2011, с. 59].

Показательны в этом плане оценки численности русских сил и в более поздний период — во время Куликовской битвы (1380 г.). В источниках фигурируют цифры от 150 до 400 тыс. [Пенской, 2020, с. 339]. Однако подсчеты В.В. Пенского, который показывает, что пришедшие на смену дружинам княжеские «дворы» насчитывали по 200–300 воинов, а «городовые полки» — от 300 до 500 бойцов, приводят к другим выводам: поскольку в русском войске было 13 князей (которые могли привести 3,5–5 тыс. всадников), 16 «городовых полков» (еще 5–8 тыс.) и, возможно, «городовые полки» из девяти удельных княжеств (в сумме 3–4,5 тыс. всадников), то на круг могло получиться «11,5–17, 5 тыс. конных латников, усредненно — около 14–15 тыс. всадников» [Пенской, 2020, с. 342–343]. Но это максимально возможная численность, в реальности же часть бойцов на битву не явились, поэтому исследователь считает наиболее приемлемой цифрой 10–12 тыс. человек [Там же].

Переворот в оценке численности армий прошлого произошел и в антиковедении, и в медиевистике, и в изучении истории Древней и Московской Руси. К сожалению, в стороне от этой тенденции осталась как западная и отечественная синология, так и собственно китайская наука. Из одной публикации в другую кочуют легендарные сведения о древних и средневековых китайских армиях численностью от 200 до 700 и более тысяч человек. К примеру, на веру принимаются сведения о страшной трагедии под Чанпином в 260 г. до н.э, когда якобы были закопаны в землю заживо 400 тыс. пленных (см. [Никифоров, 2002, с. 72; Васильев, 2006, с. 37, 51, 56, 113–114; Lewis, 1999, p. 640; Kiser-Cai, 2003, p. 520], как и данные «Исторических записок»

³ «Муизз ал-Ансаб» («Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских царей») — историко-генеалогическое сочинение анонимного автора, написанное на персидском языке в 1426–1427 гг.

⁴ Вспомогательные войска, которые формировались из местного населения и численность которых варьировалась в зависимости от региона.

(*Ши цзи* 史記) Сыма Цяня об иньской армии в битве при Муе (1122 или 1046/1027 г. до н.э.)⁵, будто бы насчитывавшей 700 тыс. человек [Сыма Цянь, 2001, с. 186]. В комментарии к русскому переводу сказано следующее: «Ранее говорилось о трехстах колесницах и 48 тыс. воинов, с которыми У-ван выступил против Инь. Если учесть 4 тыс. колесниц союзных племен, вся армия У-вана могла составить 500 тыс. воинов. Таким образом, армия Чжоу-синя превышала армию У-вана на 200 тыс. человек. Разумеется, следует критически подходить к указанным цифрам, на что указали еще Лян Юй-шэн (кн. 2, гл. 3, стр. 14), Легг в переводе Шан шу (т. 3, ч. 2, стр. 315) и др.» [Там же, с. 312]. Несмотря на оговорку о критическом отношении к данным источника, переводчики и комментаторы текста всерьез восприняли приведенные древними цифры. Ту же картину мы находим у Х.Г. Крила: «...У-ван напал на Шан, имея всего 50 тысяч воинов. Шанский правитель выслал им навстречу семьсот тысяч...» [Крил, 2001, с. 49].

Излишней доверчивостью к такого рода сведениям грешат и обобщающие работы на русском языке [История Китая, 1974, с. 27, 36, 47, 77, 112, 129; Васильев, 2006, с. 37; Непомнин, 2005, с. 25; Крадин, 2014, с. 57; История Китая, 2016, т. V, с. 383], где фигурируют миллионные армии. То же мы видим в публикациях ученых КНР, которые, например, считают, что китайские государства IV в. были способны собирать 900-тысячные армии (см. [История китайской цивилизации, 2020, с. 71]), и в англоязычных работах. Например, повторяется тезис о существовании в период Сражающихся царств пехотных формирований численностью от 100 до 500 тыс. человек, признается «весьма возможной» циньская армия, насчитывавшая до 1 млн бойцов, а общее число военных потерь в ту эпоху оценивается более чем в 3,4 млн человек; см. [Kiser, Cai, 2003, с. 520]).

Хотя исследователи, как правило, оговаривают сомнительность таких цифр, они не проявляют попыток выяснить подлинную численность китайских армий, не только не предлагая методологии решения этой проблемы, но и не осознавая существование последней⁶. А между тем еще в 1930-е гг. японскому историку Миядаки Ичисада удалось найти в китайской официальной «Истории трех государств» (*Саньго чжи* 三國志) сведения о том, что численность убитых противников тогда официально принято было завышать в 10 раз [Miyazaki Ichisada, p. 1936], и предположил, что и другие источники средних веков следовали той же тенденции (что не вполне верно, поскольку кратность завышения была произвольной).

Отталкиваясь от этой посылки, данную проблему попытался решить американский историк Д. Граф. Он отмечал, что в отличие от потерь противника потери армий собственного государства вряд ли преувеличивались, но при этом указывал, что значительная численность населения Китая делает вполне вероятными сведения о размерах китайских армий, сообщаемые в *Цзы чжи тун цзянь* («Всепроникающее Зерцало, управлению помогающее») Сыма Гуана (1019–1086) [Graff, 2002, p. 9]. Исследователь полагал, что цифры порядка 50 тыс. могут быть приняты почти безоговорочно;

⁵ Согласно разным методикам определения хронологии. То же касается даты битвы при Кадеше (см. далее).

⁶ Сказанное не относится к истории Китая XVIII–XX вв., так как этот период хорошо обеспечен документами. См. например, [Theobald, 2013].

«только самые большие цифры по армиям, участвовавшим в кампании, следует сразу отвергать: если сообщаемые цифры по этим силам хоть сколько-нибудь точны, они должны относиться не к отдельной армии, идущей вместе, разбивавшей лагерь и сражавшейся на одном поле боя, а к совокупности нескольких отдельных армий, действовавших на обширной территории» [Ibid., p. 10].

С этим заключением трудно не согласиться. Но тут есть свои нюансы. Они относятся к проблеме метода выяснения подлинного размера древних и средневековых армий.

Методика приближения к исторической реальности

Следует отметить, что речь идет не об определении некоей формулы, которая давала бы возможность подставлять в нее цифры, сообщаемые в источниках, и использовать некие коэффициенты для решения нашей задачи. Скорее, можно говорить о методике, которая включает анализа определенных факторов, позволяющих приблизиться к такому решению.

Посмотрим, например, какую методику использовал В.В. Пенской при исследовании численности русской рати на Куликовом поле. Он в первую очередь подверг анализу следующие факторы:

- 1) приводимые в различных источниках альтернативные сведения о численности войск;
- 2) особенности комплектования армии и мобилизационный потенциал Великого княжества Московского в ту эпоху;
- 3) логистический фактор (перемещения войск и их снабжения);
- 4) использовавшиеся русскими войсками тактические приемы и размеры поля боя [Пенской, 2020, с. 338–347].

Надо заметить, что анализ именно этого перечня факторов подходит для выяснения численности армий Западной Европы и Руси, но специфическим условиям Китая он отвечает не вполне. Так, если в Европе разные историографические традиции могли оспаривать и опровергать предлагавшиеся оппонентами сведения и оценки, то в Китае, за редкими исключениями в отдельные эпохи, абсолютно доминировала официальная историографическая традиция, тяготеющая к унификации версий исторических событий и соответствующей фактографии.

Соотнесение сведений источников о численности войск с мобилизационным потенциалом применительно к Китаю, в отличие от Европы, тоже не даст надежной информации. Например, если Ги Амьенский, современник событий, описанных в его «Песне о битве при Гастингсе» (*“Carmen de Hastingae Proelio”*), утверждал, что англосаксонская армия в 1066 г. составляла 1,2 млн человек [Lawson, 2002, p. 128], то абсурдность этого заявления заведомо очевидна ввиду его явного несоответствия скромному мобилизационному потенциалу Англии в ту эпоху. Но в Китае с его огромным населением и существовавшими в разные эпохи разнообразными формами воинской повинности и рекрутских наборов, указанный выше способ анализа численности армий ничего не дает. Так, по переписи 2 г. н.э. в империи Хань жили

59 595 000 человек, что при тотальной мобилизации дало бы 12 млн человек⁷, что совершенно невозможно. Процент мобилизованных неизвестен, поэтому и общая численность армии Хань неизвестна. Для верификации приведенных в источниках значительных цифр численности китайских воинских формирований нельзя будет на регулярной основе использовать и сведения о тактических приемах и боевых построениях, а также о размерах полей сражений, потому что такая информация в источниках приводится крайне редко. Поэтому делать поправку на некоторые специфические культурные традиции военного дела в Китае необходимо.

С учетом такой коррекции мы предлагаем гипотезу, обоснование которой представлено в нескольких последующих разделах. Согласно ей, совокупность факторов, анализ которых необходим для приближения к реальной численности войск, должен выглядеть следующим образом:

- 1) предоставляемые разными историографическими традициями сведения о численности сторон в войнах, которые вел Китай;
- 2) особенности комплектования войск, их численность «по штату» и реальная;
- 3) сознательная фальсификация численности армий противоборствующими сторонами («традиция *хао* 號»);
- 4) логистический фактор (перемещения войск и их снабжение);
- 5) предельная (максимально возможная) численность армий доиндустриальной эпохи.

Может возникнуть вопрос о принципиальной применимости опыта определения численности армий прошлого, который основан на знаниях о европейской истории, к условиям доиндустриального Китая. Но во-первых, этот опыт уже применялся к условиям очень непохожих регионов и цивилизаций, во-вторых, некоторые потенциально существенные для нашей проблематики показатели развития Европы и Китая могут быть вполне сопоставимы.

Например, могут быть сопоставлены китайская и европейская инфраструктуры. В древности Рим и Китай имели развитую дорожную сеть. Но в Древнем Риме дороги имели и большую протяженность, чем в Древнем Китае, и частично каменное покрытие, чего не было у китайских дорог. Английский историк науки Дж. Нидем в XX в. оценивал протяженность дорожной сети в период Цинь–Хань (конец III в. до н.э. — III в.) в 20 тыс. миль (32 тыс. км) [Needham, 1971, р. 27], в то время как в Римской империи только мощеных дорог было 80–100 тыс. км, а общая протяженность сети составляла 290 тыс. км [Tilburg, 2007, р. 6]. Впоследствии пути сообщения в обоих регионах пришли в упадок и их качество было сравнимо низким. Как показано далее в разд. «Анализ логистических возможностей армий прошлого», скорость движения воинских формирований на марше была примерно одинакова и больше зависела от возможностей используемых тягловых животных, а не от качества дорог.

Сопоставимость многих процессов, происходивших в Европе и в Китае, и обусловила появление работ по сравнительной истории Рима и империи Хань (206 г. до н.э. —

⁷ Как свидетельствует опыт Первой мировой войны, при тотальной мобилизации верхний предел составляет 20% от всего населения страны [Зайончковский, 2002, с. 836].

220 г.) (см. [Sheidel, 2008; Pome and China, 2009; Ford R., 2020; Kim and..., 2021], военного дела в Византии и империи Тан [Graff, 2016] и др.

Сравнительный анализ сведений, предоставляемых разными историографическими традициями

При анализе документов и материалов, помимо применения обычных методов критики источников, следует также учитывать отмеченное выше тяготение китайской историографической традиции к унификации, в том числе в плане фактографии. Очень редко в рамках одной официальной истории мы можем увидеть альтернативные цифры для численности войск (как правило, они приводятся в биографических разделах династийных историй). Со временем стали появляться исторические сочинения частного характера, роль которых стала возрастать с эпохи Северная Сун (960–1127 гг.), но и их сообщения следует принимать критически, хотя часто в них приводятся более подробные сведения, нежели в официальных источниках. Эта целостность историографической позиции нарушалась, когда в силу тех или иных причин на территории Китая появлялись альтернативные источники или историографии.

В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся битву при Муе (1122/1046/1027 г. до н.э.), по поводу которой официализированная историографическая традиция утверждает, что численность иньской армии составляла 700 тыс. бойцов, а чжоуской — 500 тыс. Но существует и еще одна группа источников: надписи на гадательных костях XIII–XI вв. до н.э. (*цзягувэнь*). Согласно им, во время правления У-дина (1253–1195/1250–1192/1238–1180 гг. до н.э.), которое считается эпохой расцвета Шан и сменилось упадком, обычная численность отдельно оперировавших формирований составляла 3 тыс. человек, редко 5–6 тыс. [Крюков, 1961, с. 8, 14, 17–19], и только в одном случае речь шла о 13 тыс. человек [Васильев, 1995, с. 173]. Эти цифры дают уже совсем другую картину.

Имея дело с официальной историографией, следует, помимо традиции сознательного искажения сведений о численности войск (подробно об этом см. далее в разд. «Сознательная фальсификация численности армий (“традиция *хао 號*”»)), принимать во внимание крайнюю тенденциозность династийных историй. Например, создатели *Цзинь ши* 金史 («История [империи] Цзинь», 1344 г.), по всей видимости, использовали источники, отражавшие имперский миф чжурчжэней, который возник в их среде в результате ошеломляющих побед 1110–1140-х гг., когда из мало кому известного племени они превратились в повелителей Северного Китая. Согласно этому мифу, горстка чжурчжэней разгоняла тысячи китайцев, а несколько десятков тысяч рассеивали армию в сотни тысяч человек.

Однако для той эпохи у нас есть альтернативные источники. Так, если в *Цзинь ши* сообщается о том, что в 1126 г. сунский военачальник Яо Пинчжун, напавший ночью на лагерь полководца Валибу⁸, чтобы снять осаду со столицы империи Сун, и разбитый в этом бою, вел с собой с 400-тысячное войско [История Золотой импе-

⁸ Валибу, точнее Волибу 斡離不, он же Волиябу 斡里雅布, Ваньянь Цзунван 完顏宗望 — чжурчжэньский полководец и член правящего клана империи Цзинь (ум. в 1127).

рии, 1998, с. 116], то в *Ган-му*⁹, созданном в XII в. во враждебном чжурчжэням китайском государстве Южная Сун, отмечается: «...напал с 10 тысячами войска» [Там же]. Те же сведения о численности отряда Яо Пинчжуна подтверждаются данными другого сунского источника — *Цзинкан яолу*¹⁰ (см. [Wang Zao, 1984, p. 426]). Отчаянная затея с ночной атакой 60-тысячного лагеря чжурчжэней, призванной снять осаду с сунской столицы, предсказуемо закончилась разгромом нападавших.

Другой пример: в *Цзинь ши* утверждается, что в конце 1115 г. 700-тысячная армия киданьского государства Ляо выступила против только что созданной империи Цзинь. Однако согласно сообщению в *Цидань гоцжи* 契丹國志 («История государства киданей»), сочинении 1180 г., созданном в рамках сунской традиции, во всей армии Ляо было лишь немногим более 100 тыс. киданей и китайцев [Е Лун-ли, 1978, с. 24–25].

Кроме того, мы можем проследить столкновение двух историографий на примере Опиумных войн. Как только в Китае появились представители другой высокоразвитой историографии (европейской), армии в сотни тысяч и миллионы бойцов куда-то испарились с поля боя.

Достаточно сказать, что для участия во Второй опиумной войне Великобритания отправила в Китай лишь 12 290 человек, Франция — 7650 [Бутаков, 2002, с. 221–222], а во время решающего сражения при Балицяо 21 сентября 1860 г., после которого европейцы взяли Пекин, им противостояли всего 50–60 тыс. цинских военных [Там же, с. 311], при том, что в армии империи Цин до 1840 г. числились 912 тыс. человек [Бичурин, 2002, с. 210].

Сознательная фальсификация численности собственных армий («традиция *хао* 號»)

Прежде чем обратится к специфической «традиции *хао*», о которой речь пойдет далее, прежде обратим внимание на обычные способы преувеличения численности войск.

Завышение реальной численности войск противоборствующих сторон, как мы могли убедиться, — явление, обычное для письменных памятников древности и средневековья. Этот прием позволял подчеркнуть масштабы события, величие и заслуги государственного деятеля, полководца или династии. В официальной истории Троецарствия *Саньго чжи* повествуется о том, как честный сановник Го Юань, сподвижник Цао Цао¹¹, после подавления одного из мятежей вопреки обычаю, согласно

⁹ Под *Ган-му* Г.М. Розов подразумевал одно из многочисленных продолжений труда Чжу Си (1130–1200) Юй пи цзы чжи тун цзянь ган му 禦批資治通鑑綱目 («Высочайше утвержденное Всепроницающее Зерцало, управлению помогающее» в сжатом изложении и с комментариями) — текст кисти минского ученого Шан Лу 商輅 (1414–1486) Сюй Сун Юань цзы чжи тун цзянь ган му 續宋元資治通鑑綱目 («Продолжение «Всепроницающего зеркала, управлению помогающему» в сжатом изложении и с комментариями» [для эпох] Сун и Юань»).

¹⁰ 靖康要錄 («Важнейшие заметки [о периоде правления под девизом] Цзин-кан»), цз. 2. Сочинение Ван Цао 汪藻 (1079–1154).

¹¹ Цао Цао 曹操 (155–220) — китайский полководец, фактический основатель царства Вэй (220–265).

которому «в прошлом в официальных документах считали одного [убитого] как десять [убитых]¹²... [в докладе] вышестоящим об отрубленных головах восставших следовал реальным цифрам» [Chen Shou, 1991, p. 624]. Отсюда следует, что совершенно нормальным считалось преувеличить число убитых врагов в 10 раз.

Однако это не объясняет всех случаев преувеличения численности армий в Китае. Для таких ситуаций там была выработана своеобразная традиция сознательной фальсификации численности войск, которая обозначалась знаком *hao* 號. В «Большом словаре китайского языка» [Hanyu da cidian, 1991, p. 841–842] именно это значение данного иероглифа поясняется как *яньянь* 揚言 (заявлять во всеуслышание, открыто; похвалиться; хвастливо заявлять) [Большой китайско-русский словарь, т. 3, с. 475]) и *сюаньчэн* 宣稱 («объявлять, заявлять, провозглашать» [Там же, т. 2, с. 40]). Скорее всего, такая традиция возникла в конце эпохи Цинь, поскольку в текстах, относящихся к более раннему периоду, этот термин обнаружить не удалось.

Первый случай его употребления относится к периоду после падения династии Цинь в 210 г. до н.э., когда Лю Бан и Сян Юй¹³ соперничали за власть в Поднебесной. «В это время войска Сян Юя насчитывали четыреста тысяч человек, хотя утверждалось, что их миллион, а войска Пэй-гуна насчитывали сто тысяч человек, хотя утверждалось, что их двести тысяч» [Сыма Цянь, 2003, с. 172]. Иероглиф *hao* переведен как «утверждалось», хотя более точно было бы интерпретировать его как «хвастливо заявлять» или «хвастливо называть». В 205 г. до н.э. «чжаоский ван и Чэньбэнь-цзюнь Чэнь Юй¹⁴, узнав о том, что ханьские войска намериваются напасть на них, стянули свои силы к заставе Цзинсин, распустив слух, что будто бы они располагают двухсоттысячным войском» [Сыма Цянь, 2002, с. 113]. Здесь термин *hao* переведен как «распустили слух», и не приводится реальная численность войск.

Термин *hao* широко применялся вплоть до XVIII в. Об этом позволяет судить, в частности, текст *Цин ши гао* 清史稿 («Черновой свод истории [династии] Цин») — сочинения, создававшегося по правительственному указу в традиционном жанре в 1914–1927 гг., но опиравшегося на цинские источники [Qing shi gao, 1927, juan 2, 212, 228, 240].

Важно подчеркнуть, что «цифры *hao*» не выдумывались историками, а исходили от правителя или полководца — и одной из задач было довести их до противника. Например, когда в 1115 г. император Ляо шел походом против чжурчженей, полководцы последних во время совещания в Яола (Маньчжурия) обсуждали именно численность *hao*: «Войско Ляо *хвастливо заявлено* (курсив мой. — *Авт.*) как 700-тысячное, с его авангардом будет непросто справиться» [Jin shi, 1975, p. 28]. При этом император выступил в поход в ноябре, а совещание его противников происходило 21 декабря, что говорит о высокой скорости распространения слуха.

В данном случае, по-видимому, помимо намерения запугать противника надо учитывать и магический аспект «имени» *hao* как прозвища, псевдонима, замещавше-

¹² 文書，舊以一為十。

¹³ Лю Бан 劉邦, Гао-цзу 高祖 (правил в 206–195 гг. до н.э.), первый император династии Хань. Сян Юй 項羽 (232–202 гг. до н.э.), аристократ из царства Чу, возглавивший повстанческую коалицию, но потерпевший поражение от Лю Бана.

¹⁴ «Чжаоский ван» (Чжао Се) и Чэнь Юй — участники постцинской междоусобицы, погибшие в 204 г. в борьбе с Лю Баном.

го имена *мин* 名 и *цзы* 字. Так, «девизы правления» императоров (*нянь хао* 年號) использовались в качестве субституты имен императоров, в то время как настоящие имена были табуированы, чтобы защитить носителей от действия злых сил¹⁵. Подобным образом, давая войскам имя-*хао* «миллионной армии», полководцы могли верить, что таким образом магически увеличивают ее мощь и, возможно, одновременно защищают от магических чар противника.

Историографы зачастую не знали подлинной численности войск, поэтому они приводили «хвастливо заявленную» численность армий. Фантазия лидеров, создававших эти цифры, не знала границ, а кратность преувеличения была произвольной. При этом термин *хао* мог и не указываться в тексте. Например, во время войны между чжурчжэнями и киданьской империей Ляо в 1115 г. император киданей, как утверждается в *Цзинь ши*, цз. 2, «сам возглавив 700-тысячное войско, прибыл к Томэнь» (в Маньчжурии) [Jin shi, 1975, p. 28]. Здесь термин *хао* был пропущен, в отличие от описания упоминавшегося совещания чжурчжэньских военачальников в Яола, где речь шла о том же самом войске.

Так что историки могли совершенно спокойно опускать термин *хао*. Если же цифра не дублировалась в том же или другом источнике с соответствующим уточнением, то читатель мог и не догадываться, что она «хвастливо заявлена». Если в эпизоде с Сян Юем и Лю Баном цифры *хао* превышали фактическую численность в два раза, то в других случаях кратность преувеличения не ограничивалась. В «Сборнике [документов] о союзах с Севером [на протяжении] трех царствований» (*Саньчао бэймэн хуэйбянь* 三朝北盟會編)¹⁶, цз. 51, говорится об эпизоде войны между империями Сун и Цзинь, имевшем место в сентябре 1126 г., когда войско в 170 тыс. человек было «хвастливо названо» миллионным, причем цифра *хао* не слишком беспокоила противника [Xu Mengsin, 1939, vol. 1, p. 514].

Возможно, практический смысл *хао* состоял главным образом в том, чтобы продемонстрировать противнику уверенность в своих силах и затруднить ему даже приблизительную оценку численности и возможностей идущих на него войск, а также магически защитить свои войска от вражьих чар и увеличить их силу. Но как определить подлинную численность армии, о которой известна лишь цифра *хао*? Здесь необходимо последовательно применить ряд операций, позволяющих постепенно приблизиться к подлинным значениям численности.

Влияние логистического фактора на численность полевых формирований

М. ван Кревельд определяет военную логистику, со ссылкой на А.А. Жомини, как «практическое искусство приводить армии в движение», а также пишет, что это «создание и организация... линий снабжения» [Creveld, M. van, 1997, p. 1]. Таким

¹⁵ Кроме этого, девизы правления относились к мироустроительной функции китайских монархов. См. [Мартынов, 1977].

¹⁶ Неофициальная история отношений между империями Сун и Цзинь в 1100–1162 гг., составленная Сюй Мэнсином (1124–1207) в империи Южная Сун в частном порядке.

образом, логистические факторы можно разделить на те, что влияют на перемещение частей и соединений, и те, которые обуславливают снабжение армии. При этом, разумеется, мы различаем *армию как совокупность всех вооруженных сил государства и полевые армии*. Под последним термином мы, рассматривая его в самом широком смысле¹⁷, понимаем такие общевойсковые группировки, которые могут самостоятельно действовать на отдельных операционных направлениях. Организация снабжения войск действующей армии зависит от того, оперируют они в малонаселенной или густонаселенной местности. В первом случае войска вынуждены все необходимое везти с собой, во втором — могут кормиться за счет населения или снабжаться со складов (магазинов) по маршруту перехода.

Передвижение войск

Выше уже приводилось замечание Г. Дельбрюка по поводу того, что логистика накладывает серьезные ограничения на размеры армий: если 30-тысячный корпус в колонну по четыре растягивался на 21 км, то 600-тысячная армия — на 420 км. Но широкие дороги, позволяющие маршировать в колонне по восемь, сократят это расстояние до 210 км, а колонна по 10 (предполагающая ширину дороги как минимум в 12 м) растянется «всего» на 168 км и на выход из лагеря ей понадобится шесть дней. Размеры же лагеря будут сравнимы с площадью города Рима во II в н.э., когда его кормила половина Средиземноморья. Таким образом, 600-тысячные армии, собранные в одном месте и передвигающиеся в одной колонне, невозможны логистически. И эти ограничения едины и для Европы, и для Китая. Рассмотрим подробнее, как совершали марши европейские и китайские армии прошлого.

Сохранились подробные данные о передвижении греческой армии численностью примерно в 13 тыс. человек во время перехода 401–400 гг. до н.э., известного как «Поход 10 тысяч» и описанного в «Анабасисе» («Восхождение») участником этого марша Ксенофонтom. Греки прошли Малую Азию, Месопотамию до Вавилона и Закавказье, всего около 6 000 км, двигаясь со средней скоростью 28 км в день [Черненко, 1984, с. 70]. По сведениям римского военного историка Вегеция (ум. 450) (Veg., I, 9), по нормам римской армии продолжительность дневного перехода летом не должна была превышать пять часов, за которые полагалось пройти 29,5 км [Банников, 2013, с. 195]. В армии Наполеона обычный дневной переход составлял для армейского корпуса 20–30 км, скорость форсированного марша достигала 40–45 км в сутки, но после него войска долго восстанавливались [Соколов, 1999, с. 302]. Таким образом, независимо от качества дорог, грунта, дорожной сети и технологий ее строительства, европейские армии¹⁸ от Ксенофонта до Наполеона двигались с одинаковой средней скоростью — 24–30 км в день.

Что касается Китая, то и здесь логистика накладывала свои ограничения. Когда в 137 г. н.э. восстали народы *мань* в провинции Жинань (на территории современного

¹⁷ В узком смысле этот термин применяется в отношении общевойсковых объединений, в конце XVIII — первой половине XX вв. состоявших из корпусов, впоследствии — из дивизий или бригад.

¹⁸ Речь идет о пехотных или пехотно-конных армиях. Конные передвигались быстрее, но в европейской военной истории были редки.

Вьетнама), на совещании при императорском дворе сановники предложили послать против них армию в 40 тыс. человек из округов Цзинчжоу, Янчжоу, Яньчжоу и Юйчжоу¹⁹. На невозможность такого марша указал делопроизводитель главного полководца Ли Гу: если армия будет проходить 30 *ли* (12,78 км) за дневной переход, то расстояние до Жинани (более 9 тыс. *ли*, т.е. 3834 км) она преодолеет за 300 дней, а с учетом дневного рациона бойца в пять *шэнов* (1 литр) потребуется 600 000 *ху* (12 000 кубометров, примерно 12 000 тонн) зерна, и это не считая пищи для полководцев и офицеров, ослов и лошадей (*Хоу Хань шу*, цз. 86) [Wang Xianqian, 1984, р. 993]. Из речи Ли Гу следует стандарт дневного перехода для пехоты — 30 *ли* (около 13 км). Этот норматив подтверждается сведениями о походе полководца Ли Лина, который в 99 г. до н.э. с пяти тысячным отрядом пехоты за месяц прошел от Цзюйяня в Эдзингольской котловине свыше 1000 *ли* (416 км) по направлению к ставке шаньюя хунну [Материалы по истории сюнну, 1968, с. 110; 1973, с. 18, 111], т.е. поддерживая среднюю скорость примерно 33 *ли* в день (13,7 км). Заметим, что качество дорог или грунта тут роли не играло, речь шла об усредненной норме, подтвержденной практически для Центрального и Южного Китая, и для Южной Монголии. Такой переход в 30 *ли* получил название *чэн* 程, или *шэ* 舍, причем термин *шэ* упоминался уже в «Комментарии Цзо» (*Цзо чжуань* 左傳) для событий VII в. до н.э. [Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 262].

Но почему же китайские армии древности настолько уступали в скорости передвижения европейским? Дело в том, что китайский обоз тогда состоял из повозок, запряженных волами. Уже в трактате Сунь-цзы о военном искусстве (*Сунь-цзы бинфа* 孫子兵法), цз. 2, говорится о больших волах и больших повозках *цюню дачэ* 丘牛大車 [Sun zi bing fa, 2006, р. 16], а в эпохи Чжаньго и Цинь–Хань вола были основной тягловой силой для армейского обоза [Трактаты о военном искусстве, 2002, с. 300, 537; Chang, vol. 2, 2007, р. 144, 152–153]. В обозах же европейских армий, как правило, использовались лошади и мулы [Engels, 1997, р. 14–15; Creveld, M. van, 1997, р. 6, 24; Нефедкин, 2019, с. 214–215], что обеспечивало большую мобильность. Д.В. Энгельс отмечал, что запряженная в повозку пара волов могла пройти 16 км в день, тогда как лошади — 51 км [Engels, 1997, р. 15].

Однако когда в качестве тягла использовались лошади, то средняя скорость составляла примерно те же 30 км, что и у европейцев. Например, уже в эпоху Хань регламентированное расстояние, которое нужно было преодолеть чиновнику во время служебных деловых поездок за день, составляло 60 *ли* (25,02 км) [Chang, vol. 2, 2007, р. 167]. А в средние века, особенно в эпоху Тан (618–906) и позднее, для перевозок уже широко использовали ослов и мулов. Парадигма скорости передвижения для X в., сформулированная фискальным чиновником государства Позднее Чжоу (907–960), дошла до нас в сочинении «Свод важнейших материалов [по истории] Пяти династий» (*Удай хуэйяо* 五代會要), цз. 15: «...лошадь за день проходит 70 *ли*, пехотинец и осел — 50 *ли*, повозка — 30 *ли*»²⁰ [Wudai huiyao, 1937, р. 199]. Подтверждение этим расчетам мы находим в сунской военной энциклопедии XI в. «Главные положения

¹⁹ Округа на территории современных провинций Хубэй, Цзянсу, Шаньдун и к северу от р. Хуайхэ.

²⁰ Соответственно 38 км, 27 км и 16,2 км.

военных канонов» (*У цзин цзун яо* 武經總要): «...[когда] войска идут маршем по дороге, [через] 10 *ли* выравнивают ряды и отдыхают, [через] 25 *ли* время для сухого пайка, [через] 50 *ли*²¹ — питание и ночлег» [Zeng, Ding, 1988, p. 756]. Сунское посольство Чжоу Чаня в империю Цзинь в 1177 г., передвигавшееся на запряженных ослами повозках, проходило 50–60 *ли*²² в день [Pei Yuan Lou (1904), p. 166, 169–170].

Снабжение войск как фактор ограничения их численности

Насколько трудной задачей было материальное обеспечение войск в доиндустриальную эпоху, во времена господства «магазинной системы»²³, показывает М. ван Кревелд на примере европейской армии XVIII в. В типичной для того периода армии Людовика XIV состояли 60 тыс. человек и 40 тыс. лошадей. Солдаты потребляли 120 тыс. фунтов (54,4 т) хлеба и 60 тыс. фунтов (27,2 т) другой еды в день, лошади — 800 тыс. фунтов (362 т) фуража. Из общего количества ежедневно потребляемых пищи и фуража — 980 тыс. фунтов (444 т), только 120 тыс. фунтов (54,4 т) могли быть сохранены в магазинах и доставлены конвоями. Европейские армии могли питаться таким образом до тех пор, пока не останавливались слишком надолго в одном месте [Creveld, Martin van, 1997, p. 24]. Лошади могли продержаться какое-то время на подножном корме, но это задерживало движение армии и не решало проблему полностью, поскольку лошадям нужны добавки овса или ячменя. Ежемесячно потребляемое количество продовольствия и фуража вообще выглядит грандиозно — 13 320 т. Сопровождать такую армию должны были от 4 до 8 тыс. повозок, которые забивали дороги [Creveld, M. van, 1997, p. 6].

Что касается Китая, то и здесь были большие проблемы со снабжением войск в походе. Уже Сунь-цзы (IV — начало V в.) писал, что армию в 100 тыс. бойцов должны снабжать 700 тыс. человек, и народ от этих тягот беднеет [Трактаты о военном искусстве, 2002, с. 39, 68]. Интересны планы узурпатора Ван Мана, объявившего о создании собственной династии Синь (6–23 гг.), организовать в 11–12 гг. н.э. поход на хунну. Планировалось выдавить хунну из их земель на север, выслав против них армию в 300 тыс. человек, разделенную на 10 отрядов, снабженных провиантом на 300 дней. Только для солдат потребовалось бы 120 тыс. м³ зерна из расчета 400 литров на каждого. Эта армия так и не смогла выступить: солдаты съедали уже подвезенное зерно быстрее, чем его доставляли [Материалы по истории сюнну, 1973, с. 58–60].

Нам известна примерная доля обозников по отношению к общему числу солдат в армии для эпохи Сун. Так, в войске героя войны с чжурчжэнями Юэ Фэя (1103–1141)²⁴ было более 21 тыс. человек, но если исключить «поваров, обозников

²¹ Соответственно 5,6 км, 14 км, 28 км для эпохи Сун.

²² 33,7 км.

²³ «Магазинная система» снабжения войск посредством специально организованных складов (магазинов), появилась во второй половине XVII в. Военные магазины были постоянными и временными (создававшимися во время войны). Считалось, что войска не должны удаляться от магазинов более чем на пять переходов.

²⁴ Юэ Фэй 岳飛 (1103–1141) — выдающийся полководец-патриот, сражавшийся против чжурчжэней.

и больных», то реально способных участвовать в бою оставалось 15–16 тыс., т.е. небоеспособных было 24–29 % [Shi Jigang, 2000, p. 44]. Как утверждал ученый XI в. Шэнь Ко²⁵, имевший полководческий опыт, «если послать 100-тысячную армию в поход, обозников будет треть, останется лишь 70 тысяч человек, [которые] выйдут сражаться» [Shen Kuo, 1956, vol. 1, p. 420]. Доля тыловиков колебалась от 17% до 37% численности армии, в среднем составляя 25% [Shi Jigang, 2000, p. 43–44]. Как правило, это были солдаты провинциальных армий *сянцзюнь* 廂軍. Когда плохое состояние дорог исключало использование повозок, для доставки продовольствия применялись только носильщики и вьючные животные. По расчетам Шэнь Ко, исходя из месячной нормы потребления продовольствия в 6 сунских *шун* (402 литра) на человека, для 100-тысячной армии было необходимо 60 тыс. *шун*, а с фуражом для лошадей — более 70 тыс. *шун* (4 690 кубометров). Для транспортировки этого груза требовалось 116 тыс. носильщиков или 70 тыс. ослов (либо 46 тыс. лошадей/мулов или 23 тыс. верблюдов) [Wang Zengyu, 2011, p. 459]. При этом, как подсчитал Шэнь Ко, армия с носильщиками могла идти вперед только в течение 18 дней, а потом просто оставалась без продовольствия. Неудивительно, что войска часто голодали. Например, в 1136 г. Юэ Фэю пришлось повернуть армию назад из-за голода и вызванного им дезертирства [Там же, 2011, p. 462]. В 1234 г. когда сунское правительство решило, воспользовавшись гибелью империи Цзинь, вернуть утраченные земли и послало армии, то «солдаты и офицеры очень голодали, поэтому убили и съели [своих] лошадей», «поставки зерна по дорогам прекратились, что привело к полному поражению», которое нанесли ослабевшему войску монголы [Там же, 2011, p. 462]. Такие проблемы возникали со снабжением войска в несколько десятков тысяч человек, так что сведения о перемещениях армий численностью в несколько сот тысяч выглядят полной фантастикой.

Приведенный краткий обзор передвижения и снабжения как европейских, так и китайских войск показывает, что в обоих случаях действовали общие закономерности, а значит, для подсчета численности китайских армий ничто не мешает применять европейский опыт.

Предельная (максимально возможная) численность полевых армий доиндустриального периода

Так как численность войск в силу логистических сложностей до появления транспортных средств, оснащенных двигателем, не могла быть безграничной, то установив предельную численность для автономно оперирующих армий того периода, мы сможем отсечь цифры, превышающие эту численность, как недостоверные.

Поскольку движители и конструктивные особенности транспортных средств не сильно изменились от Цезаря до Наполеона, предпочтительнее избрать в качестве объекта анализа европейские армии Нового времени, поскольку о них сохранилось существенно больше документов и материалов — рапортов, отчетов, приказов, счетов и т.д.

²⁵ Шэнь Ко 沈括 (1031–1095) — ученый и литератор, помимо наук и искусств отличился также как дипломат и военачальник.

Главное, что объединяло сухопутные силы разных эпох до периода индустриализации — близкая численность формирований, автономно участвовавших в боевых действиях, независимо от совокупных размеров сухопутных сил государства.

Например, согласно “*Notitia dignitatum*”²⁶ и выкладкам византийского историка Агафия Миринейского (VI в.), общая численность армии Римской империи в начале V в. определялась в 600 тыс. человек [Контамин, 2001, с. 16], в то время как полевая армия насчитывала примерно 60 тыс. человек [Контамин, 2001, с. 21].

Близкую картину мы наблюдаем и в Новое время в Европе, где самостоятельные операции осуществлялись примерно такими же силами. При этом с XVI в. начали увеличиваться общие сухопутные силы государств. Так, если в 1510 г. у императора Священной Римской империи Карла V было всего 34,5 тыс. солдат, которых он задействовал для экспедиции в Триполи, то к 1560-м гг. его распоряжении находились 150 тыс. военных — в Германии, Нидерландах, Ломбардии, Испании, в Неаполе и на Сицилии, а в конце столетия у его сына Филиппа II — все 200 тыс., в том числе на постоянной службе не менее 60 тыс. Сухопутные войска Франции в конце 60-х гг. XVI в. насчитывали примерно 70 тыс. солдат и офицеров, из них на постоянной службе — около 16 тыс. [Пенской, 2010, с. 54]. Но в 1691–1693 гг. у Людовика XIV в сухопутных войсках было уже 400 тыс. человек. При этом средний размер полевой армии составлял 60 тыс. солдат [Creveld, M. van, 1997, p. 5, 6], как и у других европейских суверенов. Динамика роста полевых контингентов в Европе XVI–XVII вв. показана у В.В. Пенского: если в XVI столетии самая крупная европейская армия, вышедшая на поле боя при Павии (1525), насчитывала 28 тыс. солдат и офицеров, а в первой трети XVII в. при Брейтенфельде (1631) — 41 тыс., то в конце того столетия — уже 80 тыс. при Неервиндене (1693) [Пенской, 2010, с. 55, 87].

Таким образом, мы наблюдаем феномен, когда в сухопутных силах государства могли состоять сотни тысяч военных, но участвовать в кампании на определенном операционном направлении все равно были способны лишь несколько десятков тысяч человек, а в сражениях принимали участие главным образом формирования по 20–30 тыс. бойцов, и только в некоторых случаях собирались более внушительные группировки. Опытным путем в течение XVIII в. военные теоретики и практики Европы пришли к системе военной организации, в которой главным оперативно-тактическим соединением на рубеже XVIII–XIX вв. стал корпус — соединение численностью примерно 30 тыс. человек, включавшее пехоту, артиллерию, кавалерию, службу обеспечения и способное действовать как самостоятельно, так и в составе крупных объединений. Корпусная система была принята почти всеми европейскими армиями и господствовала до середины Первой мировой войны. Как правило, корпуса перемещались автономно по разным дорогам, не мешая движению друг друга, а при необходимости сходились в одном пункте, концентрируясь в огромные армии на короткое время. В сражении корпуса тоже могли действовать самостоятельно. Но даже и 30 тысяч человек передвигались с затруднениями, как уже упоминалось выше.

²⁶ *Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis* («Список всех гражданских и военных должностей и административных постов Востока и Запада») — справочник по военным и гражданским административным должностям поздней Римской империи IV–V вв.

При увеличении численности войск росли и затруднения с передвижением: солдаты элементарно мешали перемещаться друг другу. Г. Дельбрюк отмечал, что 20-тысячная армия с обозом с учетом некомпантов может составлять около 70 тыс. человек и на труднопроходимой местности в отсутствие параллельных дорог вытягивается в колонну длиной минимум 10 миль (около 70 км), при этом авангард должен выступить не раньше 5 часов утра, а арьергард прийти в лагерь не позже 6 часов вечера, таким образом в первый день придет в лагерь меньше половины войска, и отставшие будут подтягиваться еще в течение двух и более дней. «Неудивительно, что здесь прекращается всякий счет» [Дельбрюк, 1999, с.99].

Эту проблему решали различными методами. Рассмотрим, например, битву при Мальплаке 11 сентября 1709 г. — крупнейшее сражение XVIII в. (75 тыс. на стороне Франции против 86 тыс. у Великого альянса²⁷) [Lynn, 2013, pp. 331–332; Nolan, 2008, p. 274]. Главком французов герцог Виллар с большей частью своей кавалерии и примерно с половиной пехоты 6 сентября расположился лагерем в Кьеврене (3,4 км от Мальплаке), Д'Артаньян прибыл на следующий день с остальной армией. Виллар 9 сентября занял позиции у Мальплаке, но у Альянса к городу подошла только половина армии во главе с герцогом Мальборо, а вторая половина подтянулась на следующий день другой дорогой [MacDowall, 2020, p. 41–42]. Здесь мы видим движение армий в 75 и 86 тыс., которые можно назвать армиями максимальной возможной численности. Передвигались они соединениями по 30–40 тыс. человек в каждом.

Но с появлением корпусной системы армии иногда на день-два достигали экстремальной численности, когда 20–30-тысячные корпуса по разным дорогам сходились в одном пункте. Примером является марш Наполеона из Дрездена к Лейпцигу в октябре 1813 г. перед Битвой народов. Бонапарт выступил из Дрездена 7 октября и на следующий день прибыл в Вурцен. А 8 октября 3-й корпус расположился близ Вурцена, 11-й и 2-й — у Далена, 4-й — у Шильды, 7-й и польская дивизия 3-го кавалерийского корпуса — в окрестностях Айленбурга, 6-я дивизия того же корпуса — у Таухи. Всего 125–135 тыс. человек плюс 15 тыс. в Лейпциге [Богданович, 1863, с. 391–392]. Айленбург, Вурцен, Тауха и Дален находятся на расстоянии 14–17 км друг от друга и на расстоянии от 44 до 23 км от Лейпцига, и только от Шильды до Лейпцига 75 км. Таким образом, хотя обычно и считается, что эти соединения находились у Лейпцига, на самом деле они были рассредоточены в его окрестностях на расстоянии 14–17 км друг от друга и в десятках километров от Лейпцига (от Шильды до него было 75 км) и только перед битвой образовали на несколько дней армию экстремальной численности.

Вероятно, самую большую армию доиндустриальной эпохи сосредоточил Наполеон во время переправы через Неман у Ковно в 1812 г. — 220 тыс. человек (при общей численности его войск в 450 тыс.). При этом переправа по четырем мостам началась 11[23] июня, а 25 июня основные силы переправились через Неман и двинулись вглубь Российской империи тремя колоннами по трем направлениям [Богданович,

²⁷ В Великий альянс входили Англия, Голландия, Австрийская империя, часть германских княжеств и Дания.

1859, с. 125, 129]. Для сравнения: при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.) было 200 тыс. человек [French order of battle of Leipzig; Безотосный, 2014, с. 455], а со стороны союзников действовали Северная (К. Бернадотт), Силезская (Г. Блюхер) и Богемская (К. Шварценберг) армии, каждая из которых имела свою линию снабжения, собственное командование и сектор атаки, не образуя единого объединения. Есть сведения, что в Богемской армии Шварценберга в августе 1813 г. было 260 тыс. человек [Безотосный, 2014, с. 427], но она была рассредоточена по Богемии, а когда дело дошло до боевых действий, ее численность составила 200 тыс. [Безотосный, 2014, с. 449].

Исходя из логистических ограничений, можно предложить такие выводы о численности армий доиндустриальной эпохи.

1. 220 тыс. человек — верхний предел для армий *экстремальной численности*. Но это возможно при условии существования некоего подобия корпусной системы: войска, разделенные на несколько формирований, могут двигаться по нескольким дорогам и сходиться в одном пункте. Сведения о доиндустриальных армиях большей численности следует признать недостоверными, поскольку невозможно было бы организовать их передвижение. Поэтому указанную цифру правомерно назвать «Бритвой Немана» (по имени наполеоновской операции), отсекающей недостоверные данные о численности войск.

2. *Армии максимально возможной численности* — 70–80 тыс. — для удобства передвижения разделялись на две части. По одной дороге такое формирование могло передвигаться с огромным трудом.

3. Наиболее подвижными были соединения, личный состав которых составлял около 30–40 тыс. человек, и эту численность можно назвать *рядовой* для полевых армий. Примерно такую численность имела, например, армия Александра Македонского [Нефедкин, 2007, с. 59–60].

Анализ особенностей комплектования армий.

Численность личного состава армий «по штату» и в действительности

Применение такого критерия, как предельно возможная численность армии, может отсеять недостоверные данные и узнать примерную численность войск, когда источники дают самые общие цифры. Но иногда данных достаточно, чтобы выполнить подсчет по подразделениям. Он наиболее точен, если нам известно число подразделений и численность солдат в каждом подразделении. Как уже упоминалось, этот метод применил Э. Марсден для подсчета численности персидской армии в битве при Гавгамелах. Пересчитав персидские отряды, список которых приводят античные источники и численность которых редко превышает 1–2 тыс. человек, он пришел к выводу, что у персов было 34 тыс. конницы и неизвестное число пехоты, которая особой роли в сражении не играла [Marsden, 1964, p. 31–37]. К сожалению, для китайских армий этот метод можно применять нечасто из-за ограниченности необходимых сведений в источниках. Например, для армии империи Хань известна только

численность одной элитной «Северной армии» (*Бэйцзюнь* 北軍): 614 командиров, 3536 солдат — всего 4150 человек, т.е. 83% штатной численности в 5 тыс. человек [Логинов, 2018, с. 36]. Намного больше данных сохранилось об армии империи Северной Сун (960–1127 гг.).

Анализ численности северосунской армии

Регулярными армиями в Сун были имперские армии (дословно «армии Запретного города» (*цзиньцзюнь* 禁軍), которые первоначально были личной гвардией императора.

Имперская армия включала следующие подразделения, части и соединения: отряд (*ду* 都) — 100 человек; команда (*чжихуэй* 指揮) или полк (*ин* 營) — 5 отрядов (500 человек); армия (*цзюнь* 軍) — 5 команд (2500 человек); крыло (*сян* 廂) — 10 армий (25 000 человек) [Wang Tseng-yü, 2015, p. 216].

Основной организационной единицей были команды-*чжихуэй*, в то время как армии-*цзюнь* на практике не имели строго установленного числа команд. Например, некоторые могли состоять всего из одной команды, но встречались и настоящие суперармии, включавшие 185, 288 и 110 команд [Wang Zengyu, 2011, p. 53–56]. Их можно назвать территориально рассредоточенными армиями (ТРА). Такие армии никогда не собирались вместе и не ходили как единое целое в походы. На территории одного округа дислоцировались команды нескольких армий, которые в военное время подчинялись губернатору округа. Например, в округе Хэбэй в правление Шэньцзуна (1067–1085) находилось 227 команд, входивших в 27 корпусов [Wang Zengyu, 2011, p. 53–56]. Это было сделано специально, чтобы исключить восстание полководцев. Но не все армии были территориально рассредоточенными, часть базировалась в одном округе. Армии делились на пешие и конные, но их численность родом войск не определялась.

Кроме того, среди военных сил Северной Сун следует выделить провинциальные войска (*сянцзюнь* 廂軍) и сельские войска (*сянбин* 鄉兵). Большинство солдат провинциальных армий не получало военную подготовку; они занимались ремонтом стен и дорог, строительством дамб и мостов, перевозками и другими работами, часть была занята в производстве оружия. Но провинциальные армии имели ту же структуру, что и имперские, их учитывали на общих основаниях и даже иногда направляли в бой. Например, известно, что в 987 г. введение в сражение в области Дайчжоу 2 тыс. бойцов провинциальных войск позволило отбросить армию киданей [Wang Zengyu, 2011, p. 83].

В 1071 г. реформатор Ван Аньши возродил практику круговой поруки, создав систему *баоцзя*. Население было разбито на подразделения по 10 и 50 семейств, мужчины которых должны были призываться в случае войны. Боеспособности таких «воинов» хватало только на то, чтобы иногда участвовать в ловле бандитов.

Общую численность вооруженных сил Северной Сун можно представить в табл. 1.

Таблица 1

**Численность вооруженных сил империи Северная Сун в 968–1092 гг.
(по периодам правления)**

Период	Численность имперских армий	Численность провинциальных армий	Общая численность	Общая численность с поправочным коэффициентом ²⁸
Тай-цзу (968–976)	193 000	185 000	378 000	230 000
Тай-цзун (995–997)	358 000	308 000	666 000	406 700
Чжэнь-цзун (998)	500 000	500 000	1 000 000	605 000
Чжэнь-цзун (1017–1021)	432 000	480 000	912 000	548 000
Жэнь-цзун (1041–1048)	826 000	433 000	1 259 000	815 000
Ин-цзун (1064)	693 339	478 800	1 181 532	725 200
Ин-цзун (1064–1067)	663 000	499 000	1 162 000	715 300
Шэнь-цзун (1068–1077)	568 688	500 000	1 068 688	651 700
Шэнь-цзун (1078–1085)	612 243	327 627 ²⁹ (?)	939 870 (?)	590 000
Чжэ-цзун (1092)	550 000	300 000	850 000	533 000

Источник: сост. по [Wang Zengyu, 2011, p. 22, 25, 27, 29, 30, 107, 108].

На первый взгляд, у Северной Сун тогда была самая большая армия в мире, во времена императора Жэнь-цзуна, например, в ней значилось 1 259 000 человек, из которых в собственно имперских армиях было 826 000 человек. Это официальные цифры, но можно ли приблизиться к реальным? Формально в каждой команде должно было быть 500 человек, но сколько человек в команде было на самом деле? К счастью, источники сохранили сведения о реальном числе команд, расквартированных в разных областях страны, которые Ван Цзэньюй собрал, но не проанализировал. По данным работы Ван Цзэньюя [Wang Zengyu, 2011, p. 14–43, 105–114] были собраны сведения о фактической численности 388 команд в 29 имперских армиях. Данные сведены в табл. 2, которая выстроена по убыванию среднего числа бойцов в команде по каждой из армий³⁰.

²⁸ О поправочном коэффициенте см. далее. Поправочный коэффициент следует учитывать отдельно для имперских и провинциальных армий.

²⁹ [Wang Zengyu, 2011, pp. 107–108]. Ван Цзэньюй приводит данные только о провинциальных армиях — 227 627 человек; по другим сведениям, в столице размещалось еще от 70 до 100 тыс. человек, при расчетах взята максимальная цифра.

³⁰ Буквы в скобках отмечают конные (К) и пешие (П) армии.

Таблица 2

Фактическая численность команд

№	Армии	Общее число команд в армии	Число команд, численность которых известна	Численность воинов в команде	Численность воинов в армии
1	Ваньшэн 萬勝(П) ³¹	20	20	555	11 100
2	Ваньшэн 萬勝(П) ³²	20	20	500	10 000
3	Сюнцзе 雄節	6	1	500	
4	Юньи 雲翼(К)	53	1	473	
5	Юньи 雲翼(К)	53	1	471	
6	Юньи 雲翼(К)	53	1	470	
7	Юньи 雲翼(К)	53	1	462	
8	Сюаньи 宣毅	288	44	459	20 200
9	Сяоцзе 驍捷 (К)	26	1	450	
10	Юньи 雲翼(К)	53	1	449	
11	Ваньцзе 萬捷(К)	7	1	439	
12	Сяоцзе 驍捷 (К)	26	1	425	
13	Шэньху 神虎	24	1	404	
14	Баоцзе 保捷	185	29	400	11 600
15	Вэйго 威果(П)	25	1	400	
16	Ваньцзе 萬捷(К)	7	1	375	
17	Сяожуй 驍銳 (К)	4	1	358	
18	Сяоци 驍騎	23	10	350	3500
19	Уци 武騎 (К)	21	10	350	3500
20	Юньци 雲騎 (К)	15	10	350	3500
21	Сяошэн 驍勝 (К)		10	350	3500
22	Ниншо 寧朔 (К)		10	350	3500
23	Ху-и 虎翼 1(П)	91	1	346	
24	Пэнжи 捧日	33	30	300	9 000
25	Тяньу 天武	33	30	300	9 000
26	Гуанвэй 廣威	27	27	300	8100
27	Лунвэй 龍衛	38	30	250	7500
28	Шэньвэй 神衛	31	30	250	7 500
29	?	64	64	216	13 840
Всего	29		388	338	131 362

Источник: сост. по [Wang Zengyu, 2011, pp. 14–43, 105–114].

³¹ В 1041–1048 гг.

³² В 1056 г.

Из табл. 2 следует, что среднее число солдат в команде было 338 чел., или 68% штатной численности, т.е. около 1/3 существовало только на бумаге. В табл. 1 собраны сведения о численности 20,13% всех команд, что уже позволяет делать обобщающие выводы. Полученные цифры можно сопоставить с данными о провинциальных армиях. Ван Цзэньюй составил таблицу распределения и численности таких армий в правление Шэнь-цзуна (1067–1085), за исключением столичной области [Wang Zengyu, 2011, p. 86–87], согласно которой в строю в 850 командах оставалось 227 627 чел., т.е. 53,4% от штата, что коррелирует с установленной численностью в командах имперских армий.

Таким образом, для приближения к реальной численности регулярной сунской армии помимо других фильтров нужно учитывать, что в ней отсутствовало от 1/3 до 1/2 состава. Если взять имперскую армию времен Ин-цзуна (1164–1167 гг.), то она, вероятно, составляла 442 тыс., а не 663 тыс., провинциальные армии — 266 500 вместо 499 тыс., а общая численность войск — 708 500, а не 1 162 000. Таким образом, в Высшем военном совете считали, что у империи 1 162 000 солдат, а на самом деле боеспособные силы составляли 442 000 бойцов, да и то они были равномерно распределены по всей территории страны, а не собраны в мощный кулак. В этом одна из причин военных неудач и поражений империи Северная Сун.

Таким образом, если в источнике указывалась 100-тысячная армия, то в реальности в ней было 50–70 тыс. бойцов. Подтверждение данной закономерности для других эпох требует дальнейших исследований.

Примеры применения методики уточнения численности войск

Предложенную методику можно представить в виде концентрических сужающихся кругов, где корреляция по предельной численности армий прошлого дает самое грубое приближение, а подсчет по подразделениям наиболее точен. Комплексное применение предложенных методов можно проиллюстрировать представленными ниже примерами.

Битва при Мые (1122/1046/1027 г. до н.э.). Как уже упоминалось, в *Ши цзи* утверждается, что в шанской армии было 700 тыс. бойцов, у чжоусцев, по подсчетам русских переводчиков и комментаторов текста, 500 тыс. [Сыма Цянь, 2001, с. 186, 310, 312]. «Бритва Немана» здесь излишня, поскольку в тех условиях собрать и снабдить продовольствием армии *экстремальной* или *максимальной* численности было нереально, что снижает оценку численность сторон до *рядовой* армии в 30–40 тыс. Традиции *хао* тогда еще не существовало, так что мы ее не принимаем в расчет. Переводчики опирались на «Диалоги» Ли Вэй-гуна (не ранее VII в.), предполагая, что колеснице придавали 100 бойцов, но в VII в. боевых колесниц уже не существовало, что делает их выводы чистым умозрением. Однако для эпохи Чунью нам известны о войске в 300 колесниц и 3 тыс. солдат, а также о принесении в дар чжоускому вану 100 колесниц и тысячи сопровождающих, т.е. по десятку на колесницу [Васильев, 2000, с. 345]. А, как отмечалось ранее, *цзягувэнь* эпохи Шан XIII–XII вв. до н.э. упоминали войска численностью около 3 тыс., редко 5–6 тыс. человек [Крюков, 1961, с. 8, 14, 17–19], и единственный раз речь шла о 13 тыс. [Васильев, 1995, с. 173, 276, 496]. Да и чжоуский У-ван, согласно *Шу цзину*, говорил о наличии у него лишь 3 тыс.

бойцов [Шу-цзин («Канон записей»), 2020, с. 248]. Тот факт, что названные им союзные владения реально существовали в то время³³, а также данные *цзягувэнь* о боевых потерях в ту эпоху (Крюков, 1961, с. 8, надпись Е, 2.43.9) позволяют предположить численность войска восьми союзных владений примерно в 24 тыс. бойцов. Сравним с фактически синхронной битвой при Кадеше (1300/1296/1286/1274 г. до н.э.), когда у Египта было около 20 тыс. человек [Реунов, 2014, с. 156], а у хеттов — 30 тыс. [Авдиев, 1959, с. 128].

«Война Цзиннань» 靖難之役 (1399–1402 гг.). Рассмотрим один из эпизодов войны, связанной с восстанием Чжу Ди³⁴ против императора Чжу Юньвэня³⁵. Летом 1399 г. из Нанкина в Хэбэй было направлено огромное правительственное войско против Чжу Ди под командованием полководца Гэн Бинвэня. В *Мин шилу*, в записях о царствовании минского Тай-цзуна, сообщается о донесении разведки, в которых численность войска Гэн Бинвэня оценивалась в 300 тыс., а также о сообщении перебежавшего к Чжу Ди полководца — о том, что у противника «прежде было 300 тысяч, прибыло 130 тысяч, половина встала лагерем на южном [берегу] р. Хуто, половина на северном» [Ming shilu: Ming Taizong shilu, 1962–1968, juan 3]. «Бритва Немана» сразу же срезает указанные в источнике 300 тыс. до 220 тыс. Но нам известно, что войска шли двумя группировками, в каждой из которых не могло быть более 70 тыс. Это предположение находит подтверждение в биографии Гэн Бинвэня в *Мин ши*, цз. 130, где об армии Гэна говорится: «Было хвастливо заявлено о 300 тысячах войск, но пришли только 130 тысяч» [Ming shi, 1974, vol. 13, p. 3820 (10)]. Таким образом, 300 тыс. — это «число хао», а численность армии, скорее всего, первоначально и составляла 130 тыс., при этом войска шли двумя колоннами, одна из которых встала лагерем на северном берегу р. Хуто, другая на южном.

Аналогичным образом и в битве при Байгоухэ (1400 г.), где, согласно источнику, встретились 100-тысячная армия Чжу Ди и 600-тысячное войско Чжу Юньвэня, последняя цифра тоже представляет собой очевидное «число хао».

Заключение

Проверить сделанные нами выводы позволяет опосредствующее звено — актер боевых действий, войска которого одновременно воевали и с народами Европы, для которой доказана низкая численность армий, и с Китаем. Здесь действуют те же закономерности, что и для мусульманских армий XII–XIII вв. на Ближнем Востоке: если силы крестоносцев составляли несколько тысяч или чуть больше 10 тыс. чел., то и войска их противников не могли насчитывать сотни тысяч, так как борьба между ними на равных шла несколько веков. Таким посредником, позволяющим связать все

³³ В Шу цзине, гл. Му ши перечисляются союзники Чжоу: «люди [владений] Юн 庸, Шу 蜀, Цян 羌, Мао 髦, Вэй 微, Лу 盧, Пэн 彭 и Пу 濮» [Шу-цзин («Канон записей»), 2020, с. 254]. Шу 蜀, Лу 盧, Пэн 彭 и Мао 髦 упоминаются в надписях на иньских костях именно как владения или племена, иероглиф юн 庸 тоже есть, а с цянами 羌 иньцы воевали постоянно [Cui Hengsheng, 2001, p. 533, 590, 649, 551, 369].

³⁴ Чжу Ди, Чэн-цзу (1360–1424), император династии Мин, сын основателя династии Чжу Юаньчжана (1368–1398).

³⁵ Чжу Юньвэнь, Хуэй-ди (1377–1402), внук Чжу Юаньчжана, был свергнут Чжу Ди.

эмпирические данные по вооруженным формированиям доиндустриальной Евразии в общую систему, являются монголы. Как уже указывалось, на момент смерти Чингисхана (1227 г.) собственно монгольские войска во всей империи насчитывали 112 тыс. человек, которых поддерживали 20 тыс. воинов из числа вассальных народов — киданей и чжурчжэней. При этом армии Монгольской империи в 1230–1240-е гг. одновременно сражались и в Китае, и в Европе, всюду добиваясь успеха, а это значит, что и противостоявшие им войска не превосходили их численно. Ж.М. Сабитов на основе всестороннего анализа источников приходит к выводу, что монгольская армия на момент начала Западного похода насчитывала около 60 тыс. чел., после ухода Менгу и Гуюка в Монголию по завершении завоевания Руси — примерно 40 тыс. (учитывая также потери монголов в этих боях) и около 30 тыс. во время похода в Венгрию [Сабитов, 2010, с. 71].

Вооруженных формирований, которые бы имели сотни тысяч бойцов, не увидели на полях сражений в Китае и европейцы в эпоху Опиумных войн, что тоже говорит в пользу представленных в данной статье выкладок.

Библиографический список

- Авдиев Н.Г. Военная история древнего Египта. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1959. 148 с.
- Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб.: Евразия, 2013. 688 с.
- Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.
- Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. В двух частях. М.: Восточный дом, 2002. 464 с.
- Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. 1. СПб.: Тип. ТД С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. 588 с.
- Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. Т. 2. СПб.: Тип. Штаба воен.-уч. заведений, 1863. 850 с.
- Большой китайско-русский словарь. Под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984. Т. 1–4.
- Бутаков А., Тизенгаузен А. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 400 с.
- Васильев Л.С. Древний Китай, Т.1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу, М.: Восточная литература РАН, 1995. 379 с.
- Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2. Период Чуныцзо (VIII–V вв. до н.э.). М.: Восточная литература РАН, 2000. 628 с.
- Васильев Л.С. Древний Китай. Т.3. Период Чжаньго (V–III в. до н.э.). М.: Восточная литература РАН, 2006. 684 с.
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратоновского. Л.: Наука, 1972. 604 с.
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 178 с.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 4-х томах, 1996–1999. Т. 1. СПб.: Наука, Ювента, 1999. 418 с.
- Е ун-ли. История государства киданей / Пер. В.С. Таскина. М.: Наука — Главная редакция восточной литературы, 1978. 610 с.
- Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. 544 с.
- История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.
- История Китая с древнейших времен до наших дней / Под ред. Симоновской Л.В. М.: Наука, 1974. 534 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / Отв. ред. И.Ф. Попова; М.: Наука — Восточная литература, 2016. 942 с.

История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 т. Т. V. Династии Юань и Мин (1279–1644) / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокшанин. М.: Наука — Восточная литература, 2016. 678 с.

История китайской цивилизации. В 4 т. Т. 2 / Пер. под ред. И.Ф. Поповой. М: Шанс, 2020. 631 с.
Козин С.А. Сокровенное сказание. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1941. 622 с.

Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 414 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука: Восточная литература, 2014. 351 с.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 480 с.

Крюков М.В. Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории. М., 1961. № 2. С. 3–22.

Логинов В.В. Армия империи Хань и китайские походы на север // Северные архивы и экспедиции. Т. 2. № 3. 2018. С. 32–43.

Лукин П.В. Существовало ли в древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь: Вып. 9 / Отв. редактор А.А. Горский. М: Издательство «Индрик», 2011. С. 47–98.

Мартынов А.С. Девизы правлений китайских императоров (нянь-хао) // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. Ч. 1. М.: Гл. ред. вост. лит. Изд. «Наука», 1977. С. 78–84.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. В.С. Таскина, М.: Наука — Главная редакция восточной литературы, 1968. 178 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / Пер. В.С. Таскина. М.: Наука — Главная редакция восточной литературы, 1973. 157 с.

Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин XVII – начало XX века. М.: Восточная литература, 2005. 719 с.

Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд. РПГУ, 2019. 784 с.

Нефедкин А.К. Ослы в военном деле древности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2). 2019. С. 212–216.

Никифоров В.Н. Очерк истории Китая: II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М.: ИДВ РАН, 2002. 449 с.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 107 с.

Пенской В.В. Возвращаясь к вопросу о численности русской рати на Куликовом поле // Археология евразийских степей. 2020. № 6. С. 337–353.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1952. 317 с.

Реунов Ю.С. Битва при Кадеше глазами египтян и хеттов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 5(43). Ч. 2. С. 154–164.

Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2010. № 1. С. 55–73.

Сабитов Ж.М. Монгольская армия в 1206–1259 гг. // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: BG-print, 2013. С. 86–114.

Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999. 595 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. / Пер. с кит., коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. 2-е изд. М.: Восточная литература — РАН, 2001. 417 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. / Пер. с кит., коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. 2-е изд. М.: Наука — Восточная литература, 2003. 571 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 8 / Пер. с кит., комм. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина, А.М. Карапетянца. М.: Восточная литература, 2002. 513 с.

Трактаты о военном искусстве. Сунь-цзы, У-цзы / Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 320 с.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, Наукова думка, 1984. 121 с.

Чунь цзо Цзо чжуань. Комментарий Цзо к «Чунь цзо» / Исследование, пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указатели М.Ю. Ульянова. М.: Восточная литература, 2011. 435 с.

Шу-цзин («Канон записей») / Исследование, пер. с кит., коммент. и указатели Г.С. Поповой. М.: СПб.: Нестор-История, 2020. 949 с.

References

- Avdiev N.G. (1959). Voennaya istoriya drevnego Egipta [Military History of Ancient Egypt]. Vol. 2. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1959. 148 s. (In Russian).
- Bannikov A.V., Morozov M.A. (2013). Vizantijskaya armiya (IV–XII vv.) [Byzantine Army (the 4–12th centuries)]. St. Petersburg, Evraziya, 2013. 688 s. (In Russian).
- Bezotosnyj V. M. (2014). Rossiya v napoleonovskikh voynakh. 1805–1815 gg. [Russia in Napoleonic Wars of 1805–1815]. Moscow, Politicheskaya jentsiklopediya, 2014. 664 s. (In Russian).
- Bogdanovich M.I. (1859) Istoriya Otechestvennoj vojny 1812 goda, po dostovernym istochnikam [History of Patriotic War of 1812, on reliable sources]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipographija TD S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova, 1859. 588 s. (In Russian).
- Bogdanovich M.I. (1863). Istoriya vojny 1813 goda za nezavisimost' Germanii, po dostovernym istochnikam [History of War of 1813 for Independence of Germany, on reliable sources]. Vol. 2. St. Petersburg, Shtab voen.-uch. zavedenij PH, 1863. 850 s. (In Russian)
- Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Grand Chinese–Russian Dictionary] (1983–1984). Pod red. I.M. Oshanina. Vols. 1–4. Moskva, Nauka, 1983–1984. (In Russian).
- Butakov A., Tizengauzen A. (2002). Opiumnye vojny. Obzor vojn evropejtssev protiv Kitaya v 1840–1842, 1856–1858, 1859 i 1860 godakh [The Opium Wars. The Review of Wars of Europeans against China in 1840–1842, 1856–1858, 1859 and 1860]. Moskva, OOO “Izdatel'stvo AST”, 2002. 400 s. (In Russian).
- Chernenko E.V. (1984). Skifo-persidskaya vojna [Scythian-Persian War]. Kiev, Naukova dumka. 121 s. (In Russian).
- Del'bryuk G. (1996). Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii. V 4-kh tomakh. 1996–1999 [History of Military Art within Political History. In 4 vols. 1996–1999]. Vol. 1. St. Petersburg, Nauka, Yuventa. 416 s. (In Russian).
- E Lun-li (1978). Istoriya gosudarstva kidanej [History of the Khitan State]. Per. V.S. Taskina. Moskva, Nauka – Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. 610 s. (In Russian).
- Gerodot (1972). Istoriya v devyati knigakh [Herodotus. History in nine books]. Per. i prim. G.A. Stratonovskogo. Leningrad, Nauka. 604 s. (In Russian).
- Gorelov M.M. (2007). Datskoe i normandskoe zavoevaniya Anglii v XI veke [The Danish and Norman Conquest of England in the 11th Century]. St. Petersburg, Aleteya. 178 s. (In Russian).
- Istoriya kitajskoj tsivilizatsii: v 4 tomakh. T. 2. [History of the Chinese civilization, in 4 vols. Vol. 2] (2020). Per. pod red. I.F. Popovoj. Moskva, Shans. 631 s. (In Russian).
- Istoriya Kitaya s drevnejshikh vremyon do nachala XXI veka, v desyati tomakh (2016). T. IV. Period Pyati dinastij, imperiya Sun, gosudarstva Lyao, Tszin', Si Sya (907–1279) [History of China from Prehistory to the Beginning of the 21st Century: In 10 vols. Vol. IV. Period of Five dynasties, Empire Sung, States Liao, Jin, Xi Xia (907–1279)] (2016). Ed. by I.F. Popova. Moskva, Nauka – Vostochnaya literatura. 942 s. (In Russian).
- Istoriya Kitaya s drevnejshikh vremyon do nachala XXI veka, v desyati tomakh. T. V. Dinastii Yuan' i Min (1279–1644) [History of China from Prehistory to the Beginning of the 21st Century: in 10 vols. Vol. V. Yuan and Ming Dynasties (1279–1644)] (2016). Otv. red. A.Sh. Kadyrbaev, A.A. Bokshchanin. Moskva, Nauka – Vostochnaya literatura. 678 s. (In Russian).
- Istoriya Kitaya s drevnejshikh vremyon do nashikh dnei [History of China from Prehistory to the Present Day] (1974). Pod red. L.V. Simonovskoj. Moscow, Nauka. 534 s. (In Russian).
- Istoriya Zolotoj imperii [History of the Gold Empire] (1998). Per. G.M. Rozova. Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN. 288 s. (In Russian).
- Kontamin F. (2001). Voyna v Sredniye veka [War in the Middle Ages]. St. Petersburg, Yuventa. 414 s. (In Russian).

- Kozin S.A. (1941). Sokrovennoye skazaniye [The Secret History of the Mongols]. Moskow–Leningrad, AN SSSR. 622 s. (In Russian).
- Kradin N.N., Ivliev A.L. (2014). Istoriya kidan'skoj imperii Lyao (907–1125) [History of the Khitan Empire Liao (907–1125)]. Moskva, Nauka – Vostochnaya literatura. 351 s. (In Russian).
- Kril Kh.G. (2001). Stanovlenie gosudarstvennoj vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya Chzhou [The Origin of Statecraft in China. The Western Zhou Empire]. St. Petersburg, Izdatel'skaya gruppа “Evraziya”. 480 s. (In Russian).
- Kryukov M.V. (1961). Rod i gosudarstvo v in'skom Kitae [Tribe and the State in Yin China]. Vestnik drevnej istorii. Moskva. N 2. S. 3–22. (In Russian).
- Loginov V.V. (2018). Armiya imperii Khan' i kitajskie pokhody na sever [Army of the Han Empire and Chinese Campaigns to the North]. Severnye arkhivy i jekspeditsii. T. 2. N 3. S. 32–43. (In Russian).
- Lukin P.V. (2011). Sushchestvovalo li v drevnej Rusi narodnoe opolchenie? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie nablyudeniya [Whether There Was in Ancient Russia a People's Militia? Some Comparative-Historical Supervision]. Srednevekovaya Rus': Vyp. 9. Otv. red. A.A. Gorskiy. Moskow, Indrik. S. 47–98. (In Russian).
- Martynov A.C. Devizy pravlenij kitajskih imperatorov (nian-hao) [Era Names of the Chinese Emperors (Nian-hao)] (1977). Pis'mennye pamyatniki i problemy kul'tury narodov Vostoka. Pt. 1. M., Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. S. 78–84. (In Russian).
- Materialy po istorii syunnu (po kitajskim istochnikam) [Materials on History of Xiongnu (on the Chinese Sources)] (1968). Per. V.S. Taskina. Moskva, Nauka – Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. 178 s. (In Russian.)
- Materialy po istorii syunnu (po kitajskim istochnikam) [Materials on History of Xiongnu (on the Chinese Sources)] (1973). Vypusk vtoroj. Per. V.S. Taskina. Moskva, Nauka – Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. 157 s. (In Russian).
- Nefedkin A.K. (2019). Konnitsa jepokhi jellinizma [Hellenism Era Cavalry]. St. Petersburg, RPGU, 2019. 784 s. (In Russian).
- Nefedkin A.K. (2019). Osly v voennom dele drevnosti [Donkeys in the Military art of Antiquity]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. N 46(2). S. 212–216. (In Russian).
- Nepomnin O.E. (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka [History of China: The Qing Dynasty. 17th – Beginning of the 20th Century]. 719 s. Moskva, Vost. lit. (In Russian).
- Nikiforov V.N. (2002). Ocherk istorii Kitaya: II tysyacheletie do n.e. – nachalo XX stoletiya [Essay of history of China: The II Billennium BC – the Beginning of the XX Century]. Moskva, Institut Dal'nego Vostoka RAN. 449 s. (In Russian).
- Penskoj V.V. (2010). Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya [Great Firearms Revolution]. Moskva, Yauza, Jeksmo. 107 s. (In Russian).
- Penskoj V.V. (2020). Vozvrashchayas' k voprosu o chislennosti russkoj rati na Kulikovom pole [Coming Back to a Question of the Number of the Russian Army at Kulikovo Field]. Arkheologiya evrazijskikh stepej. N 6. S. 337–353. (In Russian).
- Rashid al-Din (1952). Sbornik letopisej. T. 1, kn. 2 [Compendium of Chronicles. Vol. 1, bk. 2]. Moskow–Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 317 s. (In Russian).
- Reunov Yu.S. (2014). Bitva pri Kadeshe glazami egiptyan i khettoj [Battle at Kadesh with Eyes of Egyptians and Hittites]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota. № 5(43). Ch. 2. S. 154–164. (In Russian).
- Sabitov Zh.M. (2010). O chislennosti mongol'skoj armii v Zapadnom pokhode [About the number of the Mongolian army in the Western campaign]. Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana. Ural'sk. N 1. S. 55–73. (In Russian).
- Sabitov Zh.M. (2013). Mongol'skaya armiya v 1206–1259 gg. [The Mongolian Army in 1206–1259]. Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopedel'nykh stran jepokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni. Astana, BG-print. S. 86–114. (In Russian).
- Shu-tszin (“Kanon zapisej”) [Shu jing (“Canon of records”)] (2020). Issled., per. s kit., comment. i ukazateli G.S. Popovoj. Moskva, St. Petersburg, Nestor–Istoriya. 949 s. (In Russian).
- Sokolov O.V. (1999). Armiya Napoleona [Napoleon's Army]. St. Petersburg, Imperiya, 1999. 595 s. (In Russian).

- Syma Tsyang' (2001). *Istoricheskie zapiski (Shi tszi)*. T. 1. Per. s kit., komm. R.V. Vyatkina i V.S. Taskina. Izd. 2-e [Historical Record (Shi ji)]. Vol. 1. The transl. and note by R.V. Vyatkin and V.S. Taskin. 2-nd ed.]. Moskva, Vostochnaya literatura — RAN, 2001. 417 s. (In Russian).
- Syma Tsyang' (2002). *Istoricheskie zapiski (Shi tszi)*. T. 8. Per. s kit., komm. R.V. Vyatkina, A.R. Vyatkina, A.M. Karapet'yantsa [Historical Record (Shi ji)]. Vol. 8. Tr. and note by R.V. Vyatkin, A.R. Vyatkin and A.M. Karapet'yants]. Moskva, Vostochnaya literatura, 2002. 513 s. (In Russian).
- Syma Tsyang' (2003). *Istoricheskie zapiski (Shi tszi)*. T. 2. Per. s kit., komm. R.V. Vyatkina i V.S. Taskina. Izd. 2-e [Historical Record (Shi ji)]. Vol. 2. Tr. and note by R.V. Vyatkina and V.S. Taskina. 2-nd ed.]. Moskva, Nauka — Vostochnaya literatura, 2003. 571 s. (In Russian).
- Vasil'ev L.S. (2006). *Drevnij Kitaj*. T. 3. Period Chzhan'go (V–III vv. do n.е.) [Ancient China. Vol. 3. Zhanguo Period (5th–3rd Centuries BC)]. Moskva, Vostochnaya literatura RAN, 2006. 682 s. (In Russian).
- Vasil'ev L.S. (1995). *Drevnij Kitaj*. Vol. 1. Predystoriya, Shan-In', Zapadnoe Chzhou [Ancient China. Vol. 1. Prehistory, Shang-Yin, Western Zhou]. Moskva, Vostochnaya literatura RAN, 1995. 379 s. (In Russian).
- Vasil'ev L.S. (2000). *Drevnij Kitaj*. T. 2. Period Chun'tsyu (VIII–V vv. do n.е.) [Ancient China. Vol. 2. Chunqiu Period (8th–5th Centuries BC)]. Moskva, Vostochnaya literatura RAN, 2000. 628 s. (In Russian).
- Zajonchkovskij A.M. (2002). *The First World War*. St. Petersburg, Poligon, 2002. 544 s.
- ***
- Chang Chun-shu (2007). *The Rise of the Chinese Empire*. Vol. 2. Ann Arbor, University of Michigan, 2007. 352 p.
- Chen Shou 陈寿 (1991). *Sanguo zhi, ce 1–3 三国志. 册 1–3* ["Records of the Three Kingdoms". Vols. 1–3]. Changsha, Hunan shifan daxue chubanshe. 3204 p. (In Chinese).
- Crevelld M., van (1977). *Supplying War. Logistics from Wallenstein to Patton*. Cambridge, Cambridge University Press. 297 p.
- Cui Hengsheng 崔恒昇 (2001). *Jianming jiaguwen cidian 简明甲骨文词典* [The Short Dictionary of the Texts on Bones]. Hefei, Anhui jiaoyu chubanshe. 792 p. (In Chinese).
- Delbrueck H. (1887). *Die Perserkriege und die Burgunderkriege*. Berlin, Walther & Apolant, 1887. 322 p.
- Ebrey P.B. (2014). *Emperor Huizong*. Cambridge (USA), Harvard University Press, 2014. 696 p.
- French order of battle of Leipzig, 1813. URL: http://napoleonistyka.atspace.com/French_Order_of_Battle_LEIPZIG_1.htm (accessed 25.12.2024).
- Engels D.W. (1978). *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press. 194 p.
- Ford R. (2020). *Rome, China and Barbarians. Ethnographic Traditions and the Transformations of Empires*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 369 p.
- Graff D.A. (2002). *Medieval Chinese Warfare, 300–900*. L. and N.Y., Routledge. 288 p.
- Graff D.A. (2016). *The Eurasian Way of War. Military Practice in Seventh-Century China and Byzantium*. L. and N.Y., Routledge. 208 p.
- Hanyu da cidian, di 8 ce 汉语大词典, 第八册 [Grand Chinese Dictionary. Vol. 8] (1991). Vol. 8. Shanghai, Hanyu da cidian chubanshe, 1991. 1373 p. (In Chinese).
- Jin shi, di 1 ce 金史, 第一册 [History of Jin. Vol. 1] (1975). Tuotuo zhuan. Beijing, Zhonghua shuju. 352 p. (In Chinese).
- Kim H.J., Lieu S.N., McLaughlin R. *Rome and China, Points of Contact*. L. and N.Y., Routledge. 134 p.
- Kiser E., Cai Yong (2003). *War and Bureaucratization in Qin China: Exploring an Anomalous Case*. American Sociological Review. Vol. 68. No. 4 (Aug.). P. 511–539.
- Lawson M.K. (2002). *The Battle of Hastings: 1066*. Stroud (UK), Tempus. 296 p.
- Lewis M.E. (1999). *Warning States: Political History. The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B.C*. Edited by M. Loewe and E. Shaughnessy. Cambridge, Cambridge University Press. P. 587–650.
- Lynn J.A. (2013). *Wars of Louis XIV, 1667–1714*. L. and N.Y., Routledge, Taylor and Francis Group. 440 p.
- MacDowall S. (2020). *Malplaquet 1709: Marlborough's Bloodiest Battle*. Osprey (UK), Bloomsbury. 96 p.

- Marsden E.W. (1964). *The Campaign of Gaugamela*. Liverpool, University Press. 92 p.
- Ming shi, di 1 ce 明史, 第一册 [History of Ming. Vol. 1] (1974). Zhang Tingyu zhuan. Beijing, Zhonghua shuju. 327 p. (In Chinese).
- Ming shi, di 13 ce 明史, 第十三册 [History of Ming. Vol. 13] (1974). Zhang Tingyu zhuan 張廷玉撰 [Edited by Zhang Tingyu]. Beijing, Zhonghua shuju. 303 p. (In Chinese).
- Ming shilu: Ming Taizong shilu 明實錄: 明太宗實錄 [The Ming Veritable Records: the Veritable Records of Emperor Taizong of Ming] (1962–1968). Taibei, Zhongwen chubanshe, juan 3. (In Chinese). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=183761> (accessed 25.12.2024).
- Miyazaki Ichisada 宮崎市定 (1936). Tokushi satsuki 讀史劄記. Tokio, Shirin 史林, 21.1. P. 124–158. (In Japan).
- Needham J. (1971). *Science and Civilisation in China*. Vol. 4, pt. 3: Civil Engineering and Nautics. Cambridge, Cambridge University Press. 1188 p.
- Nolan C.J. (2008). *Wars of the Age of Louis XIV, 1650–1715: An Encyclopedia of Global Warfare and Civilization*. Westport, Connecticut–London, Greenwood Press. 656 p.
- Pei Yuan Lou (1904). Recit d'un voyage dans le Nord. Par Tcheou Chan. Traduit par Ed. Chavannes. T'oung Pao. II ser. Vol. V. No 2. P. 163–192.
- Qing shi gao 清史稿 [Draft History of Qing] (1927). Zhao Erxun zhuan. Beijing, 1927. (In Chinese). URL: juan 3 卷 (benji 本紀 3) <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=388999> (accessed: 25 December, 2024); juan 卷 212 (liezhuan 列傳 11): <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=18566> (accessed 25.12.2024); juan 卷 228 (liezhuan 列傳 27): <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=467346> (accessed 25.12.2024).
- Scheidel W. (2008). *The Monetary Systems of the Han and Roman Empires*. Stanford University. URL: <http://ssrn.com/abstract=1096440> (accessed 25.12.2024).
- Shen Kuo 沈括 (1956). Meng xi bi tan xiao zheng 夢溪筆談校證, (上冊) [The Verified Text of “Record of conversations in Mengzi”. Vol. 1]. Zhonghua shuju. 633 p. (In Chinese).
- Shi Jigang 史繼剛 (2000). Songdai junyong wuzi baozhang yanjiu 宋代軍用物資保障研究 [Research of Providing Military Resources of the Song Era]. Chengdu, Xinan caijing daxue chubanshe. 296 p. (In Chinese).
- Sun zi bing fa 孫子兵法 [Sunzi Military Art] (2006). Sun Wu zhuan; Cao Cao zhu; Guo Huaruo jin yi. Shanghai, Shanghai guji chubanshe. 180 p. (In Chinese).
- Theobald U. (2013). *War Finance and Logistics in Late Imperial China*. Leiden–Boston, Brill. 282 p.
- Tilburg C., van (2007). *Traffic and Cogestion in the Roman Empire*. L. and N.Y., Routledge. 264 p.
- Verbruggen J.F. (1997). *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages*. Woodbridge (UK), Boydell Press. 388 p.
- Wang Tseng-yü (2015). *A History of the Sung Military*. The Cambridge History of China. Vol. 5, pt. 2: Sung China, 960–1279. Ed. by D. Twitchett and J. Fairbank. Cambridge, Cambridge University Press. P. 214–249.
- Wang Xianqian 王先謙 (1984). Hou han shu jijie, ce 1–2 後漢書集解, 冊 1–2 [“History of the Later Han” with consolidated commentary”. Vol. 1–2]. Beijing, Zhonghua shuju. 1364 p. (In Chinese).
- Wang Zao 汪藻 (1984). Jinggang yaolu 靖康要錄 [Important Records from the Jinggang Reign]. Wenyuange siku quanshu, shi bu, di 329 ce. Taibei, Shangwu yingshuguan. 1041 p. (In Chinese).
- Wang Zengyu 王曾瑜 (2011). Songchao junzhi chutan 宋朝軍制初探 [Initial Research of Military System of a Sung Dynasty]. Beijing, Zhonghua shuju. 543 p. (In Chinese).
- Wudai huiyao (xia ce) 五代會要 (下冊) [The Collection of the Major Materials (on the History of) Five Dynasties. Vol. 2] (1937). Wang Pu zhuan. Shanghai, Shangwu yinshuguan. 182 p. (In Chinese).
- Xu Mengsin 徐夢莘 (1939). Sanchao beimeng huibian, ce 1–4 三朝北盟會編, 冊甲–丁 [Collection the Alliance with the North [during] Three Reigns. Vols. 1–4]. [No place] Haitian shudian. 1872 p. (In Chinese).
- Zeng Gongliang 曾公亮, Ding Du 丁度 (1988). Wujing zongyao 武經總要 [Main Regulations of Military Canons]. Zhongguo bingshu jicheng (3–5). Shengyang, Liaoshen shushe. 2027 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.05.2025. Received: 2 May 2025.

Принята к публикации: 10.06.2025. Accepted: 10 June 2025.

А.В. Лукин

Китай от древности к современности и обратно: Сергей Гончаров как глыба российского китаеведения. К 70-летию

Аннотация. В статье рассматривается творческий путь и основные концепции, сформулированные известным российским китаеведом, дипломатом и общественным деятелем С.Н. Гончаровым. Дана оценка его научных трудов и выдвинутых в них положений, их влияние на развитие китаеведения в СССР и России, а также их связь с другими отраслями общественных наук. Оценивается также вклад С.Н. Гончарова в практическое развитие и укрепление отношений между Москвой и Пекином как в позднесоветский период, так и после распада СССР, в том числе в разработку договора 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Делается вывод о большом значении трудов и практической работы С.Н. Гончарова как для китаеведения, так и для российской политики в отношении Китая.

Ключевые слова: китаеведение, С.Н. Гончаров, история, дипломатия, российско-китайские отношения.

Автор: Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

А·В·卢金

中国从古代到现代，再从现代到古代：祝贺俄罗斯汉学巨擘谢尔盖·贡恰罗夫七十寿辰

摘要: 本文探讨了俄罗斯著名汉学家、外交家和社会活动家 S·N·贡恰罗夫的创作历程及其主要理念，评价了他的学术著作及其在著作中提出的论点、这些著作对苏联和俄罗斯汉学发展的影响以及与其他社会科学分支的联系。本文还评估了 S·N·贡恰罗夫在苏联后期和苏联解体后对俄中关系的实际发展和加强所做出的贡献，其中包括对 2001 年《中俄睦邻友好合作条约》的制订。本文做出结论，认为 S·N·贡恰罗夫的著作和实践工作对汉学和俄罗斯对华政策具有重大意义。

关键词: 汉学；S·N·贡恰罗夫；历史；外交；俄中关系

作者: 亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任。

Alexander V. Lukin

**China from Antiquity to the Present—and Back Again:
Sergei Goncharov as a Pillar of Russian Sinology.
On the Occasion of His 70th Birthday**

Abstract. The article explores the intellectual trajectory and key conceptual contributions formulated by the prominent Russian sinologist, diplomat and public figure S.N. Goncharov. It offers an assessment of his scholarly works and the central theses he advanced, analyzing their impact on the development of Sinology in the USSR and Russia, as well as their intersections with other branches of the social sciences. The article also evaluates Goncharov's practical role in fostering and institutionalizing relations between Moscow and Beijing during the late Soviet era and after the dissolution of the USSR, including his involvement in the drafting of the 2001 Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation. The article concludes that S. N. Goncharov's academic output and practical efforts have been of considerable significance both for the field of Sinology and for the formulation of Russian policy toward China.

Keywords: China studies, S.N. Goncharov, history, diplomacy, Russia-China relations.

Author: Alexander V. Lukin (Head), Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Head of Department of International Relations of HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

À nous deux maintenant!
Honoré de Balzac

8 мая 2025 г. исполнилось 70 лет моему старшему товарищу, глыбе и матерому человечеству (выражение, весь смысл которого вряд ли будет понятен молодым читателям) российского китаеведения Сергею Николаевичу Гончарову. В связи с этим славным юбилеем я позволил себе посвятить несколько страниц значению самого факта существования этого человека и его многогранной деятельности для нашей отрасли знания, для некоторых подходов к изучению общества в целом, а также его влиянию на меня самого и мои взгляды.

С.Н. Гончаров — один из немногих людей, на идеи и выводы которого я постоянно ссылаюсь в своих лекциях, в основном соглашаясь с ними, хотя и не всегда. Так как эти идеи и выводы относятся к разным периодам китайской истории, разным направлениям мысли и даже не только к Китаю, но и другим странам, то я разделяю эти заметки по темам его творчества, которые сыграли для меня значительную роль.

Традиционная китайская доктрина отношений с внешним миром как идеология

Впервые я увидел Сергея Гончарова еще студентом, должно быть, на одной из конференций «Общество и государство в Китае», которые ежегодно проводил Отдел Китая Института востоковедения АН СССР, и на которые я ходил с последних лет своей учебы в МГИМО, то есть с начала 80-х годов прошлого века. В то время эти конференции были, безусловно, главным китаеведческим событием в стране, на них собирались китаисты со всего СССР, а также из некоторых других стран мира. Да и не только китаисты. Интересовались Китаем тогда многие, так как разговор о «неправильном» китайском коммунизме давал возможность говорить о социализме и коммунизме в целом и тем самым, конечно, без прямых ссылок, рассуждать как бы и о самом СССР.

Меня все эти темы по молодости весьма волновали, поэтому я с интересом слушал дискуссии и даже острые споры того времени. Начало 80-х для советского китаеведения было крайне интересным временем. Именно тогда в дискуссии с китаеведами старшего поколения начали вступать более молодые коллеги. Если «старики», как правило, были хорошо знакомы с реальным Китаем, часто бывали там в годы дружбы, прекрасно владели китайскими источниками и литературой, то молодые не имели возможности ездить в ныне враждебный маоистский Китай, но часто лучше знали основные школы и проблематику мирового китаеведения. Лидерами «молдых», которые впоследствии стали лидерами российского китаеведения, были В.В. Малявин, А.И. Кобзев, А.И. Торчинов и, конечно, С.Н. Гончаров. Дискуссии эти охватывали как самые основы китайской цивилизации и мысли [Лукин, 2024, с. 732–735], так и вытекающие из них некоторые более узкие проблемы.

Одной из таких проблем была трактовка традиционной китайской доктрины отношений с соседями. Старшие товарищи подробно изучили и описали классическую китайскую теорию отношений с внешним миром — концепцию «Китай-варвары», ее теоретическую основу, тесно связанную с общими китайскими представлениями о мироздании, разобрали ее действия на некоторых конкретных примерах. Важную роль в этой деятельности сыграли работы Л.И. Думана, А.С. Мартынова, Ю.Л. Кроля, А.А. Бокщина и других. В вышедшей в 1975 г. книге выдающегося ленинградского китаеведа и тибетолога А.С. Мартынова эта концепция подробнейшим образом рассматривалась как в общем плане, так и на примере отношений цинского Китая с Тибетом [Мартынов, 1975]. А.С. Мартынов развивал общее направление, согласно которому «мироустроительная» китайская доктрина, не признававшая возможность равенства с другими народами и государствами и не дававшая возможность заключения равноправных договоров, господствовала в Китае на протяжении всей истории империи и редкие отклонения от нее были временными и вынужденными исключениями.

С.Н. Гончаров, который был более чем на 20 лет моложе Мартынова, решил проверить эту теорию на другом примере, и избрал темой своей кандидатской диссертации отношения между китайской династией Сун и чжурчжэньским государством Цзинь в XII в., когда по Шаосинскому договору 1142 г. Сун признала зависимость от Цзинь. В ходе работы он вступил в полемику с Мартыновым, утверждая, что его выводы были сделаны на примере отношений со слабым Тибетом, а в случае возникновения сильного соперника китайская доктрина могла меняться.

Я, конечно, ни тогда, ни сейчас не обладал и не обладаю достаточными познаниями, чтобы делать вывод о том, кто был прав в этой полемике. Да и не об этом сейчас речь. Тогда с неподдельным интересом я следил за самым ходом и эстетикой этой борьбы. На каждой ежегодной конференции «взрослые» китаеведы по несколько раз выходили на трибуну и излагали свои выводы, и каждый раз «молодые» шли за ними и бесстрашно вступали в спор, основываясь при этом на не менее глубоких знаниях и анализе. Кроме того, иногда они еще и спорили между собой. Это была живая научная дискуссия, касавшаяся самых глубинных вопросов общественнознания, причем без всякого упоминания набившего оскомину примитивного марксизма, который преподавали тогда в школах и вузах. В СССР было совсем не много мест, где подобную дискуссию можно было услышать.

Помню, как на кафедру (на сцене зала заседаний Института востоковедения на третьем этаже стояла именно деревянная кафедра) несколько раз подряд поднимался почтенный, специально приехавший из Ленинграда Мартынов и возражал Гончарову, а Гончаров каждый раз шел туда же и отвечал не менее убедительно. При этом Сергей Николаевич из всех «молодых» поражал какой-то особой природной мощью и страстью. Тогда я мало что о нем знал, но теперь я думаю, что, возможно, это связано с его происхождением. Тогда он работал в Москве, в Институте Дальнего Востока АН СССР (ныне Институт Китая и современной Азии РАН), и было известно, что туда он перешел, закончив востфак ЛГУ. Однако потом оказалось, что, в отличие от большинства других своих коллег по «группе молодых», он не был порождением одной из двух столиц, а родился в Днепропетровске, первые годы учился в Новосибирске, да еще и два года отслужил в армии сержантом. Все это вместо столичного лоска дало ему какой-то напор и одновременно непосредственность, даже некоторую наивность. Наивность эта заключалась в искренней вере в то, что для того, чтобы переубедить сложившегося ученого, достаточно ему все подробно объяснить, изложить свои аргументы, и он сразу же с тобой согласится, потому что деваться-то от правды ему будет некуда. И он все выходил и выходил на трибуну, все объяснял и объяснял, а седовластый оппонент все не сдавался и только больше дивился такому напору.

Если говорить о содержании, то в ту пору изложение китайской «даннической теории» неравноправных отношений с соседями наводило на мысли о советской доктрине «ограниченного суверенитета» «социалистических государств» Восточной Европы Л.И. Брежнева, которой никогда не существовало на бумаге, но о практической реализации которой тогда много говорили по «вражеским голосам». Сегодня же я думаю о другом — о том, как блестяще в своей книге, написанной на основе диссертации, Сергей Николаевич разобрал процесс встречи идеологической догмы с противоречащей ей реальностью и ее результаты [Гончаров, 1986].

Как сказали бы сейчас, исследование Гончарова было классическим «кейс-стади», то есть тестированием существующей научной гипотезы на конкретном материале. Гипотез—существовало две: менялась или не менялась китайская классическая доктрина, сталкиваясь с противоречащей ей реальностью. И автор пришел к выводу, что в данном случае она менялась довольно существенно, хотя и медленно и с большим трудом. Шел он к этому выводу последовательно, изучив огромное количество источников на древнекитайском языке и всю существовавшую к тому времени литературу на самых различных языках. Для того, чтобы не оставалось никакого впечатления недоработанности и места для досужих разговоров на общие темы, для исследования был взят небольшой временной период с 1127 по 1142 г., то есть всего пятнадцать лет подготовки Шаосинского договора между империей Сун (Южная Сун) и теснившим ее чжурчжэньским государством Цзинь. В результате Сергей Николаевич фактически «закрыв тему». Вряд ли кто-то может найти достаточно какого-то нового материала, чтобы каким-то образом изменить или опровергнуть основные выводы, сделанные в его исследовании. Одним словом, диссертация и книга Гончарова — образец конкретного исторического исследования, структуру и методологию которого можно рекомендовать любому начинающему историку, да и вообще обществу. Но важно и то, что именно такие конкретные исследования могут дать солидный материал для более общих размышлений. Обратный путь — от общих размышлений к стремлению проиллюстрировать их на частном примере — часто ведет к вольному или невольному искажению, так как очень хочется доказать именно то, о чем говорит уже воспринятая теория.

В книге автор четко и последовательно формулирует вывод о том, что сунские теоретики пошли на изменение внешней доктрины, не меняя внутреннюю и даже укрепляя последнюю:

«Мы могли убедиться, с каким большим трудом, сколь болезненно и противоречиво внедрялось в сознание сунских политиков представление о том, что чжурчжэньская держава является качественно равным им партнером, отношения с которым можно уладить, лишь признав реальный факт своей слабости, невозможности для себя «смыть позор и отвоевать утраченные земли». Суровая действительность, потребность в выживании и стабилизации внутреннего положения в конце концов заставили правителей китайской империи смириться с этими представлениями, принять их. С этим, как мы могли убедиться, было связано практически полное вытеснение доктрины “мироустройства” из сферы внешней политики и дипломатии, где ее заменил сугубо прагматический подход. Вместе с тем сунские деятели сделали все возможное для того, чтобы сохранить доктрину “мироустройства”, идеологически оформлявшую существование китайского земледельческого общества для сферы внутренней политики. С этой целью китайские деятели предпринимали все возможные шаги во имя сохранения в неприкосновенности императорского ритуала, являвшегося основой и конкретным выражением доктрины “мироустройства”» [Там же, с. 259].

Эти выводы, прежде всего, имеют непосредственное значение для рассматриваемой проблемы и периода. Но они навевают и более общие размышления. Относи-

тельно китайской истории в целом сам автор говорит о том, что «прагматическая» тенденция того времени существовала и могла развиваться и в принципе быть развита и использована, однако последующие исторические обстоятельства, а именно укрепление китайской государственности и долгое отсутствие сильных соседей, способствовали укреплению внешней мироустроительной концепции. Вновь видоизменяться она начала только намного позднее, когда Цинская империя столкнулась с экспансией западных держав. Выводы же о непрямом соотношении внешне- и внутривнутриполитической доктрин, о том, что вынужденные уступки в сторону большей умеренности в первой могут вести не к смягчению, а даже к еще большему ужесточению второй, которое необходимо власти как бы для баланса и сохранения собственного контроля внутри страны, могут быть релевантны для самых различных эпох и ситуаций, в том числе и для современности.

Примерно в то время я собирался писать диплом про историческое восприятие Японии в Китае. Занимаясь введением, я узнал обо всей этой проблематике первоначально из классической книги под редакцией Дж.Фэрбэнка, изданной еще в 1968 г., поэтому дискуссия о «даннической системе» вызывала у меня особенный интерес. Все высказываемые позиции я примерял к Японии, которая в средние века была данником Китая, и затем использовал их. Было интересно понять, как китайская доктрина, согласно которой Китай является центром мира, воспринималась и перерабатывалась в другой стране, а затем — как в китайских представлениях Япония из варварской страны превратилась в представлениях некоторых китайских националистов и даже коммунистов в образец для подражания [Лукин, 1986, с. 169–175; Deng, 1986, p. 7–14].

В более общем плане книга навевала различные мысли и об идеологии вообще. Тогда я интересовался неофициальными советскими подходами к идеологии, с одной стороны, вышедшими из ее анализа К. Марксом, а с другой — критиковавшими сам марксизм как один из ярких примеров идеологии. С мыслями по этому поводу тех, кто выступил с этими подходами — прежде всего, А.А. Зиновьева и М.К. Мамардашвили — я был знаком по разным источникам: первого читал в самиздате, лекции второго слушал в разных местах. Идеологию они рассматривали как сумму языковых утверждений, предназначенную для управления обществом в интересах правящей группы, которые навязываются ему посредством аппарата подавления, в результате чего общество вынуждено их принимать. При этом вера в постулируемые идеологией принципы или их понимание не требуются. Они могут присутствовать, но не являются характерными ее чертами. Такой чертой является именно «принятие», обусловленное как силовым навязыванием, так и открывающимися перспективами социального роста [Зиновьев, 1979, с. 25–33; Мамардашвили, 2014, с. 59–63].

Несмотря на многочисленные отличия, связанные с тем, что чистая идеология в политологии обычно считалась атрибутом современного массового общества, все это во многом напоминало официальную китайскую доктрину, которая по сути была светской, хотя и имела некоторую связь с высшим миром Неба. Ее принятие и изучение как самими китайцами, дававшие возможность занимать высокие должности, так и «варварами», стремившимися получить поддержку китайской империи, казались характерными чертами именно идеологии, в отличие от науки или религии.

Все эти мысли роились у меня в голове, когда мне посчастливилось познакомиться с Сергеем Николаевичем лично. Его я обнаружил среди десяти стажеров, направленных в 1984 г. в Пекинский университет советским министерством образования в рамках недавно подписанной программы обменов. Наша группа была второй после долгого перерыва, всего в ней было 70 человек, распределенных по разным вузам Китая. Жили мы в студенческой общаге, в комнатах на два человека, фактически без отопления, с общим туалетом и горячей водой в душевой на этаже, которую включали всего два раза в день. Одним словом, обстановка спланивала. Гончаров стал неформальным научным лидером нашего коллектива, за что был прозван «*боши*», то есть обладателем ученой степени доктора. Прозвище это он получил не только за ученый вид, но и за способность читать вслух древние надписи в разных китайских храмах и даже длинные тексты на каменных стелах, чем поражал проходивших мимо китайских граждан, которые сами ничего не понимали и удивлялись великой учености «заморского черта». Исследование его еще тогда не было опубликовано, время стажировки он, очевидно, использовал, чтобы превратить диссертацию в книгу или на какие-то другие благородные дела. Но тогда я о них немного знал, так как в основном потратил стажировку на путешествия, которые потом описал в книге, написанной с коллегой-стажером А.Д. Дикаревым [Дикарев, Лукин, 1989].

Вспомнил я о его исследованиях несколько позже. Выше я говорил лишь об одном направлении размышлений, навеянном в том числе и спорами С.Н. Гончарова с его оппонентами. Оно естественно для людей, живших в обществе, в котором господствовала официальная марксистская идеология. Другое, более общее направление возникло у меня лишь когда я лучше познакомился с немарксистскими социологией и политологией в аспирантуре Оксфордского университета, то есть в начале 90-х годов. Оно касается уступок, которые вынуждены делать мировоззренческие системы под давлением обстоятельств и которые могут привести к серьезным изменениям изначальной доктрины, а в наиболее радикальном случае — и к ее краху. Если говорить об идеологиях, например, о том же марксизме, то мы легко это можем увидеть на многих примерах. Основатели марксизма, например, считали, что пролетарская, коммунистическая революция должна первоначально произойти одновременно в наиболее развитых странах. В одной из работ Ф. Энгельс четко перечисляет их: Англия, Америка, Франция и Германия [Энгельс, 1955, с. 329–330, 334]. Лидер российских радикальных марксистов В.И. Ленин для обоснования своего стремления захватить власть в собственной стране, не входившей в число высокоразвитых, видоизменил доктрину, включив в нее теорию «слабого звена» мирового империализма. Согласно ей, революция может первоначально произойти в России как стране, где наиболее велики противоречия, а оттуда распространиться на развитый мир. После 1917 г. в связи с тем, что этого распространения в реальности не произошло, сменивший В.И. Ленина И.В. Сталин для легитимации собственной власти выступил с теорией возможности построения социализма в одной стране. Китайские же коммунисты, действовавшие в еще более отсталой стране, где почти не было революционного класса — пролетариата, для обоснования своего захвата власти в ней замени-

ли его на крестьянство, а затем объявили, что находятся лишь на «начальном этапе строительства социализма», который будет длиться сто или более лет. В итоге учение о революции в развитых странах, результатом которой должно стать быстрое достижение коммунизма, уже подготовленного в рамках капитализма, превратилась в теорию революции в отсталой стране, которая привела лишь к более чем вековому переходному периоду. Такова сила интересов правящей группы и исторических обстоятельств.

Конечно, китайские коммунисты, догнав и перегнав развитые страны, через пару веков могут вспомнить о том, что пора им уже переходить к коммунизму. Но боюсь, что проверить это нам уже не удастся. Так или иначе, в СССР социализм потерпел крах, и произошло это и не в последнюю очередь потому, что официальная доктрина, говорившая о том, что социализм — общество более совершенное, чем капитализм, стала настолько противоречить действительности, что убедившиеся в этом после открытия границ при М.С. Горбачеве бывшие марксисты вообще ликвидировали всю доктрину, а вместе с ней и управлявшуюся с ее помощью страну. А ведущий критик марксизма А.А. Зиновьев так горестно воспринял исчезновение предмета своего анализа, что от его критики перешел к воспеванию.

Между тем эволюция мировоззрения людей, воспитанных на советском марксизме, стала темой моей оксфордской диссертации, а затем и первой научной книги. Она была посвящена не Китаю, а деятелям российского демократического движения периода перестройки, многие из которых поначалу были искренними официальными марксистами, однако по мере знакомства с новой информацией и фактами, полившись на них мощным потоком, переходили от официального брежневизма к ленинизму, и далее к Марксу, Гегелю, на котором основывался Маркс, а оттуда — уже к открытому антимарксизму [Лукин, 2005].

Однако процесс видоизменения мировоззрения касается не только идеологии и вообще политической сферы, но любой системы представлений, даже научных. В своей весьма примечательной работе «Структура научных революций» американский социолог Т. Кун ясно показал, что даже научные мировоззрения, которые он назвал «парадигмами», развиваются не по простой линии от простого к сложному, от ложного к истинному, а имеют тенденции к устойчивости и отторжению всего, что не укладывается в их рамки. Они меняются лишь постепенно и только тогда, когда давление новой информации, им противоречащей, становится уже слишком мощным. При этом процесс смены научных парадигм во многом также зависит от материальных, карьерных и прочих интересов различных групп их носителей, и меняться они могут в самых разных направлениях, то есть движение науки в каком-то одном направлении не предопределено [Кун, 2003].

Все это вполне сочетается с выводами С.Н. Гончарова. И кстати, общие идеи Т. Куна были основаны на ранее проведенном весьма убедительном кейс-стади, подобном исследованию Гончарова, но, конечно, сделанном на совершенно другом материале [Kuhn, 1957]. Думаю, что для китаеведов первый фундаментальный труд Сергея Николаевича должен играть не меньшую роль, чем исследование Т. Куна для мировой социологии. По крайней мере, для меня это так.

Крах СССР и Корейская война

После возвращения со стажировки я нечасто встречал Сергея Николаевича, возможно, только несколько раз в год, например, на тех же конференциях «Общество и государство в Китае». Он начал заниматься современными российско-китайскими отношениями в ИДВ, а я работал в посольстве в Пекине, а затем меня на некоторое закрутила политическая стихия перестройки. Но именно с этим временем связана одна интересная история, к которой, как потом оказалось, и он, и я имели некоторое отношение, причем он — гораздо большее. Речь идет о падении О.Б. Рахманина, все-сильного заместителя заведующего Отделом ЦК (так для конспирации называли Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, так как связей этих в теории быть было не должно, а отношения должны были развиваться на межгосударственном уровне). Рахманин был лидером группировки, которую в китаеведческих кругах того времени называли «китобоями», то есть тех, кто выступал против улучшения отношений с Китаем в связи с тем, что китайские реформы вели его к ревизии истинного марксизма и советской модели. Если раньше они критиковали маоистский Китай за левый уклон, то теперь призывали винить его за «правый». Пришедший же к власти в 1985 г. М.С. Горбачев также запланировал реформы, он интересовался китайским опытом и не спешил следовать советам этой группы. В марте 1986 г. Горбачев сменил заведующего Отделом К.В. Русакова на своего сторонника В.А. Медведева и, очевидно, поручил ему разобраться с этим вопросом. Медведев же, как видно из его воспоминаний, решил, что с Рахманиным каши не сварить, и искал предлог, чтобы его уволить. Но предлог должен был быть основательным, так как Рахманин проработал в Отделе десятки лет и имел в аппарате ЦК большое влияние.

Из воспоминаний В.А. Медведева видно, что ему не понравилась изданная незадолго до этого книга Рахманина о советско-китайских отношениях, из которой он сделал вывод, что «в понимании отношений между соцстранами и более общих вопросов мировой ситуации Рахманин был глубоко привержен простым, но безнадежно устаревшим стереотипам прошлого» [Медведев, 1994, с. 23]. Но этого, видимо, было мало. Тем не менее вскоре Рахманин был все же уволен.

Е.П. Бажанов — китаевед, работавший в то время под началом Рахманина в Отделе, но скрытно придерживавшийся совсем иных убеждений, который руководил моей стажировкой в пекинском посольстве и с которым у меня затем сохранились хорошие отношения, рассказывал мне потом, что важным, если не важнейшим, предлогом оказались записи бесед С.Н. Гончарова с тогдашним корреспондентом китайской газеты «Гуанмин жибао» в Москве Гао Фэнью. В этих записях, в частности, говорилось, что, по словам Гао Фэнью, в Пекине Рахманина и его наиболее влиятельного сторонника, заместителя министра иностранных дел СССР М.С. Капицу, считают «четвертым препятствием» на пути нормализации советско-китайских отношений (официальная китайская позиция заключалась в устранении «трех препятствий»: советской военной помощи Вьетнаму в его операции против «красных кхмеров» в Камбодже, размещения советских войск в Монголии и милитаризации советской границы с Китаем).

Позднее я рассказывал об этом С.Н. Гончарову, но тот не воспринял все это с большой серьезностью. Это и понятно, ведь никаких письменных доказательств этого факта не было. Были лишь сказанные мне слова Е.П. Бажанова, которые я мог не так понять, да и сам он мог что-то приукрасить или перепутать. Но гораздо позже в своих воспоминаниях, в окончательном виде опубликованных в 2017 г., Е.П. Бажанов написал об этой истории вполне определенно, не упомянув лишь прямо имени Сергея Николаевича:

«Наконец, в августе 1987 года Рахманина с работы сняли. Одновременно М.С. Капицу из МИДа перевели директором в Институт востоковедения АН СССР. Чашу терпения М.С. Горбачева переполнили высказывания московского корреспондента газеты “Гуанмин жибао”, о которых кто-то проинформировал Генерального. Корреспондент в беседе с советским научным работником сообщил, что Дэн Сяопину очень не нравятся некоторые заявления советских официальных лиц, расходящихся с официальной линией М.С. Горбачева. Особая неприязнь накопилась к М.С. Капице, который демонстрирует “пренебрежительное отношение” к КНР, вразрез с Горбачевым утверждает, что “все происходящее в Кампучии является необратимым”. Деятельность Капицы превратилась, мол, в “четвертое препятствие” в китайско-советских отношениях. Другие представители КНР в конфиденциальном порядке добавляли, что Рахманин — “еще большее препятствие”» [Бажанов, 2017, с. 141–142].

В недавней статье, опубликованной в журнале «Российское китаеведение», С.Н. Гончаров, комментируя этот отрывок, пишет следующее:

«Речь здесь, скорее всего, идет о следующем. По поручению руководства ИДВ в качестве заведующего сектором изучения и прогнозирования советско-китайских отношений я стал регулярно встречаться один на один с московским корреспондентом газеты “Гуанмин жибао” Гао Фэнъи — очень энергичным и умным человеком, прекрасно говорившим по-русски. Встречи эти подчас происходили в очень необычных местах — например в пустынных аллеях на задворках ЦПКиО. Гао Фэнъи сообщал мне чрезвычайно деликатную информацию, исходящую от высшего руководства КНР, прямо связанную с нормализацией двусторонних отношений. После бесед я по памяти делал их подробные записи и передавал их директору ИДВ М.Л. Титаренко, который направлял их руководству страны. Несколько раз Михаил Леонтьевич сообщал мне, что по этим докладам принимались серьезные решения на самом высшем уровне. После Москвы Гао Фэнъи стал корреспондентом “Гуанмин жибао” в Вашингтоне. Когда в середине 90-х годов я приступил к работе в российском Посольстве в Пекине, то не без удивления обнаружил, что Гао Фэнъи, после возвращения из США, занял должность помощника министра государственной безопасности КНР» [Гончаров, 2025, с. 155–156, сн. 9].

Таким образом, вырисовывается следующая вполне вероятная схема: С.Н. Гончаров, занимаясь российско-китайскими отношениями, проводил беседы с Гао Фэнъи, в которых их обсуждал, естественно, исходя из собственных взглядов. А был он со-

всем не «китобоем», а, по собственному признанию, сторонником другой группы, выступавшей за улучшение двусторонних отношений и изучение опыта китайских реформ. Составленные после бесед записи, в которых излагались в том числе неформальные предметы беспокойства китайской стороны, передавал директору ИДВ М.Л. Титаренко. Тот, несмотря на то, что ранее был подчиненным и единомышленником О.Б. Рахманина, вероятно, уже уловил новые веяния, и проявив гибкость, отправлял эти записи в Отдел ЦК. Там какой-то сторонник перемен, вероятно, передавал их, минуя Рахманина, скажем, Медведеву или его новому второму заму Г.Х. Шахназарову, который также выступал за новый курс. Это мог быть Бажанов или кто-то другой, но Бажанов в любом случае хорошо знал эту историю. В результате записи или какая-то выжимка из них попала М.С. Горбачеву и, что вполне вероятно, стала одной из последних капель в деле снятия О.Б. Рахманина и М.С. Капицы. Произнес ли в действительности китайский журналист фразу «четвертое препятствие» в отношении двух лидеров «китобоев», точно не известно. На мой взгляд, это маловероятно, так как китайский представитель вообще вряд ли стал бы ввязываться во внутривососсийские аппаратные дрязги; в лучшем случае он мог бы говорить в общих чертах о некоторых позициях, которые в Пекине не одобряют. Скорее всего, это выражение вставил кто-то из русских «редакторов» материала, обрабатывавших его на пути к лидеру страны. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что по воспоминаниям Медведева, о О.Б. Рахманине как «четвертом препятствии» в то время в «международных кругах имела хождение шутка», то есть он не считал ее источником китайцев [Медведев, 1994, с. 24].

Падение О.Б. Рахманина в той ситуации, конечно, было неизбежно. Не было бы записей С.Н. Гончарова, нашли бы что-то еще. Но тот факт, что именно Сергей Николаевич вольно или невольно сыграл роль в этом немаловажном для двусторонних отношений событии, все же весьма показателен и по-своему справедлив. Это был его первый вклад в их восстановление и развитие, потом он сделал еще многое другое.

Однако деятельность Сергея Николаевича затронула не только Китай. Его второй важный труд, который я активно цитирую и популяризирую в лекциях, — это его книга о роли СССР и Китая в корейской войне «Непостоянные партнеры: Сталин, Мао и Корейская война» [Goncharov, Lewis, Xue, 1993], написанная во время стажировки в Стэнфордском университете совместно с сотрудниками этого университета Дж. Льюисом и Сюэ Литаем. Книга стала классической, так как в ней на основании многочисленных к тому времени рассекреченных документов, многие из которых были впервые введены в научный оборот, было показано, как именно началась война между севером и югом Кореи в 1950 г., кто ее начал, как северокорейский лидер Ким Ир Сен ездил за разрешением на наступление в Москву, а затем в Китай, о чем шли переговоры и чем они закончились. Конечно, всем нормальным людям и до этого было понятно, что война была начата Пхеньяном, несмотря на то что в СССР школьникам и студентам рассказывали, что дело было совсем наоборот. Но теперь это было показано документально, описана как официальная санкция Сталина, так и довольно вялое согласие Мао, к которому Ким поехал после посещения советского вождя. После публикации этой книги никаких принципиальных научных споров по этому вопросу уже быть не могло, возможны были лишь некоторые уточнения.

Были в книге и другие важные документальные находки. Например, на документах была подтверждена теория о том, что Сталин рассматривал Пекин как своеобразного заместителя Москвы (как центра мирового коммунизма) по Азии. Основываясь на документах, авторы делали следующий вывод о взглядах Сталина: «Китайцы получают собственную сферу ответственности и влияния, но будут действовать под всеобъемлющим контролем Москвы так, чтобы не поставить под угрозу ее целей. Китайцев поощряли на более активные и агрессивные действия в Азии, но лишь до той степени, чтобы в них не оказалась замешана Москва» [Ibid, p. 72].

Граница и договор 2001 года

С 1992 г. Сергей Николаевич перешел на работу в МИД, причем, как он сам утверждает, по совету моего отца В.П. Лукина, который в то время занимал довольно влиятельную должность председателя комитета по международным делам Верховного Совета России. Честно говоря, я сам не знал об этом до того, как прочитал рецензию С.Н. Гончарова на мою книгу, где он об этом рассказал [Гончаров, 2025, с. 156]. Этот поворот был, конечно, не случаен, так как отец был одним из лидеров сторонников улучшения отношений с Китаем и считал, что разделявший его взгляды Сергей Николаевич сможет придать новый импульс движению в этом направлении. А сам Сергей Николаевич, видимо, также стремился ускорить дело развития отношений России с великим соседом и тем самым внести вклад в улучшение судьбы Родины. Я говорю это не шутя. Любой, когда-либо с ним встречавшийся, знает, что в нем присутствует какое-то искреннее мощное стремление сделать что-то хорошее для науки (найти научную истину), для общества, для своей страны, вплоть до своего учреждения. Последним он, как я с удивлением обнаружил, кроме, конечно, дипломатической деятельности, активно занимался на посту советника-посланника российского посольства в Пекине. Здесь он показал себя далеко не кабинетным ученым. Раздобыв финансирование у каких-то российских компаний, он активно занялся восстановлением парка, старых могил времен Русской духовной миссии, которая существовала в этом месте до посольства, ремонтом мостиков и фонтана перед главным зданием, так что оставил он посольство в гораздо лучшем состоянии, чем оно было до него. Я отлично помню, как я как-то раз заехал в Пекин и пришел к нему в гости в посольство, он водил меня по благоустроенной территории и с гордостью рассказывал об этих изменениях.

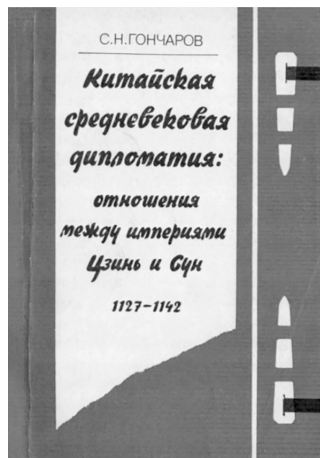
Конечно, у этого желания сделать что-то хорошее сразу во многих областях есть и обратная сторона. Мы потеряли крупнейшего специалиста по древней и средневековой китайской истории. Я всегда занимался современностью, и мне именно занятия

древностью всегда только и казались серьезным делом. Ведь рассуждать о двусторонних отношениях и облагораживать территорию посольства, честно говоря, может гораздо большее количество людей, чем, скажем, изучать документы по истории государств Цзинь и Южная Сун. Конечно, другой будет это делать не так основательно и эффективно, как Сергей Николаевич, но все же это легче. Для занятий древней и средневековой китайской историей нужен такой человек, как Сергей Николаевич. А это очень штучный товар. Но тут уж ничего не поделаешь: масштабы личности вели его в разных направлениях.

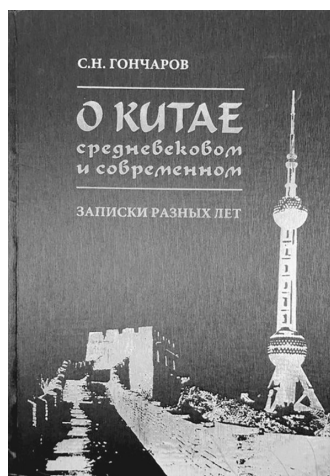
Кстати советником-посланником посольства в Пекине Сергей Николаевич поехал прямо в процессе ведения переговоров о подписании Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Китаем. Договор был подписан в 2001 г., на каждом этапе переговоров по нему он принимал самое активное участие. Этому процессу посвящена его интереснейшая статья, опубликованная в 2019 г. [Гончаров, Чжоу, 2019, с. 619–651].

Базовому российско-китайскому договору, действующему и сегодня, спустя более 20 лет после его подписания, посвящены сотни более или менее бравурных страниц, которые пишут десятки людей, особенно в его круглые годовщины. Статья же, написанная С.Н. Гончаровым совместно с китайским дипломатом Чжоу Ли, участвовавшим в разработке текста договора с другой стороны, коренным образом отличается от всех прочих. Первоначально написанная на китайском языке, а затем переведенная на русский (для С.Н. это не являлось проблемой)¹, она читается как захватывающий детектив и в то же время пособие по реальной дипломатии: в ней подробнейшим образом излагается работа каждой из сторон над отдельными формулировками, стремление соблюсти национальные интересы, компромиссы и пути достижения окончательного консенсуса. При этом не без элементов психологического анализа рисуются личности тех, кто работал над договором, их позиции и, что самое важное, рост взаимного доверия в процессе совместной российско-китайской работы. Я всегда рекомендую эту статью своим студентам и давал бы ее читать всем, кто изучает дипломатию или хотел бы изучать ее, как пример реальной дипломатической деятельности двух влиятельных мировых держав.

Другая важнейшая статья С.Н. Гончарова, написанная несколько раньше вместе с Ли Даньхуэй, которая в то время работала профессором Пекинского университета, — также пример глубокого дипломатического анализа. Она посвящена опровержению мифа, широко распространенного в СССР, где он поддерживался официально, да и в некоторых кругах и в сегодняшней России, о якобы предъявлявшихся КНР

¹ В несколько отредактированном виде она была перепечатана под заголовком «Фундамент для отношений. О переговорах по российско-китайскому Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» в год 20-летия договора в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 4, июль-август 2021, с. 138–152).

территориальных претензиях к СССР. В статье, фактически закрывшей данный вопрос, на конкретных документах показано, что даже знаменитое заявление Мао Цзэдуна, сделанное 10 июля 1964 г. во время беседы с делегацией японской соцпартии, в действительности нельзя квалифицировать как выдвижение официальных претензий, так как оно не содержало прямого призыва к возврату каких-либо территорий, а впоследствии было разъяснено китайским вождем в том плане, что он ничего такого не имел в виду. При этом вывод этот делается не на пустом месте, а на основе анализа полной стенограммы беседы и последующих заявлений Мао, впервые переведенных на русский язык [Гончаров, Ли, 2004, с. 44–52].

Говоря о 2001 году, нельзя не упомянуть о нашей встрече в Пекине в знаменательную дату 11 сентября. Свое нахождение в китайской столице в этот день я уже описывал довольно подробно [Лукин, 2024, с. 832–833]. Тогда моего отца, занимавшего пост заместителя председателя Госдумы, пригласили в Пекин на довольно престижную конференцию под названием «Китай и мир в XXI веке». Организовавшее его Китайское народное общество по изучению внешней политики, фактически подчиняющееся МИД, решило устроить мероприятие с размахом. От Китая выступал Цянь Цичэнь, член Госсовета, курировавший внешнюю политику. Среди приглашенных были бывшие и действующие политики: бывший помощник президента США Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский, бывший канцлер ФРГ Г. Коль, бывший председатель Еврокомиссии Ж. Сантер, бывший ген-

сек ООН Б. Гали, бывший премьер-министр Японии Т. Кайфу и другие. Китайская сторона принимала всех с женами, детьми и помощниками. Предполагалось на рубеже веков заявить о новой роли растущего Китая в мировом развитии и получить одобрение влиятельных мировых фигур. Но события пошли по другому сценарию.

Конференция началась 10 сентября, и на второй ее день вечером мы с братом пошли в номер родителей, чтобы за бутылкой шампанского, которую радушные хозяева выдавали им каждый день, обсудить намеченную на следующий день, 12 сентября, встречу с премьером Госсовета Ли Пэном в Доме народных собраний. Встреча была специфической, на нее пригласили всю нашу семью, Ли Пэн также должен был быть с супругой, что означало особое радушие, так сказать, встречу по-семейному. Ждали также и Сергея Николаевича, который тоже должен был участвовать в завтрашней встрече от посольства. В тот момент он был временным поверенным в делах, так как посол И.А. Рогачев по каким-то делам, кажется, поехал в Россию.

В номере фоново работал телевизор, и я обратил внимание на какой-то детектив с падением самолетов на центр Нью-Йорка, который при ближайшем рассмотрении оказался не детективом, а самой настоящей реальностью. Как вспоминал сам Сергей Николаевич, он пришел как раз ко второму самолету и смотрел все это действо вместе с нами. Мы стали гадать, отменят ли встречу и что на ней нужно говорить, и решили действовать по обстоятельствам. Дальнейшее описано в книге самого С.Н. Гончарова о Ли Пэне [Гончаров, 2024, с. 294]. Встреча состоялась и Ли Пэн активно обсуждал события, спрашивал мнение отца и призывал по-новому подойти к вопросам безопасности.

Наука и практика

В дальнейшем Сергей Николаевич продолжил практическую деятельность. Завершив свое пребывание в посольстве, он ушел с дипломатической работы, на которой, в частности, занимался вопросами энергетического сотрудничества и возглавил открытое в 2006 г. представительство Роснефти в Пекине, которое занималось проектами не только в Китае, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он сыграл значительную роль в развитии этого ключевого направления российско-китайского сотрудничества, в частности в переговорах о строительстве первого российского нефтепровода в Китай. Затем некоторое время работал представителем в Китае другого российского экономического гиганта — «Русала». При этом не забывал и о научной и педагогической работе, преподавал в китайских университетах, выпустил сборник своих работ [Гончаров, 2006], а также уникальный труд о российско-китайском военно-техническом сотрудничестве [Гончаров, 2013].

При этом все его работы, несмотря на разнообразие тем и периодов, обладали общими чертами, которые характерны для настоящих научных трудов. Они основаны на огромном количестве первоисточников и литературы, в основном на китайском языке, на котором Сергей Николаевич свободно читает и пишет. Самые значительные источники он сам переводит на русский язык и публикует в приложениях или в основном тексте своих работ, иногда даже несколько увлекаясь цитатами и различными пояснениями. Большинство его трудов основано на личном опыте работы в Китае и с Китаем. Это связано с его уникальной чертой: он способен установить дружеские отношения с китайцами из любых слоев общества — от таксиста до вице-премьера, и все они в итоге становятся для него добровольными источниками познаний об этой стране. Вероятно, это связано с его искренней и радушной готовностью разъяснить и им всем, что они хотят знать о России, а также с тем, что для них (как и, например, для меня), благодаря своим внешним и внутренним качествам, он представляется каким-то типичным и весьма колоритным представителем русского народа.

Как-то я заходил к нему в гости в Пекине. Жил он, конечно, неплохо, в доме, довольно далеко от шумного центра, в огороженном и ухоженном компаунде. Мы некоторое время посидели за столом, как и принято, но самым интересным стало посещение второго этажа, где располагался его кабинет. Здесь все было по-научному: полки ломились от книг, в основном китайских, на столе лежали раскрытые фолианты с какими-то

подчеркнутыми строчками, валялись листы напечатанного текста, а хозяин, естественно, как и положено в кругу ученых-китаеведов, с сильным волнением говорил о судьбе Китая, родины и мира. И я подумал, что для этого человека главное именно это, а не внешние атрибуты жизни, а значит, он молод душой и, несмотря на свои годы, еще порадует нас многими интересными трудами.

Так и случилось. Через какое-то время в период пандемии он засобиравшись в Россию, где хотел полностью вернуться к научной деятельности. Еще даже не возвратившись, он согласился прочитать несколько лекций онлайн в рамках моего курса для аспирантов по проблемам востоковедения. И наши аспиранты получили блестящий рассказ об истории китайских реформ начиная с Дэн Сяопина до сегодняшнего дня, причем от человека, бывшего их свидетелем и одновременно глубоко их изучавшего. Не знаю, как аспиранты, а я слушал эти лекции с огромным интересом и узнал из них много нового. Главный пафос его выступлений сводился к тому, что успех китайских реформ был не предопределен и шли они совсем не гладко, как это иногда считается, но сталкиваясь с многочисленными проблемами и ошибочными решениями, которые китайским лидерам все же удавалось решать и исправлять. Такое объективное, но благожелательное отношение к Китаю он пронес через долгие годы.

Я, конечно, захотел заполучить такого серьезного ученого к нам в Высшую школу экономики, и договорился о том, чтобы его приняли профессором в Школу востоковедения нашего факультета мировой экономики и мировой политики. Но отнеслись к нему не как к уникальному специалисту, а как обычному преподавателю, загружая преподавательскими «часами» и требуя многочисленной сложной отчетности. В результате через некоторое время он перешел на работу в отдел Китая Института востоковедения РАН, где смог сконцентрироваться на научной работе и издании статей и книг, чем с успехом и занимается до сих пор.

Заключение

Сергей Николаевич, безусловно, человек выдающийся. Это совершенно не значит, что я с ним во всем согласен. На мой вкус, иногда он слишком увлекается сиюминутными вопросами и, как бы не в полной мере используя свои уникальные возможности, пишет о том, о чем могли бы написать и другие. Кроме того, как человек, хорошо знакомый с китайской классикой, он склонен несколько преувеличивать ее значение в жизни современных китайцев, считает их всех последователями Конфуция, которого некоторые из них даже и не читали.

Но все это не так важно. Есть люди, специалисты, которые могут увлекаться, что-то преувеличивать, чего-то недооценивать. Но они стоят настолько выше среднего уровня, что их работы нет смысла рассматривать с точки зрения верности или неверности. Точнее, оценивать и даже критиковать, конечно, можно, но все же все их идеи заслуживают быть обнародованными, так как их дискурс стоит как бы выше простого понятия верного и неверного, он сам является частью культуры. Да и, как сказал недавний римский папа, кто я такой, чтобы судить. Поэтому, как только мы основали журнал «Российское китаеведение», я сразу сказал Сергею Николаевичу: пиши что хочешь и сколько хо-

чешь, мы все опубликуем. Мы можем, конечно, в порядке дискуссии, опубликовать и критику работ С.Н. Гончарова, но самого его никак ограничивать не будем, ведь он — живой классик китаеведения.

Так что, дорогой Сергей Николаевич, примите наши искренние поздравления и работайте дальше, долго и плодотворно на благо родины и науки!

Библиографический список

- Лукин А.В. Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет! // А.В. Лукин. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). М.: ИКСА РАН, 2024.
- Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1975.
- Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986.
- Лукин А.В. Идеология китайского национализма в работах Дай Цзитао о Японии // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М.: Наука, 1986.
- Зиновьев А.А. О социальном статусе марксизма // А.А. Зиновьев. Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 25–33.
- Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Азбука, 2014. С. 59–63.
- Дикарев А.Д., Лукин А.В. Три путешествия по Китаю. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.
- Лукин А.В. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских демократов (1985–1991). М.: Науч. книга, 2005.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994.
- Бажанов Е.П. Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества. Т. 5, ч. 7: «Разбитые мечты». М.: Дашков и Ко, 2017.
- Гончаров С.Н. Тернистый путь к познанию неизбежного будущего // Российское китаеведение. 2025. №1(10).
- Гончаров С.Н., Чжоу Ли. О формировании текста российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Общество и государство в Китае. XLIX конф. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019.
- Гончаров С.Н., Чжоу Ли. Фундамент для отношений // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 138–152.
- Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» // Россия и АТР. 2004. №4.
- Лукин А.В. Китаеведы-практики в моей жизни // А.В. Лукин. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). М.: ИКСА РАН, 2024.
- Гончаров С.Н. Премьер Ли Пэн и Тяньваньская атомная электростанция. М.: ИВ РАН, 2024.
- Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном. Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006.
- Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М.: ИВ РАН, 2013.

References

- Bazhanov E.P. (2017). *Mig i vechnost'. Istoriya odnoi zhizni i nablyudeniya za zhizn'yu vsego chelovechestva*. T. 5, ch. 7: "Razbitye mecht'y" [A Moment and Eternity. The Story of One Life and Observations of the Whole of Humanity. Vol. 5, Pt. 7: "Shattered Dreams"]. Moscow, Dashkov i Ko. (In Russian).
- Dikarev A.D., Lukin A.V. (1989). *Tri puteshestviya po Kitayu* [Three Journeys Through China]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Engels F. (1955). *Printsiipy kommunizma* [Principles of Communism]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 4 [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Gospolitizdat. (In Russian).
- Goncharov S.N. (1986). *Kitayskaya srednevekovaya diplomatiya: otnosheniya mezhdru imperiyami Tszin' i Sun, 1127–1142* [Medieval Chinese Diplomacy: Relations Between the Jin and Song Empires, 1127–1142]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2006). *O Kitae srednevekovom i sovremennom. Zapiski raznykh let* [On Medieval and Modern China. Notes from Different Years]. Novosibirsk, Nauka. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2013). *Zametki o voenno-tekhnicheskoy sotrudnichestve Kitaya s SSSR i Rossiyei vo vtoroy polovine XX veka* [Notes on China's Military-Technical Cooperation with the USSR and Russia in the Second Half of the 20th Century]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2024). *Prem'er Li Pen i Tyanyvanskaya atomnaya elektrostantsiya* [Premier Li Peng and the Tianwan Nuclear Power Plant]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2025). *Ternisty put' k poznaniyu neizbezhnogo budushchego* [The Thorny Path to Understanding the Inevitable Future]. *Rossiyskoye kitaevedenie* [Russian Synology]. No. 1(10). (In Russian).
- Goncharov S.N., Li Danhui (2004). *O "territorial'nykh pretenziyakh" i "neravnopravnykh dogovorakh"* [On "Territorial Claims" and "Unequal Treaties"]. *Rossiya i ATR*. No. 4. (In Russian).
- Goncharov S.N., Zhou Li (2019). *O formirovaniy teksta rossiysko-kitayskogo Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve* [On the Drafting of the Russian-Chinese Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. XLIX konf. Ch. 1* [Society and State in China. 49th Conf. Pt. 1]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N., Zhou Li (2021). *Fundament dlya otnosheniy* [The Foundation for Relations]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs]. No. 4. P. 138–152. (In Russian).
- Kuhn T. (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST. (In Russian).
- Lukin A.V. (1986). *Ideologiya kitayskogo natsionalizma v rabotakh Day Tszytao o Yaponii* [The Ideology of Chinese Nationalism in Dai Jitao's Works on Japan]. In: *XVII nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae". Tezisy dokladov. Ch. 3* [17th Scientific Conference "Society and State in China." Abstracts. Pt. 3]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Lukin A.V. (2005). *Nevezhestvo protiv nespravedlivosti. Politicheskaya kul'tura rossiyskikh demokratov (1985–1991)* [Ignorance Versus Injustice. The Political Culture of Russian Democrats (1985–1991)]. Moscow, Nauchnaya kniga. (In Russian).
- Lukin A.V. (2024). *Artemu Igorevichu Kobzevu 70 let!* [Artyom Kobzev Turns 70!]. In: A.V. Lukin. *Rossiya i Kitay v menyayushchemsya mire: stat'i i perevody (2015–2024)* [Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)]. Moscow, IKSA RAN. (In Russian).
- Lukin A.V. (2024). *Kitaevedy-praktiki v moyey zhizni* [China Specialists in My Life]. In: A.V. Lukin. *Rossiya i Kitay v menyayushchemsya mire: stat'i i perevody (2015–2024)* [Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)]. Moscow, IKSA RAN. (In Russian).
- Mamardashvili M.K. (2014). *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [An Essay on Modern European Philosophy]. Moscow, Azbuka. P. 59–63. (In Russian).
- Martynov A.S. (1975). *Status Tibeta v XVII–XVIII vv. v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy* [The Status of Tibet in the 17th–18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Thought]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Medvedev V.A. (1994). *Raspad. Kak on nazreval v "mirovoy sisteme sotsializma"* [Collapse: How It Ripened in the "World Socialist System"]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Zinov'ev A.A. (1979). O sotsial'nom statuse marksizma [On the Social Status of Marxism]. In: A.A. Zinov'ev. Bez illuziy [Without Illusions]. Lausanne, L'Age d'Homme. P. 25–33. (In Russian).

* * *

Deng Liqun 邓力群 (1986). Fang ri gui lai de si suo 访日归来的思索 [Reflections after Visiting Japan]. Jing ji guan li 经济管理. No. 3. P. 7–14. (In Chinese).

Goncharov Sergei N., John W. Lewis, and Xue Litai (1993). Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, CA: Stanford University Press. 412 p.

Kuhn Thomas S. (1957). The Copernican Revolution. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.

Поступила в редакцию: 10.05.2025. Received: 10 May 2025.

Принята к публикации: 20.05.2025. Accepted: 20 May 2025.

*А.Л. Верченко*¹

Город, влюбленный в Китай: опыт рефлексии «тамбовского китаеведения»

A·L·韦尔琴科

一座爱上中国的城市：“坦波夫汉学”的反思经验

*Alla L. Verchenko*²

A City in Love with China: Reflections on “Tambov Sinology”

Наука как триггер интереса к Китаю

В феврале 2025 г. в Тамбовском госуниверситете имени Г.Р. Державина, учебном заведении с более чем столетней историей, создан Центр изучения Китая. Инициатором возрождения научного исследования современных политических, социально-экономических процессов, внешней политики Китая стал ректор университета — коренной тамбовчанин с фундаментальным московским образованием, заинтересованный в расширении горизонтов научных изысканий, ученый-экономист Павел Сергеевич Моисеев.

Задачи Центра состоят не только в изучении и анализе китайской проблематики, но и, что не менее важно, в содействии формированию устойчивого, неконъюнктурного интереса студенчества и профессорско-преподавательского состава к ценностям китайской цивилизации, воспитанию их приверженности дружбе и сотрудничеству между Россией и Китаем. В широком же контексте предполагается, что Центр вовле-

¹ Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

² Verchenko Alla L., Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia RAS (ICCA RAS). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

чет разнообразные неакадемические сообщества, предметно интересующиеся Китаем, в общее китаеведческое русло, тем самым придав их деятельности новый импульс.

Центр возглавил кандидат исторических наук, китаист с большим научным стажем Игорь Евгеньевич Пожилов. Именно он, приехав в Тамбов после окончания аспирантуры ИДВ АН СССР, поставил изучение Китая на крепкую научную базу. С 1990 г. на Историческом факультете ТГУ И.Е. Пожилов начал преподавать предмет «Новая и новейшая история стран Азии и Африки», ряд спецкурсов. Он же на общественных началах вел обучение китайскому языку студентов и аспирантов.

И.Е. Пожилов заложил в регионе основы научного китаеведения. Он активно занимался изучением военно-политической истории КПК, истории вооруженных сил компартии, биографий видных военачальников, аграрной революции в советских районах Южного Китая. Его монографии «Чжу Дэ. Политическая биография»³ и «Стальной воитель: из жизни юньнаньского генерала Чжу Дэ»⁴ остаются самыми полными и профессиональными исследованиями личности одного из главных авторов победы китайского народа в гражданской войне 1946–1949 гг. и образования Китайской Народной Республики, главкома китайской армии, одного из 10 китайских маршалов. Опубликованные в период работы в Институте Дальнего Востока / Институте Китая и современной Азии РАН отмечены новыми открытиями в изучении военно-политических процессов в Китае до 1949 г. и темы военного строительства в КНР⁵.

Коллеги отличают глубокое проникновение в тему, введение в научный оборот китайских первоисточников, неизвестных ранее оригинальных документов и материалов, из чего проистекает неизменная научная новизна его работ и порождается их соответствие реалиям прошлого и исторической правде в целом. Для трудов Пожилова характерен легко отличимый авторский стиль, ярко и рельефно воссоздающий события эпохи во всех ее важнейших проявлениях и существенных деталях, в том числе психосоциальных явлений и ментальности масс в революционных коллизиях новейшего периода истории Китая. Это обстоятельство представляется существенным, поскольку в отличие от политических интерпретаций, именно такой анализ революционного действия открывает качественно новые возможности для ученого-историка. Ученики И.Е. Пожилова в курсовых и дипломных работах преемственно наследовали подходы научного руководителя.

Потребность проведения научного анализа советских/российских и китайских политических реалий привела к обращению к изучению Китая доктора политических наук, профессора Тамбовского государственного университета Дмитрия Григорьевича Сельцера. Полевое исследование, проведенное им в КНР в 2011 г. совместно с известным японским славистом доктором юридических наук, профессором Токийского университета Кимитака Мацузато, стало частью крупномасштабного проекта «Ре-

³ Пожилов И.Е. Чжу Дэ: политическая биография. М.: Инфра-М, 2011. 312 с.

⁴ Пожилов И.Е. Стальной воитель: из жизни юньнаньского генерала Чжу Дэ. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. 263 с.

⁵ Пожилов И.Е. Чжу Дэ о проблемах военного строительства в КНР (1949–1954 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7(102). С. 87–96.

гиональные державы в Евразии» (“Major Regional Powers in Eurasia”)⁶. В год 20-летия распада СССР Сельцер провел сравнение «кадровой политики двух правящих компартий со столь разными историческими судьбами — КПК и КПСС», «механизмов кадрового рекрутинга и отчасти состояния кадров (*ганьбу*)»⁷. Он отмечал, что для исследователей было важно понять, «каков китайский кадровый рекрутинг ..., как он соотносится с общей логикой кадровой политики КНР и чем отличается от известного советского опыта»⁸. Для решения поставленной задачи в двух провинциях (Хэйлунцзян и Цзянсу), а также в Пекине и Шанхае ученые провели десятки интервью. Результатом исследования стали выводы о неизбежном распаде КНР и уходе КПК с исторической арены в случае потери партией контрольной кадровой функции. Авторы пришли к заключению, что без такого контроля КНР-КПК повторят судьбу СССР-КПСС⁹. В ходе полевого исследования российский ученый прочитал лекции магистрантам Восточно-китайского педагогического института (Шанхай) и научным сотрудникам Института политологии КАОН.

В 2020–2022 гг. Д.Г. Сельцер возглавил научный коллектив, реализовавший проект «Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано “так” в китайском примере и что случилось “не так” — в советском?»¹⁰. Коллектив дал существенное приращение знаний относительно характера кадровых процессов двух стран-цивилизаций на переломе исторических эпох.

Китайскую тематику в ТГУ продолжил аспирант Д.Г. Сельцера Лу Сяо. Исследуя трансформацию подходов к подготовке кадров в КНР, он в соавторстве с научным руководителем подготовил статью о воспитании национальной элиты в Китае¹¹ и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук «Кадровые трансформации в контексте политических процессов КНР: политологический анализ».

Выпускники Державинского университета востребованы в Китае, как в практической, так и научно-преподавательской сферах. Один из них Чжу Сюй работает в совместном университете МГУ и Пекинского политеха в Шэньчжэне.

Державинский университет и Тамбовское региональное отделение ОРКД как центры китаеведения

В Тамбове очень силен «китайский дух», и Тамбовский госуниверситет стремится поддерживать его не только в научно-исследовательском, но и в практическом пространстве.

⁶ Мапузато К. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 113–133.

⁷ Там же. С. 114–115.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 115–116.

¹⁰ Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано «так» в китайском примере и что случилось «не так» — в советском?

¹¹ Лу Сяо, Д.Г. Сельцер. Меритократия как принцип формирования управленческой элиты современного Китая // Вопросы политологии. 2022. 8 (64) С. 2618–2626

Интерес к стране подстегивают многочисленные китайские студенты и аспиранты, красочные мероприятия, которые проводит Китайский культурно-просветительский центр, работающие при нем кружки. Число желающих изучать китайский язык далеко превышает возможности имеющихся учебных центров. Сегодня интерес к Китаю и китайскому языку проявляют очень многие молодые люди, видя в освоении специальности востоковеда большие возможности для роста. Ответом на требования времени стала подготовка в ТГУ лингвистов с китайской специализацией.

Большой вклад в развитие китайской темы вносит тамбовское региональное отделение Общества российско-китайской дружбы (ТРО ОРКД). Идея его создания принадлежала сообществу тамбовских китаефилов. Их лидер Дмитрий Сергеевич Кребс предложил Д.Г. Сельцеру использовать организационные ресурсы университета для создания такого общества. Тогдашний ректор университета Владимир Юрьевич Стромов идею поддержал, и 13 июля 2017 г. Управление Министерства юстиции РФ по Тамбовской области зарегистрировало региональное Общество российско-китайской дружбы. Его возглавил В.Ю. Стромов¹². Организаторы ТРО ОРКД видели в самом событии большой смысл и широкие перспективы для университета и региона, ведь 2018–2019 гг. были годами межрегионального сотрудничества России и Китая, приуроченными к 400-летию установления российско-китайских отношений. Организаторы отчетливо понимали, что общество послужит упрочению дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем, укреплению связей Тамбовской области с регионами КНР по многим направлениям.

Учредительное собрание состоялось 25 сентября 2017 г. Образование регионального отделения Общества российско-китайской дружбы — событие огромного значения, и в этой мысли были едины все участники первого собрания общества. Особую торжественность событию придало участие в нем делегации Университета Циндао во главе с его ректором Фань Юэцзинем, который напомнил, что в Китае русский народ считают братским, и выразил надежду, что сотрудничество университетов, переступив двадцатилетний рубеж, продолжится, принося пользу учебным заведениям Тамбовской области и провинции Шаньдун. Державинский университет давно и плодотворно сотрудничает с несколькими китайскими университетами. Договор с университетом Циндао был подписан в 1997 г., и за это время удалось реализовать ряд успешных совместных проектов.

Делегация ТГУ имени Г.Р. Державина 25–27 октября 2017 г. нанесла ответный визит в Циндао. «Во время визита состоялась встреча Владимира Стромова с ректором Циндаоского университета Фань Юэцзинем и коллективом преподавателей юридического факультета, состоялось знакомство с инфраструктурой университета. Делегация посетила офис компании “Qingdao Ruiyuan Group” — одного из флагманов экономики КНР и Промышленной зоны освоения высоких технологий Циндао. Председателю совета директоров компании Юй Жуйшэну — многолетнему партнеру ТГУ — был вручен диплом почетного профессора Тамбовского государственного

¹² Ректор ТГУ возглавил отделение общества российско-китайской дружбы. URL: <https://tambov.bezformata.com/listnews/otdelenie-obshestve-rossijsko-kitajskoj/61168925/> (дата обращения: 25.02.2025)

университета»¹³. Значимым событием пребывания делегации ТГУ имени Г.Р. Державина в Китае стало выступление Владимира Стрומова на форуме ректоров вузов материкового Китая и Тайваня Cross-Strait University Presidents' Forum. October, 26–27, 2017. Кроме того, Стромов был первым российским ректором, выступившим перед собранием ректоров китайских вузов¹⁴, которое состоялось сразу по окончании XIX съезда КПК.

После скоропостижной кончины В.Ю. Стрומова в марте 2022 г. ректором университета и председателем ТРО ОРКД стал П.С. Моисеев, продолжив курс на развитие вузовских и научных связей с КНР. В 2023 г. он принял участие в XIII Форуме ректоров вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных регионов КНР в Харбине, тема которого была обозначена как «Стратегическое партнерство университетов России и Китая в интересах устойчивого развития двух стран», подписал несколько договоров о сотрудничестве с китайскими вузами. В настоящее время Державинский университет связан такими договорами с 15 университетами КНР, опираясь на них, ведет продуктивную межуниверситетскую работу.

Развивались контакты с Китаем и по линии ОРКД. П.С. Моисеев в составе делегации ОРКД, состоявшей из председателей региональных отделений, 9–16 апреля 2024 г. посетил КНР¹⁵. Ее целью было укрепление научно-образовательных связей регионов России и Китая. Делегация посетила четыре крупных университетских города — Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Ухань и Пекин. Наместились долгосрочные перспективы сотрудничества в области образовательных программ и научно-исследовательской работы.

В 2023 и 2024 гг. Державинский университет вместе с ТКО ОКРКД организовали прием делегаций Центрального правления ОРКД во главе с заместителями Председателя ОРКД К.М. Барским (2023 г.) и Г.В. Куликовой (2024 г.). В 2023 г. члены делегации ОРКД К.М. Барский, С.Ф. Санакоев, А.И. Донченко задали высочайшую планку тамбовской «Неделе Китая», проведя в течение нескольких дней серию встреч, круглых столов, мастер-классов.

В октябре 2024 г. «Неделя Китая в Тамбове-2024» была посвящена 75-й годовщине КНР и 75-летию установления дипломатических отношений между нашими странами. Она началась презентацией книги И.Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина»¹⁶. Его выступление по тамбовскому телевидению, многочисленные встречи Г.В. Куликовой и Председателя Российско-Азиатского Союза промышленников и предпринимателей В.В. Манкевича нашли огромный отклик у деловых кругов и общественности города, лишний раз показали необходимость профессионального подхода к изучению и трансляции китайской темы.

¹³ Ректор ТГУ Владимир Стромов выступил на Всекитайском съезде ректоров высших учебных заведений. URL: <https://tambov.bezformata.com/listnews/tgu-vladimir-stromov-vistupil/62179151/?ysclid=m89tt9s3623188272709> (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ректор Державинского университета в составе делегации Общества российской-китайской дружбы посетил Китай. URL: <https://tv.tambov.ru/news/rektora-derzhavinskogo-universiteta-v-sostave-delegaczii-obshhestva-rossijskoj-kitajskoj-druzby-posetil-kitaj/2024/04/23/> (дата обращения: 15.02.2025).

¹⁶ Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: Изд-во АСТ, 2024. 320 с.

Недавно созданный Центр изучения Китая по утвержденному Ученым советом Университета положению является и научной, и в определенной степени учебно-методической структурой, которая в том числе позволит подвести серьезную профессиональную базу под стихийно распространяющиеся в обществе представления о Китае, его истории и культуре. Центр сможет играть значимую роль в деле изучения Китая и подготовки высококвалифицированных кадров-китаистов, которые будут работать на расширение практического делового сотрудничества с Китаем. Центр намерен поддерживать связи с академической и университетской наукой, проводить научные встречи, готов работать в интересах народной дипломатии в контакте с Обществом российско-китайской дружбы, Китайским культурно-просветительским центром, Областной библиотекой им. А.С. Пушкина и другими учебно-просветительскими учреждениями.

*С.В. Уянаев*¹

Ученый, личность, патриот.

**Памяти Владимира Степановича Мясникова
(1931–2025)**

S·V·乌亚纳耶夫

学者、人物、爱国者。

缅怀弗拉基米尔·斯捷潘诺维奇·米亚斯尼科夫
(1931—2025)

*Sergey V. Uyanaev*²

A Scholar, a Personality, a Patriot:

**In Memory of Vladimir Stepanovich Myasnikov
(1931–2025)**

За день до своего 94-летия, 14 мая 2025 г. ушел из жизни крупнейший отечественный синолог, академик Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии (ИКСА РАН) Владимир Степанович Мясников.

Владимир Степанович прошел долгий, во многом уникальный и наполненный множеством событий жизненный путь. Путь, который не только сопровождал развитие советского и российского китаеведения, но и вобрал в себя ценные свидетельства масштабного, без малого векового этапа в общей истории страны.

¹ Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

² Sergey V. Uyanaev, PhD (History), Head of the Center “Russia, China, World”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

В школьные годы, когда лишь начинают складываться склонности и интересы, маленький москвич наблюдал за вагонами первой линии метро на родной Остоженке, остро переживал военное лихолетье и приход врага к воротам столицы, радовался победному салюту на Красной площади 1945-го. Студенчество в Институте Востоковедения и МГИМО совпало с подъемом страны из разрухи. А все последующие десятилетия, вместившие нарастающие синологические достижения Владимира Степановича, одновременно стали вехами покорения страной космоса, эпохой роста могущества сверхдержавы и ее непростых последующих испытаний.

Именно это символическое переплетение, объединившее редкостную личную и профессиональную судьбу с летописью государства, делает сегодняшнюю утрату особенно невосполнимой.

Академик Мясников посвятил служению науке свыше 70 лет. Почти полвека из них прошли в стенах головного отечественного академического центра по проблемам Китая, ныне носящего название «Институт Китая и современной Азии РАН».

В 1950-е гг. молодой начинающий исследователь Института Китаеведения АН СССР делал первые, но уже тогда заметные шаги в деле освоения любимого дела. Затем, после закрытия Института Китаеведения и его возрождения в 1966 г. в виде Института Дальнего Востока АН СССР (РАН) последовали почти четыре десятилетия, за которые Владимир Степанович прошел путь от рядового сотрудника и позже ученого секретаря до многолетнего заместителя директора Института. Академик стоял у истоков Ассоциации китаеведов РАН, активно участвовал в развитии уникальной научной школы. Войдя в состав отечественной академии наук еще в советский период (звание члена-корреспондента АН СССР в декабре 1990 г.), В.С. Мясников через семь лет был избран академиком РАН по специальности «Всеобщая история и востоковедение», а позднее являлся заместителем академика-секретаря Отделения истории РАН.

В последние десять лет Владимир Степанович, после некоторого перерыва, вновь трудился в родном институте, своим научным авторитетом внес ценный вклад в становление нынешнего этапа его развития как Института Китая и современной Азии.

Академик Мясников оставил после себя огромное научное наследие— свыше 500 работ, основанных на глубочайшем знании предмета исследований. Целый ряд трудов Владимира Степановича имеет несомненный новаторский характер, заслужил признание в европейском и мировом китаеведении.

Речь, прежде всего, идет о разработке актуальной и ныне темы, связанной с традиционной дипломатией Китая и ее влиянием на внешнюю политику современной КНР (теория и практика стратагемности). Став зачинателем отечественной научной школы на этом направлении, Владимир Степанович одним из первых в мировом китаеведении указал на стратагемный характер китайской внешней политики, истори-

чески впитавшей в себя уникальную древнюю традицию системности, планомерности, корреляции масштабных целей и методов их достижения. Большое внимание исследованию данного круга вопросов было уделено в защищенной в 1978 г. докторской диссертации «Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении Русского государства в XVII веке». Изданный в 1988 г. «Краткий очерк истории дипломатии» и другие работы академика, развивающие данную тему, прочно заняли мест на рабочих столах специалистов по внешней политике современного Китая, помогая лучше понять мотивы и методы реализации текущего международного курса КНР.

Владимир Степанович Мясников — руководитель и активный участник наиболее полной для отечественного Китаеведения разработки темы пограничной политики Китая и российско-китайского территориального размежевания. Выполненная в 1977 г. под руководством Владимира Степановича двухтомная коллективная монография «Формирование границ Китая» представила специалистам и всем читателям общую концепцию исторического формирования границ Китая, показала ее основные этапы и особенности.

Эта же тема получила развитие в фундаментальной монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII в.», но более всего — в выпущенной в 1996 г. книге «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы», которая тремя годами позже была удостоена престижной премии РАН имени Н.И. Кареева.

Логическим продолжением этих работ стала коллективная монография под общей редакцией В.С. Мясникова «Границы Китая: история формирования».

Нельзя не сказать, что все достижения на этом направлении стали плодом начатых еще в шесть десятилетий назад целенаправленных научных усилий, которые в октябре 1969 г. позволили Владимиру Степановичу, тогда еще молодому специалисту, в качестве эксперта войти в состав советской правительственной делегации, отправившейся в Пекин на двусторонние консультации по пограничному урегулированию.

Неоспоримы заслуги Владимира Степановича как редкостного знатока китайских архивов и ученого, уделяющего первостепенное внимание первоисточникам. Прямым воплощением систематических усилий на этом направлении явилось стартовавшее еще в конце 1960-гг. при активном участии В.С. Мясникова издание целой серии томов документальной истории взаимоотношений России с Китаем в XVII–XX вв.

В рамках данного проекта, возобновленного в 1992 г. под общим руководством академика С.Л. Тихвинского, издано 10 томов, вместивших свыше 6500 архивных документов, причем научным редактором многих из них, как и непосредственным организатором работы на всей серии, стал Владимир Степанович. Свою приверженность анализу архивных материалов академик сохранил до последних своих работ. Примером стала опубликованная в журнале «Проблемы Дальнего Востока» статья «Письма русских администраторов в Пекинском архиве», подготовленная на основе записей, сделанных будущим академиком еще в конце 1950-х гг. в архиве бывшего императорского дворца Гугун. Публикация, приводящая оригинальные тексты по-

сланий российских чиновников в адрес региональных правителей Цинского императорского двора, внесла дополнительный вклад в понимание специфики и характера отношений России и Китая в начале XIX в.

Новаторским в концептуальном осмыслении истории русско-китайских отношений признано введение академиком в анализ элементов сравнительного культуроведения, рассмотрение этих отношений как пример не просто межгосударственных, но и межкультурных контактов. В числе других теоретических заслуг академика — разработка методологии прогнозирования перспектив советско-китайских отношений, в которой активно использовались элементы комплексного системного подхода. Выполненные в таком ключе исследования и рекомендации внесли свою лепту в научное сопровождение нормализации советско-китайских отношений, в последующее поступательное развитие партнерства новой России и КНР. При участии академика велась кропотливая экспертная подготовка действующего российско-китайского «Большого договора» от 16 июля 2001 г., создавался стартовавший в начале 2000-х гг. академический диалоговый формат «Россия-Индия-Китай», соорганизатором которого ИКСА РАН продолжает выступать и сегодня.

Венцом творческой деятельности академика сегодня по праву можно считать вышедшее в 2015 г. семитомное собрание сочинений В.С. Мясникова под символическим названием «Кастальский ключ китаевода». Автор на новом уровне суммировал опыт своих многолетних синологических и востоковедческих исследований, обогатил их общечеловеческими обобщениями и размышлениями. Издание было высоко оценено научным сообществом — 2 сентября 2015 г. на национальном конкурсе «Книга года» работа получила Диплом победителя, а в 2018 г. году была удостоена престижной академической премии имени С.Ф. Ольденбурга.

Только простое дальнейшее перечисление творческих и научно-организационных заслуг академика В.С. Мясникова способно занять еще немало места. Добавим лишь, что важное место в трудах ученого заняли также вопросы истории и развития отечественного китаеведения, под научным руководством Владимира Степановича около двух десятков востоковедов стали кандидатами и докторами наук, академик являлся руководителем и участником целого ряда редколлегий авторитетных журналов и других изданий. Практически до самого последнего времени Владимир Степанович следовал любимой им заповеди — «ни дня без строчки», активно участвовал в научной жизни ИКСА РАН и Института Восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

Однако по общему мнению всех, кто хорошо знал Владимира Степановича Мясникова, его многогранные научные достижения трудно отделить от его яркого человеческого портрета.

В числе черт, которые наверняка останутся в памяти — высокая порядочность и обостренное чувство справедливости, делающие человека личностью. Исчерпывающее отражение эти качества нашли хотя бы в том, что еще в середине 1960-х молодой тогда Владимир Степанович после ухода из жизни глубоко почитаемого им наставника — П.Е. Скачкова, отложив собственную докторскую диссертацию, на несколько лет ушел в работу над двумя рукописями своего научного руководителя, объединив их в одно фундаментальное исследование — «Очерки истории русского китаеведения». Работа увидела свет в 1977 г., а Владимир Степанович, категорически

отказался от советов добавить свою фамилию в качестве соавтора. Этими же принципами Владимир Степанович не позволял себе поступаться и далее.

В этом же ряду — настоящая русская, московская интеллигентность, которую не спутать ни со столичной пропиской, ни с обладанием престижным дипломом или причастностью к некоей сословной или формальной властной элите. Уважительность к коллегам, забота о близких, память о корнях, чувство признательности к предшественникам, врожденные гражданственность и подлинный, а не кичливый патриотизм — эти черты истинного интеллигента были в полной мере присущи Владимиру Степановичу.

Причем мягкость и деликатность академик удивительным образом умел сочетать с твердостью принципов и убеждений, умением твердо сказать «нет» в ситуациях, не терпящих компромисса. Это не раз могли оценить оппоненты Владимира Степановича по порою жарким научным дискуссиям. Отдав десятилетия изучению Китая, академик не мог не испытывать глубокой привязанности к этой стране и чувства симпатии к ее трудолюбивому и талантливому народу, но был непреклонен в служении истине, особенно если речь шла об интересах родного Отечества.

Прощание с Владимиром Степановичем проходило в Санкт-Петербурге — городе, в котором академик, наряду с Москвой жил и работал в последние годы. Который считал как один из центров отечественного китаеведения и родину своих главных учителей.

Дышащий «петровской» историей зал Института Восточных рукописей РАН, ставший в это день траурным, слышал искренние прощальные слова. Все присутствующие — от директора Государственного Эрмитажа, академика Михаила Борисовича Пиотровского и директора ИВР РАН, члена-корреспондента РАН Ирины Федоровны Поповой, принявшей самое деятельное участие в траурных мероприятиях, до членов семьи и прибывших московских коллег — выражая чувство утраты и скорби, вспоминали не только Ученого, но и Человека. Прах Владимира Степановича нашел упокоение на Смоленском кладбище в центре «Северной столицы».

Не будет преувеличением сказать, что живой интерес к жизни, верность любимому делу, преданность дорогим людям, чувство заповедей и долга всегда неизменно и надежно наполняли парус творческих достижений академика Мясникова. В этом залог того, что Владимир Степанович Мясников — крупнейший русский синолог-востоковед, патриот и настоящий светлый человек — надолго останется в памяти всех близких и коллег.

*К.М. Барский*¹

**Воспаривший в небо желтый аист.
На смерть А.Н. Карнеева (1964–2025)**

К·М·巴尔斯基

翱翔天际的黄鹤。悼念 A·N·卡尔涅耶夫（1964—2025）

*Kirill M. Barsky*²

**The Yellow Stork That Soared into the Sky:
On the Death of A.N. Karneev (1964–2025)**

Уход из жизни Андрея Ниязовича Карнеева стал для всех абсолютным шоком. В это было невозможно поверить: молодой, импозантный, физически крепкий, полный сил и планов, сторонник здорового образа жизни. Мы только недавно виделись с ним — он выступал (как всегда, очень интересно!) в МГИМО 7 мая на российско-китайской конференции «Советско-китайское боевое братство: СССР и Китай в годы Второй мировой войны», 16 мая произнес искрометный тост на юбилее С.Н. Гончарова в Институте востоковедения. А на 18 июня была назначена защита кандидатской диссертации аспиранта НИУ ВШЭ Сун Чжихао, научным руководителем которой был профессор Карнеев.

Да, от глаз многих не ускользнуло, что в последнее время Андрею нездоровилось, он стал прихрамывать, часто появлялся, опираясь на трость. Но у кого нет болячек? Медицина сейчас творит чудеса, люди успешно лечатся и живут долгие годы. И вдруг эта страшная весть, которая минута за минутой стала повторяться то в одной эсэмэске, то в другой. А потом некролог... Непостижимо. Ему было всего лишь 60.

¹ Барский Кирилл Михайлович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

² Kirill M. Barsky, PhD (History), Professor, Head of the Department of Diplomacy at MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

В 80-е годы Андрей учился в ИСАА, где получил основательную историческую и китаеведческую подготовку. Два года провел в Китае — сначала в качестве студента на заре дэнсяопиновских реформ, затем в качестве стажера жил на Тайване. Исколесил Поднебесную вдоль и поперек. Овладел китайским языком в такой степени, что уже в 90-е начал «синхронить» на российско-китайских мероприятиях, которых становилось все больше.

Наукой Андрей, достойный ученик М.Ф. Юрьева и А.В. Меликсетова, занимался увлеченно. Еще в 1995 г. защитив кандидатскую диссертацию по теме аграрной реформы Гоминьдана в период «нанкин-ского десятилетия», он не только продолжал свои исторические изыскания, но и внимательно следил за происходившим в Китае и вокруг него, подмечая все новое и пропуская события и тенденции через

«сито» взискательного анализа. Особое внимание он уделял изучению китайского общественного мнения. Проявил себя плодотворным автором, активно участвовал в научных конференциях. Мало кто мог с ним сравниться в знании китайских реалий, специфических терминов, персоналий, идиоматических выражений и крылатых фраз.

В эти годы раскрылся организаторский талант Андрея. Он поработал в представительстве «Инкомбанка» в Пекине, что позволило окунуться с головой и в банковский бизнес, и в китайскую действительность. Вернувшись в Москву, он более 20 лет посвятил *Alma Mater* — нес на своих плечах нелегкое бремя обязанностей заместителя директора ИСАА. Перейдя на работу в «Вышку» и возглавив Школу востоковедения, он за пять лет, по отзывам сослуживцев, идеально отладил ее работу. Выступил инициатором различных перспективных проектов. Проводимая теперь ежегодно в НИУ ВШЭ большая научная конференция «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» — это его детище.

Забота профессора Карнеева о своих воспитанниках и коллегах не знала границ. Его манера общения подкупала. Андрея Ниязовича отличала ненаигранная русская интеллигентность. Одновременно ему были присущи и качества конфуциева «благородного мужа»: скромность, мягкость, деликатность. Тонкий юмор, ирония и самоирония были его неизменными спутниками.

Могу подтвердить то, что хорошо известно товарищам Андрея: он был душой компании, добрым, внимательным, верным другом. Всегда всем помогал, всех поддерживал, откликался на любые просьбы.

Но в науке у Карнеева были твердые принципы, которые он не стеснялся отстаивать. Касалось это не только обсуждения конкретных научных проблем, но и судьбы отечественного востоковедения в целом, для сохранения и развития которого Андрей Ниязович очень много сделал. Как много он мог бы еще сделать!

На гражданскую панихиду 19 июня пришло очень много людей. Траурный зал едва смог всех вместить. Непосвященному даже могло показаться странным, как

кончина кандидата исторических наук — не академика, не доктора, не заслуженного ветерана! — смогла всколыхнуть такую волну, отозваться в сердцах стольких людей. Были близкие, друзья, начальники, коллеги, аспиранты, студенты, высокопоставленные государственные деятели и еще совсем юные ребята. Сказанные ими слова были глубоко прочувствованными, а слезы — неподкупно искренними.

А все на самом деле предельно просто: Андрей Ниязович Карнеев был в нашем китаеведении крупной фигурой. Одним из неформальных вожakov. Настоящим ученым — серьезным и глубоким. Китаистом с большой буквы. Он был большим мастером, хотя и не считал себя таковым. Личностью исключительно одаренной и неординарной. Человеком, которого все любили. Андрей был, без сомнения, звездой первой величины и светил необыкновенно ярко. Этот свет сохранится в сердцах тех, кто имел счастье с ним общаться, дружить, вместе с ним работать и у него учиться.

В стихотворении жившего в VIII в. китайского поэта Цуй Хао «На башне Желтого аиста» есть такие слова: «Желтый тот аист однажды исчез и более не возвратится...». Вот и наш аист воспарил над землей. Он будет теперь незримо реять над всеми нами, вдохновляя на новые дела, на нужную стране и науке работу, которую Андрей так любил.

Вечная ему память!

*И.Е. Денисов*¹

**Профессор Гао, почитающий Ду Фу.
Памяти друга и коллеги Андрея Карнеева**

И·Е·杰尼索夫

怀念杜甫的高
教授。缅怀好友及同事安德烈·卡尔涅耶夫

*Igor E. Denisov*²

**Professor Gao, Who Reveres Du Fu:
In Memory of a Friend and Colleague, Andrei Karneev**

Если верить в магию чисел, дата рождения Андрея Ниязовича Карнеева предопределила его биографию как ученого. Эту дату каждый китаевед легко запомнит — 9 октября, накануне 10 октября...

Отматываем историческую ленту намного назад. 10 октября 1911 г. — символический рубеж в судьбе Китая. 10 октября, «две десятки». День Учанского восстания, которое привело к падению правления маньчжуров и рождению Китайской Республики. Стык «династий» и начало совершенно новой бурной эпохи, именно она пленила выпускника историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки Андрея Карнеева.

Первые научные работы А. Н. Карнеева были посвящены истории республиканского Китая. Его кандидатская диссертация «Крестьяне и местная власть в гоминьдановском Китае (1927–1937)» была защищена в alma mater — ИСАА МГУ — в 1995 г. До сих пор непревзойденным по глубине исследованием является изданная через десять лет монография «Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949)», написанная в соавторстве с А.А. Писаревым и В.А. Козыревым.

¹ Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

² Igor E. Denisov, Senior Research Fellow at the MGIMO Institute of International Studies, Ministry of Foreign Affairs of Russia. ORCID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

В четвертом томе коллективного труда «Духовная культура Китая» (2009) Андрей Ниязович написал обстоятельный и полный точных наблюдений очерк о периоде 1929–1949 гг. Этот исторический отрезок вместил в себя становление и кризис политической власти Гоминьдана, отражение японской агрессии, был отмечен многочисленными линиями внутреннего раскола и драматическими вызовами для китайского общества. Андрей мастерски справился с этой темой, показывая, что для него давние события — не абстракция, а живая реальность. История — это, разумеется, не даты, а люди, не скупая хроника, а непохожие лица. Андрей Ниязович чувствовал это очень остро, для него китайская история раскрывалась через полнокровные образы ее творцов, никогда не оставалась безличным сводом событий.

В октябре прошлого года, когда мой «собрат» по ИСАА, друг и коллега, отмечал шестидесятилетие, я решил обратиться к символике «двух десятков» и сказал, что поздравляю одного из вдумчивых исследователей страны, в которой произошло Учанское восстание. На что Андрей Ниязович с присущим ему юмором мгновенно парировал исторической шуткой: «Игорь Евгеньевич, еще потом за Наньчанское восстание выпьем!» Наньчанское восстание произошло в 1927 г. и было организовано КПК; оно подарило КНР главный военный праздник — 1 августа, день основания Народно-освободительной армии Китая. Грустно и непоправимо тяжело, что очередную годовщину Наньчанского восстания придется отмечать без Андрея.

Переключившись с годами на изучение идеологических проблем КНР, он живо интересовался не только теоретическими абстракциями, но в первую очередь человеческими судьбами и характерами, был лично знаком со многими китайскими интеллектуалами. В ИСАА, где Андрей Ниязович многие годы проработал заместителем директора, во многом благодаря ему, в семинарах участвовали деятели, взгляды которых порой расходились полярно: например, гонконгский исследователь китайской элиты и любитель сенсационных разоблачений Вилли Во-Лап Лам и экономист Ху Аньган, симпатизирующий «новым левым». Заинтересовавшись медиапроектом «Довэй» (多维新闻网), который искусно балансировал между лояльностью и политической смелостью, Андрей Ниязович пригласил выступить в институте главного редактора, госпожу Жэнь Лу, чтобы получить информацию из первых рук.

А.Н. Карнеев досконально знал китайский политический ландшафт и всегда стремился вникнуть в детали. Обнаружив неожиданный поворот во внутренних дискуссиях, яркое высказывание или новый термин, он всегда спешил поделиться новостью с коллегами. Я быстро привык к его неизменным посланиям в электронной почте: «а ты видел?», «смотри, о чем пишут», «а этот лозунг раньше встречался? кажется что-то новое».

Поделюсь лишь одним фрагментом из эпистолярного наследия Андрея, но очень характерным для него.

Столкнулся недавно с термином 白左 — «белые левые», или «белые леваки». Оказывается, в англоязычных СМИ уже тысячи статей на эту тему. На русском языке, похоже, ничего нет. Поиск дает в основном «левые белые двери от Жигулей» и прочую ерунду (1 декабря 2017 г.).

А.Н. Карнеев на круглом столе в ИСАА МГУ

К письму была приложена статья в «Хуаньцю шибао», в которой объяснялось, что «белые левые» это представители западных либеральных элит. По мнению пользователей китайского интернета, они полностью оторваны от жизни и имеют искаженное представление о мировых проблемах.

Не только об этой дискуссии, но и о многих других, я впервые узнал именно от Андрея. В нем уживались азарт исследователя и досада, что важные подробности ситуации в КНР и настроений в обществе ускользают из поля внимания не только широкой публики, но и многих экспертов. При этом сам он никогда не стремился к сенсационности и саморекламе. Собственный подход А.Н. Карнеева был безупречен: только кропотливый анализ и стремление к истине, что делало каждую его научную статью, каждое интервью особенно значимыми.

Я очень много работал с Андреем как редактор. Долгие годы он писал комментарии для «Голоса России», а затем «Спутника», где я одно время работал. Тексты, как люди, — очень разные, у статей Андрея для Иновещания была одна характерная особенность: очень медленный разбег, плавное и неторопливое вхождение в тему, и где-то только на третьей или четвертой странице вдруг яркая и нестандартная мысль, как настоящая вспышка.

Хотя соблазн вмешаться в текст был велик, я чаще всего оставлял все как есть. Что-то в этом было от педагогического опыта моего автора — постепенное выстраивание материала как в университетской аудитории, детальное объяснение контекста... Все это делает «озарение» особенно емким и убедительным. Текст воспроизводил процесс поиска, Андрей явно не торопился с выводами, пока внутренний «контролер» был готов не просто сухо декларировать идею, а дать результат ее осмысленного пе-

реживания. Да, это был настоящий «контроль качества». Только когда все звенья цепочки были на месте, появлялось мощное заключение.

Его тексты, и не только комментарии для СМИ, — это всегда отражение внутреннего диалога, честного и профессионального. Комментарии Андрея Ниязовича для китайской аудитории имели бешеную популярность, которая сильно удивляла некоторых моих коллег-журналистов. Ведь Карнеев писал о том, что китайцам, казалось бы, очень хорошо известно: о китайской модели, борьбе с коррупцией, «публичных интеллектуалах», о положении госсектора и идеологических дискуссиях, очередном партийном пленуме или съезде ... Важно, что Андрей часто формулировал то, что было знакомо всем «изнутри», но еще не проговорено вслух, и потому он казался обладателем уникального инсайта. Потом сыграла роль научная добросовестность, умение найти неочевидное в очевидном. И еще, конечно, доброжелательность и сопереживание.

Он вообще никогда не замыкал внимание на себе — будь то на научной конференции, или в ходе дружеских застолий в «Сайгоне» на Савеловской, или «банных дискуссий» в Подмоскowie. Андрей Ниязович мог спокойно разогреть дискуссию одним остроумным замечанием, а затем резко сменить тон на более «профессорский» и неторопливый. Но всегда от общения с ним было ощущение комфорта — он не искал личного внимания, но очень часто щедро дарил его окружающим.

Когда человека знаешь давно и общаешься часто, размолвки или мелкие ссоры, наверное, неизбежны. Однако я помню лишь единственный случай, когда Андрей на меня по-настоящему обиделся. На одном закрытом совещании я (признаю — довольно резко) высказался о тезисе, который передо мной горячо отстаивал Андрей Ниязович. Личных упреков не было — я лишь усомнился в тезисе. Мне-то казалось, я формально прав — я же критикую саму идею, а не ее носителя. Тем не менее это ранило его: наверное, я не подумал, что высказанное моим другом очень важно для него, и более продуктивно в ходе «мозговых штурмов» представлять свои идеи, нежели резко оппонировать чужим.

Андрей сам был таким — деликатным и внимательным к мотивам собеседника, всегда умел сглаживать острые углы и возвращать напряженный разговор в конструктивное русло без уколов и острых замечаний. Именно это помогло быстро выправить ситуацию, и больше между нами никогда не было никаких конфликтов.

Китайское имя Андрея Ниязовича Карнеева — Гао Няньфу (高念甫). Его можно прочесть как Гао, почитающий Ду Фу. Никогда не обсуждал с Андреем выбор этого имени, но, мне кажется, оно не просто красивое и поэтичное. Имя Няньфу звучит как символ моральной высоты, а также уважения к китайской интеллектуальной традиции, изучению которой в разных аспектах мой замечательный, мудрый и благородный друг посвятил жизнь. Добрый, внимательный и интеллигентный летописец истории и современности Китая ушел от нас. Мне будет не хватать его проникновенного взгляда на судьбы Китая и китайского народа, неповторимого, личного прочтения событий и идей.

*Н.С. Мухин*¹

Об Андрее Ниязовиче Карнееве

N·S·穆欣

关于安德烈·尼亚佐维奇·卡尔涅耶夫

*Nikolay S. Mukhin*²

On Andrei Niyazovich Karneev

Я знал Андрея Ниязовича Карнеева с первых лет моего обучения в Институте стран Азии и Африки МГУ, куда поступил, окончив школу в небольшом городке Шумерля в Поволжье. Мое первое воспоминание об А.Н. Карнееве связано с началом студенчества — курсом «Введение в китаеведение». Это был своего рода тизер для начинающих китаеведов. Каждый из преподавателей Кафедры истории Китая давал небольшой, часто неформальный и очень личный, экскурс в сферу своих научных и преподавательских интересов. Хорошо помню, что Андрей Ниязович рассказывал нам о Республиканском Китае и очень живо описывал фигуру Сунь Ятсена на горе в пальто зеленого цвета. Потом в одной из бесед он поделится, что он так делал специально, чтобы студенты почувствовали связь с историей и лучше воспринимали материал. До сих пор помню этот образ, хотя детали лекции, конечно, стерлись в памяти. Тогда я не знал, что именно этот преподаватель станет без преувеличения одним из важнейших людей в моей жизни и во многом определит судьбу исследователя.

Более тесное сотрудничество с Андреем Ниязовичем началось с того, что я писал под его руководством выпускную квалификационную работу в бакалавриате про гонимые СМИ. Тогда, признаться, я мало понимал, зачем это делать, и что это вообще такое — научная работа, чем она отличается от обычного реферата. Андрей Ниязович терпеливо и крайне тактично, но с присущей ему иронией, отвечал на мои (наивные, наверное) вопросы по выбору темы и о том, как вообще приступить к исследованию. Само слово «исследование» пугало меня. Я помню его email с темой письма: «Иногда

¹ Мухин Николай Сергеевич, PhD, доцент Американского университета Шарджи, ОАЭ.

² Nikolay S. Mukhin, PhD, Associate Professor at the American University of Sharjah, UAE.

полезно начинать с Википедии». Типичная ирония Андрея Ниязовича — мягкий намек «делай хоть что-нибудь». И это помогло, можно сказать, пробудило мою академическую сознательность после нескольких недель прокрастинации.

В те годы я и не думал, что когда-либо буду заниматься исследовательской деятельностью и поступил в магистратуру, в основном для того, чтобы получить место в общежитии. Оказалось, что это была не формальность, а жизненный выбор, и Андрей Ниязович сыграл в этом сюжете главную роль. Опять же — придал направление, помог, освободил меня от ступора перед непосильной задачей. В магистратуре с его подачи я занялся анализом идеологических проблем КНР при Си Цзиньпине. Стоит отметить, что это предопределило мою исследовательскую повестку на несколько лет вперед.

Уверен, я не один, в чьем становлении как ученого Андрей Ниязович сыграл решающую роль. Только сейчас я осознаю его научную проницательность, учитывая то, что каждый год под его руководством писали работы множество студентов. С каждым из них он подробно беседовал, с легкостью делился идеями, корректировал и предлагал темы. Для этого необходимы обширные знания истории, политики и современных реалий Китая, какими обладал наш Учитель. Во время обучения в магистратуре мне пришлось работать, но вопреки ожиданиям, исследования для диссертации приносили наибольшее удовольствие. Рутинная и заботы забылись, а вот радость от научных находок — нет. Я благодарен Андрею Ниязовичу за его отзывчивость и постоянную доступность для обсуждений, дискуссий и обратной связи.

На финальных этапах написания диссертации Андрей Ниязович активно помогал мне с дальнейшим продвижением: приглашал на конференции, внимательно редактировал мою первую статью для публикации в «Проблемах Дальнего Востока», писал рекомендательные письма в аспирантуру и для стажировок. Никогда ни в чем не отказывал и всегда был щедр на напутствие. Его поддержка придавала сил и уверенности в неопределенной ситуации, связанной с первыми робкими попытками вчерашнего студента включиться в академическую среду.

В итоге мне удалось поступить в аспирантуру Гонконгского университета. Каждый раз, когда я приезжал в Москву, старался найти время и встретиться с Андреем Ниязовичем и обменяться новостями. Он рассказывал мне о состоянии китаеведения в России, о последних событиях в Китае и о своих туда поездках. Сидя рядом с ним, я вспоминал, что я все-таки тоже немного китаист. А он стал называть меня по имени и отчеству, что мне казалось чрезвычайно ироничным.

По прошествии лет мое главное впечатление об Андрее Ниязовиче таково: он всегда был открытым людям, но будто бы неизменно находился на своей волне, спокойный сосредоточенный. Когда мы встречались в его кабинете, он никогда не спешил, мерно кипятил чайник и разливал любимый лунцзин в китайскую посуду, внимательно слушал и отвечал. Своим голосом, с собственной интонацией, с тем самым узнаваемым «карнеевским взглядом». Порой было непонятно, шутит ли он, или это просто внезапная мысль, промелькнувшая у него в голове, осколок чего-то большего, но в любом случае хотелось уловить его ритм, подстроиться, быть на одной волне. Я помню то чувство, с которым каждый раз уходил от него. Будто бы сам становился немного важнее и значимее, чем перед встречей.

Я приехал в Москву в начале июня и планировал увидеться с профессором в его кабинете в Вышке, чтобы, как всегда, обменяться новостями. Увы, этого не случилось. В моих воспоминаниях он поднимается по эскалатору в Mid-Levels в Гонконге. В руках — свежая газета из 7/11, напечатанная полными иероглифами, а в ней — слухи и пересуды о китайской политике. Много ли тех, кто так хорошо знал о секретах, таящихся в исторических стенах Чжуннаньхя? Сейчас, чтобы сохранить прежнюю осведомленность о политике Китая без Андрея Ниязовича, каждому из нас придется постараться немного сильнее.

А.Р. Абдрахманова, Л.А. Радус

Интервью с И.В. Кочергиным

А·Р·阿卜杜拉赫马诺娃, Л·А·拉杜斯
对 I·V·科切爾金的访谈

Alina R. Abdrakhmanova, Larisa A. Radus

An Interview with I.V. Kochergin

КОЧЕРГИН ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

Igor V. Kochergin

Проект «Российское Китаеведение — устная история»¹
“Russian Sinology — the Oral History” Project

Кочергин Игорь Васильевич (ИК)

Востоковед: Китаевед, кандидат педагогических наук, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ.

Место: г. Москва

Дата: 7 октября 2021 г.

Интервьюеры: А.Р. Абдрахманова (АА), Л.А. Радус (ЛР)

Расшифровка, редактирование, комментарии: В.Ц. Головачёв, А.Р. Абдрахманова

Igor V. Kochergin

Sinologist, PhD, Professor of the Far Eastern Languages Department, Military University, MOD, RF

Place: Moscow

Date: October 7, 2021

Hosts: Alina R. Abdrakhmanova, Larisa A. Radus

Script, Editing, Comments: Valentin Ts. Golovachev, Alina R. Abdrakhmanova

¹ Проект «Российское Китаеведение — устная история» реализуется Институтом востоковедения РАН с 2008 г. Куратор проекта — доктор исторических наук В.Ц. Головачёв. E-mail: v.golovachev@ivran.ru. Первоначально опубликовано на сайте: https://china-oral.ivran.ru/f/Interview_c_Kocherginym_Igorem_Vasilevichem.pdf. Публикуется с разрешения редакции ресурса с небольшими правками.

Игорь Васильевич КОЧЕРГИН (род. 3 июня 1948 г., г. Попасная, Ворошиловградская область, Украина). Востоковед, китаевед. Переводчик, кандидат педагогических наук, профессор кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВИИЯ (1974 г.) с золотой медалью. Стажировался в Сингапуре (1976–1977 гг.), Пекине (1985–1986 гг.). Преподаватель ВИИЯ (1974–1988 гг.), начальник кафедры ВИИЯ (1988–1993 гг.), заведующий кафедрой китайского языка Института практического востоковедения, первый проректор Института практического востоковедения (2003–2006 гг.). Профессор Яньшаньского университета г. Циньхуандао КНР (2005–2006 гг.). Иностраный специалист агентства Синьхуа г. Пекин КНР (2006–2007 гг.). Профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ (2009 г.).

Публикации

- Русско-китайский тематический словарь-справочник.
- Русско-китайский, китайско-русский практический медицинский словарь.
- Универсальный мультимедийный практический курс общего перевода китайского языка. Учебник.
- Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский. Учебник.
- Очерки лингводидактики китайского языка. Монография.
- Хрестоматия для чтения на китайском языке.
- Сборник тренировочных упражнений, контрольных заданий и тестов по базовому курсу китайского языка.
- Китайский язык. Аудиотренинг.
- Китайский язык. Практикум по аудированию, чтению, говорению.
- Регионоведение. Китай. Учебник.
- Прогулки по Москве и Санкт-Петербургу. Учебное пособие для подготовки к сопровождению делегаций на китайском языке.

АА: Добрый день! Сегодня у нас в студии замечательный человек, талантливый педагог, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Кочергин Игорь Васильевич. Игорь Васильевич, расскажите, пожалуйста, нам про себя: где и когда Вы родились?

ИК: Здравствуйте, родился я давно, в прошлом веке, 3 июня 1948 года. Родился в небольшом районном городке на Донбассе, в Ворошиловградской области, тогдашней Украинской Советской Социалистической Республики.

АА: Конечно, Китай далековато будет от вашего родного города. Расскажите, пожалуйста, о Ваших родителях.

ИК: Мои родители уже ушли из жизни. Оба — участники войны. Отец, Василий Яковлевич, 1910 года рождения, ушел на фронт красноармейцем, в этом же звании и вернулся. Окончил железнодорожное ремесленное училище. Всю послевоенную жизнь работал на железной дороге. Последние перед выходом на пенсию годы — машинистом паровоза. Однажды, в нарушение правил, он взял меня в поездку. Это было потрясающее впечатление — находиться в кабине паровоза! Лязг, грохот, шипение пара, огнедышащая топка, куда кочегар, как в пасть дракона, постоянно подбрасывал уголь, запах масла и волшебная рукоятка реверса, любому движению которой повиновался этот дракон. Отец был мастером на все руки и многому в этом плане я у него научился. Для меня никогда не были проблемой ни сантехнические, ни электротехнические, ни какие-либо механические работы. По школьной профессиональной подготовке я вообще столяр. Практически все, для чего другие люди вызывают мастеров, я делаю сам, и часто даже лучше.

Мама, Евгения Николаевна, 1925 года рождения. Она училась в Одесском судостроительном техникуме, в 1943 году была мобилизована и ушла на фронт. Служила в специальной железнодорожной колонне кондуктором. После войны и замужества работала на разных работах, занималась домом, воспитывала меня и младшего брата. Очень любила читать и привила эту любовь мне. Дома была небольшая, но очень богатая по содержанию библиотека, собирать которую в те времена было непросто. После того, как я всю ее перечитал, я записался в три городские библиотеки, в которых был одним из наиболее активных читателей.

АА: Ваши родители — удивительные люди, но никогда не имели отношения к Китаю. Насколько нам известно, у Вас есть дочь. Пошла ли она по Вашим стопам, связала ли свою жизнь с китайским языком?

ИК: Дочь окончила Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности английский язык и, как говорил *Михаил Жванецкий*², с тех пор и до этих занимается преподавательской деятельностью. Так что в этом плане можно сказать, что пошла по стопам. Внучка в этом году поступила в психолого-педагогический университет.

АА: Здорово! На некоторых фотоснимках Вы запечатлены вместе с внучкой в Китае. Судя по фотографиям, Вы часто бывали в Китае: и на стажировке, и по работе, и в отпуске с семьей. Когда Вы впервые узнали про эту удивительную страну? И какие у Вас были первые представления о Китае?

ИК: Ну, это достаточно интересная история. В пятом-шестом классе средней школы я занимался тем, что называется филуменистика. Сейчас это слово мало кто знает — это коллекционирование спичечных этикеток. И в то время, поскольку у нашей страны контактов с зарубежными странами было очень мало или вообще не было, любые заграничные спичечные этикетки пользовались особым спросом. Однажды журнал «Пионер» поместил на последней странице фотографии спичечных этикеток нескольких стран. Среди них, как стало потом понятно, была и китайская. Во всяком случае, она привлекла моё внимание иероглифами, которыми была расписана.

² *Жванецкий Михаил Михайлович* (1934–2020). Писатель-сатирик, исполнитель авторских литературных произведений, киносценарист, телеведущий, актер. Народный артист Украины (1999), Народный артист РФ (2012).

Этикетки спичечных коробков. КНР, 1960-е гг.

Поскольку коллекционирование спичечных этикеток включало и обращения на фабрики, которые производили спички, с просьбой выслать этикетки, я поступил таким же образом: добросовестно переписал с этой картинки иероглифы (точнее, перерисовал все, что там было нарисовано), запечатал в конверт и отправил письмо, как я надеялся, в Китай, с просьбой прислать мне спичечных этикеток. Письмо ходило долго, где-то год, может больше, и, как ни странно, вернулось с многочисленными печатями, подписями, пометками. Но, главное, на конверте было написано: адресат не найден. Вот таким образом я узнал, собственно говоря, про существование страны под названием Китай.

АА: Ваше знакомство с Китаем было, действительно, необычным. А соответствовало ли Ваше изначальное представление о Китае тому, что Вы увидели потом, впервые попав в эту страну?

ИК: Изначальный образ Китая сформировался у меня тоже совершенно необычно, под влиянием звучащей ежедневно из радиорепродуктора песни «Москва–Пекин», «русский с китайцем — братья навек». Это был образ китайских коммунистов, которые борются за свою свободу, за счастье, которые близки по духу нам. Китай воспринимался мною как далекая, очень далекая страна, где живут люди, которые хотят жить так же, как и мы в то время жили. Других источников информации о Китае в то время было в общем очень мало. Кроме песен и спичечных этикеток, это были переводы китайских сказок и всяких нравоучительных рассказов. Был у меня диафильм о студенте Ли, который писал иероглифы прутиком на песке, на берегу моря. Набегающие волны их смывали, а он снова их писал. Таким образом мы понимали, что китайцы — очень трудолюбивые, стремящиеся к знаниям люди и так далее. Вот, собственно говоря, такой образ у нас возникал. А когда уже удалось вплотную столкнуться с Китаем, то, конечно, все оказалось во многом не так, как мы себе это представляли.

АА: Не так как в диафильме?

ИК: Не так как в диафильме.

АА: Действительно, наши изначальные представления о многих вещах часто не совпадают с тем, что мы видим потом в реальности. Наверное, у каждого китаевода

первая встреча с Китаем оставила в душе и какие-то разочарования, и какие-то приятные, теплые воспоминания. Что все стало главной причиной, почему Вы решили сделать такой серьезный шаг — стать китаеведом?

ИК: Никакого такого серьезного шага я делать не собирался! Школу я заканчивал в те годы, когда отношения с Китаем были, мягко говоря, недружественные, поэтому никаких помыслов о том, чтобы как-то связывать свою жизнь с этой страной, не было. Было желание стать переводчиком, и это желание было продиктовано тем, что переводческая профессия была одной из немногих профессий, которые позволяли побывать за границей. Интерес к зарубежным странам у меня был, поэтому было и желание стать переводчиком. Я дважды поступал на переводческий факультет Горьковского педагогического института, но не проходил по баллам — иначе и быть не могло! Потом отправился на срочную воинскую службу и, уже завершая срок срочной службы, узнал, что существует такой институт — *Военный институт иностранных языков (ВИИЯ)*³. В итоге я решил попытать счастья, поступить в ВИИЯ, а дальше все было, как говорится, «предначертано». В процессе вступительных экзаменов появился полковник *Кленин Иван Дмитриевич*⁴, который имел приоритетное право отбора курсантов (а тогда мы еще назывались «слушателями») на китайский язык. Он отобрал меня и в последующем «добровольно-принудительно» мне был назначен для изучения китайский язык. Собственно говоря, сначала это вызывало определенные негативные эмоции, так скажем. Но, в конечном счете, возобладало удовлетворение от того, что я все-таки поступил в учебное заведение, где учили на переводчика. И я думал, что, наверное, буду переводчиком, тем более что вторым языком был английский язык.

АА: Пожалуйста, расскажите поподробнее о Вашем знакомстве с Иваном Дмитриевичем Клеиным. Каким он был человеком и китаеведом?

ИК: Как я уже говорил, с Клеиным И.Д. я первый раз встретился в ходе вступительных экзаменов летом 1969 года, во время собеседования, которое проводили с абитуриентами начальники основных языковых кафедр ВИИЯ. Тогда я обратил внимание на то, что этот с виду суровый полковник, помимо обычных в таких случаях вопросов, спрашивал о прочитанных книгах, о стихах и поэтах, о художниках, написавших известные полотна. Как потом я узнал, Иван Дмитриевич был широко образованным, начитанным человеком и очень ценил это качество в других людях, а стремление к познанию культуры своей страны неуклонно прививал своим ученикам. Без подобного рода вопросов не обходился ни один экзамен и по китайскому языку, хотя нам эти вопросы казались неуместными и их-то мы опасались больше всего. Благодаря такой широкой эрудиции Ивану Дмитриевичу были подвластны любые кроссворды, которые он очень любил разгадывать.

³ Военный институт иностранных языков (ВИИЯ). Образован в 1942 г. на базе Военного факультета западных языков при 1-м и 2-м Московских государственных педагогических институтах иностранных языков (МГПИИЯ), Военного факультета восточных языков при МИВ и военных курсов иностранных языков из г. Орска. В 1974 г. преобразован в Военный институт Министерства обороны РФ.

⁴ *Кленин Иван Дмитриевич* (1923–2021). Китаевед, к.ф.н. профессор кафедры дальневосточных языков. Военного университета МО РФ. Специалист по китайскому языку, литературе, истории, культуре Китая. Участник Великой Отечественной войны.

И.Д. Кленин (1923–2021)

Кленин очень хорошо разбирался в людях, и собеседования, которые он проводил с абитуриентами, не были для него пустой формальностью. Поскольку желающих изучать китайский язык в 1969 году было среди поступающих, мягко говоря, немного, Иван Дмитриевич, обладая приоритетным правом отбора, стремился набрать на обучение людей, не избалованных жизнью, с определенным внутренним стержнем — таких, которые не испугаются, не побегут, ну и, конечно, с хорошей школьной подготовкой. Впоследствии, когда я учился, а потом служил и работал под началом Ивана Дмитриевича, я стал свидетелем того, как он умело формировал коллектив кафедры, численность которой достигала в одно время 42 человек! Во-первых, это были высококлассные специалисты, профессионалы, авторитетные учёные и перспективные начинающие молодые преподаватели. Как тогда говорили — сплав опыта и молодости. А во-вторых, еще более

важным для него было то, что из этих людей можно было создать монолитный коллектив единомышленников. Во все времена кафедра под руководством Ивана Дмитриевича отличалась чрезвычайно благоприятной внутренней атмосферой. В одно время некоторые начальники даже ставили в вину Кленину то, что на кафедре царит бесконфликтность. Это при том, что руководителем полковник Кленин был достаточно жестким. К нему очень подходило известное выражение «У него не забалуешь!». Больше всего беспокойства Ивану Дмитриевичу как начальнику доставляла женская часть нашей кафедры, точнее определенная молодая ее часть. В 1974–1975 годах на кафедру пришли вчерашние выпускницы ИСАА при МГУ Губарева, Кульчицкая, Каримова, Шутова. Молодые девушки разбавили суровый воинский коллектив и внесли в систему, основанную на строгой воинской дисциплине, элементы свободной университетской жизни и некоторого разгильдяйства. Проявлялось это в опозданиях на занятия, неявке на работу по неуважительной причине, слабой подготовке к занятиям и т.п. Со всеми этими случаями Иван Дмитриевич разбирался скрупулезно, выяснял причины и, как правило, избегал формальных наказаний. Но одной его беседы было достаточно, чтобы стараться как можно дольше в его кабинет по такому поводу не попадать. Нежелание попадать лишний раз в кабинет начальника было обусловлено и еще одной причиной: независимо от того, как мы туда попадали — добровольно или принудительно, за поощрением или за взысканием — каждый выходил «озадаченный», то есть получивший какую-то задачу: написать учебное пособие, методическую разработку, статью в сборник, подготовить и провести какое-то мероприятие с курсантами и т.д. и т.п. А иные, как, скажем, ваш покорный слуга, даже получали указание поступать в адъюнктуру (военный вариант аспирантуры) и писать диссертацию.

Как я уже сказал, Иван Дмитриевич вникал в проблемы и трудности каждого сотрудника кафедры и старался помогать, в силу своих возможностей. Самым актуальным для офицеров кафедры был в то время жилищный вопрос, поскольку многие из нас были «бесквартирные». Иван Дмитриевич «выбивал», как тогда говорили, комнаты в общежитии, служебное жилье и даже квартиры.

Сам Иван Дмитриевич был очень скромным человеком. Настоящий окопный фронтовик, орденоси́нец, доподлинно знающий цену жизни, он этими своими заслугами не кичился и нигде их не выпячивал. Достаточно сказать, что он был участником парада Победы 1945 года, но в последующем, видимо, по недосмотру военкоматских начальников и ветеранских организаций, его ни разу не пригласили в качестве гостя на парад 9 мая в Москве. А он не стал никуда обращаться и заявлять о своем безусловном праве присутствовать в этот день на Красной площади. О своем военном прошлом он рассказывал, встречаясь с курсантами, но и здесь он больше рассказывал не о себе, а о своих товарищах, о патриотизме, героизме и самопожертвовании людей на фронте и в тылу.

Ивана Дмитриевича Кленина по праву можно называть отцом-основателем военного китаеведения. Действительно, создав и возглавив кафедру китайского языка, он тем самым заложил основы военного китаеведения, развитию и совершенствованию которого посвятил всю свою последующую жизнь. В научном плане сам Иван Дмитриевич занимался проблемами лексикологии, а конкретно — изучением военной терминологии в китайском языке. Его работа в этом направлении на протяжении нескольких десятилетий, помимо многочисленных статей, материализовалась в двух уникальных словарях — «Китайско-русском военном и техническом словаре»⁵ и «Русско-китайском военном и техническом словаре»⁶. Последний был выдвинут в 2004 году на соискание премии Президента РФ. Эти словари были единственными двуязычными источниками военной лексики с непрекращаемым авторитетом. Во время моей работы в информационном агентстве «Синьхуа» в Китае я обнаружил, что в русскоязычной редакции активно пользовались Русско-китайским словарем Кленина, который был добыт не совсем легальным путем.

Помимо этого, И.Д. Кленин написал базовый учебник военного перевода китайского языка⁷, на котором выросло несколько поколений наших выпускников, и который стал фундаментом для разработки новых современных учебных материалов по этому аспекту обучения. А еще он составил курс лекций по лексикологии.

Иван Дмитриевич уделял очень много внимания формированию научных основ и практической методики преподавания разных аспектов китайского языка в интересах подготовки военных переводчиков-референтов. По его инициативе, а, можно сказать, и по его настоянию, были защищены две диссертации по методике обучения китайскому языку — диссертации Ткачука В.В. по методике обучения фонетике и вашего покорного слуги — по обучению неподготовленной монологической речи на китай-

⁵ Китайско-русский военный и технический словарь. Сост.: Кленин И.Д. М.: Воениздат, 1985.

⁶ Русско-китайский военный и технический словарь. Сост: Кленин И.Д., Надточенко Б.Я. М.: Муравей, 2001.

⁷ Кленин И.Д. Учебник военного перевода. Китайский язык. М.: Военный университет, 2007. 170 с.

ском языке с использованием комплекса ТСО (технических средств обучения)⁸. Эти две диссертации так и остались единственными в своём роде, никто больше на исследования в этой области не посягнул. Помимо диссертаций, под началом Ивана Дмитриевича на кафедре было написано большое количество собственных учебных пособий, учебно-методических разработок, создавались дидактические материалы для технических средств обучения — учебные диапозитивы, диафильмы, кинокольцовки, а потом и видеоклипы. Преподаватели — носители китайского языка с нашей кафедры начитывали фонограммы для работы курсантов в лаборатории устной речи. Еще одним великим достижением И.Д. Кленына в подготовке собственных научно-педагогических кадров считаю то, что ему удалось получить для кафедры квоту на зарубежные стажировки преподавателей из числа военнослужащих. В то время это было очень сложно, но ему это удалось. Преподаватели кафедры стажировались в Наньянском университете Сингапура, в Пекинском педагогическом университете, в Фуданьском университете в Шанхае, в Цзинаньском, Нанкинском и Уханьском университетах КНР. Благодаря такой целенаправленной работе руководителя, к середине 1980-х годов на кафедре сформировалась цельная научно-методическая школа подготовки высококвалифицированных военных переводчиков. Новое поколение педагогов кафедры помнит, чтит и развивает славные традиции.

АА: Спасибо. Кроме И.Д. Кленына, кто еще вел у Вас китайский язык?

ИК: Кленын Иван Дмитриевич — это отец основатель кафедры, а многие его ученики в последующем стали преподавателями. Эти выпускники преподавали в том числе и у меня. Выпускниками из рядов самых первых выпусков кафедры китайского языка (тогда она так называлась) были лейтенанты и старшие лейтенанты Кучумов, Краснов. Потом были Ростовцев, Щичко. Потом у нас на кафедре работали и носители китайского языка, этнические китайцы. Был замечательный преподаватель *Линь Шайло*⁹, уйгур по национальности. Собственно говоря, в обучении слушателей китайскому языку кафедра как бы обходилась своими ресурсами, своими выпускниками, хотя на ней работали также и представители других учреждений.

АА: Как складывались Ваши отношения с китайским языком? Легко или сложно было учить его, особенно в самом начале? Какие у Вас воспоминания?

ИК: Когда мы были еще абитуриентами (я уже сказал, что поступал в ВИИЯ после срочной службы в армии, и еще было несколько товарищей, тоже армейских), мы готовились к вступительным экзаменам здесь, в Лефортово. Нам предоставили одну из аудиторий, и как-то раз мы нашли в этой аудитории листки с напечатанными иероглифами. Вид этих листочков привел нас в священный ужас, каждый из нас себе сказал: «Я это никогда в жизни не выучу!» Это выглядело совершенно нереальным!

⁸ ТСО (технические средства обучения) — технические средства предъявления дидактических материалов звуковой и зрительной наглядности, используемые в рамках аудиовизуального метода обучения иностранным языкам (магнитофон, слайд-проектор, киноустановка, видеоманитофон, мультимедийные компьютерные системы).

⁹ *Линь Шайло* (1906–1970). Этнический дунганин. В молодости эмигрировал из Китая в Ташкент. Китаевед. Учился в Москве, преподавал китайский язык в ВИИЯ, МГИМО. Один из авторов ряда учебных пособий, в т.ч.: Учебник китайского языка. *Линь Шайло, Джан Мин Шен, Молодой К.Т. М.*, 1955. 446 с.

АА: А что было потом? Удалось выучить иероглифы?

ИК: Ну, а потом было приказано учить, вот мы и учили. Я скажу, что в период учебы в течение пяти лет особых трудностей в овладении китайским языком я не испытывал. Наверное, потому что, во-первых, были хорошие педагоги, преподаватели. Во-вторых, потому что было достаточно учебного времени, гораздо больше, чем сейчас курсанты имеют. В это учебное время мы занимались спокойно, без каких-то рывков и замедлений. Учились по очень скромным учебным материалам, поскольку из-за плохих отношений с Китаем у нас практически ничего не было. То есть учились, не надеясь ни на что хорошее в будущем. Главным образом налегали на английский язык, а китайский язык как-то сам собой шел и осваивался. И, в конце концов, получилось то, что получилось.

Старший сержант И.В. Кочергин — курсант ВИИЯ. 1970 г.

АА: Все получилось замечательно! Как сложились Ваши отношения с китайским языком — понятно. А как складывались отношения с китайской кухней? Это немало важный вопрос для всех китаистов!

ИК: Да, вопрос немаловажный. Но китаист на самом деле не должен позволять себе употреблять такое словосочетание как «китайская кухня». Мы же знаем, что Китай — страна многонациональная, разнообразная. Мы знаем, что видов кухни там как минимум столько же, сколько и национальностей, и этносов. Самое главное, это северная и южная кухни и так далее. Как складывались мои отношения? Нормально складывались! Практически все, что доводилось пробовать, находясь в Китае, в общем-то, не вызывало никаких негативных эмоций или отторжения, за исключением одного случая... Однажды довелось быть в провинции Юньнань, и там обстановка сложилась так, что пообедать можно было только в одном месте, в одном небольшом ресторанчике, где в качестве главного блюда, главного деликатеса, подавали личинок горных пчел. Уже сам вид этих личинок вызывал в общем-то определенные физиологические реакции. Ну и попробовать эти личинки я, конечно, не рискнул. Все остальное, можно сказать, было вполне приемлемо. Правда, мне тоже не очень, так скажем, нравились всякие китайские сладости. Вот они совершенно необычные! Отличаются сильно от того, к чему мы привыкли у себя на родине. Говоря о китайской кухне или Китае в целом, нельзя исходить из позиции сравнения: вот у них это хуже, а у нас лучше, или наоборот. Надо принимать это как оно есть. Китайский *хо го* 火锅 — «самовар», как его называют, он — китайский, такой как есть, не хуже и не лучше. У нас такого нет! И во всем остальном так же.

АА: Действительно, китайская кухня очень разнообразна и необычна. Вы только что сказали, что бывали в провинции Юньнань. Где Вам еще довелось побывать в Китае?

ИК: Вопрос сложный в том плане, что нужно долго перечислять. У меня была даже такая карта Китая, на которой я отмечал пункты посещения и маршруты перемещения по стране. На тот момент, когда я ее, к сожалению, утратил, на ней было отмечено 42 пункта, распределенных по всей территории Китая. Нет того уголка на территории Китая, в котором мне бы не удалось побывать!

АА: Тогда, пожалуйста, назовите Ваше самое любимое место в Китае!

ИК: Любимых мест в Китае у меня несколько. Во-первых, это древние города Фэнхуан, Пинъяо, Дали, Лицзян. Во-вторых, это пейзажные места вроде Чжанцзяцзе, реки Чжуцзян, городов Ханчжоу и Сучжоу, Три ущелья на реке Янцзы. И, в-третьих, это вся провинция Юньнань.

Вышеупомянутые древние города несмотря на то, что многое в них уже не является аутентичным, позволяют познакомиться с особенностями жизненного уклада, быта китайского населения и устройства городов в XVII–XIX веках. А вот провинция Юньнань — вообще целая страна, отличающаяся неповторимым многообразием во всем! Здесь есть и высокогорье, и глубокие ущелья с бурными горными реками, и долины, и прекрасные озера, и субтропики. Есть потрясающий уезд Шангри-Ла в предгорьях, есть уникальная территория вокруг озера Лугуху, где до сих пор царствует матриархат. Но, главное, в этой провинции компактно проживают представители множества разных этносов, каждый со своей традиционной культурой, которую они стараются, при поддержке центрального правительства, сохранять и передавать последующим поколениям. Знакомиться с их бытом, традициями, их взглядами на современную жизнь чрезвычайно интересно! После моих поездок в Юньнань я вдруг подумал, что, если бы мне довелось с сегодняшними моими знаниями о Китае снова решать, «Кем быть?», я бы пошел в этнографы.

Наверное, Вы заметили, что, отвечая на Ваш вопрос, я не упомянул ни один из китайских мегаполисов. Я не люблю современные китайские города с их многомиллионным населением! Причин тому много, но главное — мне кажется, что в этих городах постепенно исчезает аромат настоящего Китая. И в прямом, и в переносном смысле в них остается все меньше истинно китайского. Жизнь населения современных китайских городов проходит под знаком выстраивания карьеры и стремления к материальному благополучию. По этому поводу китайцы сами придумали два замечательных шуточных выражения, построенных на игре слов, а точнее, иероглифов. Народно-освободительная армия Китая живет под лозунгом 为人民服务 — «служим народу». Остряки добавили в это выражение один иероглиф и получилось 为人民币服务 — «служим народным деньгам», то есть юаням. Аналогичную манипуляцию произвели и с главным девизом китайского студенчества 向前看 — смотреть вперед. Иероглиф 前 «вперед» заменили на иероглиф 钱 с таким же звучанием, но имеющим значение «деньги». И получилось смотреть не вперед, а на деньги. Это, конечно, шутки, но, как известно, в каждой шутке есть лишь доля шутки.

АА: Очень интересно! А что Вам больше всего нравится в китайской культуре?

ИК: Китайская культура, как и сам Китай, чрезвычайно разнообразна. Буду говорить не о культуре как о феномене человеческого социума, а о материальных плодах изобразительной сферы китайской культуры. В этом смысле в китайской культуре мне нравится все то, что можно определить словами рукоделие или народные про-

мыслы. Это классическая живопись «го хуа», каллиграфия, двусторонняя сучжоуская вышивка шелком по шелку, изделия из черного лака, инкрустированные перламутром, традиционные вырезки из бумаги, филигранная резьба по камню и по дереву и многое-многое другое. Все эти рукотворные виды традиционного искусства объединяет то, что их изготовление требует высочайшего мастерства, вкуса и титанического терпения. Мне нравится созерцать все эти вещи! Дома у меня есть некоторые образцы подобных произведений, но еще больше мне нравилось наблюдать за процессом их рождения. Я готов был бесконечно смотреть, как пишет иероглифы мастер каллиграфии или как под несколькими взмахами кисти художника на бумаге рождается горный пейзаж. К таким же продуктам китайской культуры я отношу китайский цирк, который является демонстрацией потрясающих возможностей человеческого тела и владения им. Однажды в 80-х годах прошлого столетия, находясь в городе Чжэнчжоу, я узнал, что под городом существуют подземные галереи огромной протяженности, которые в 1950–1960-е годы строились как убежища на случай ядерной войны, а теперь используются как рынки. Должен сказать, что так называемые народные рынки, как и народные универмаги (ни того, ни другого в современном Китае уже почти не существует) всегда привлекали мое внимание. Привлекали не только выставленными на продажу товарами, хотя и там было много интересного, а как возможность послушать живую китайскую речь и пообщаться с торговцами. В то время в Китае только начинала реализовываться политика открытости и самые смелые китайцы, повинуясь чувству природного любопытства, хоть и оглядывались по сторонам, но иногда вступали в диалог с иностранцем, который к тому же еще и говорит на «человеческом языке». Поэтому я спустился в этот подземный лабиринт. Сначала было интересно посмотреть и послушать, но, пройдя изрядное расстояние, не менее двух километров, я понял, что все здесь в общем-то одинаковое, а люди еще не избавились от прошлых страхов и запретов, почти не шли на контакт. Увидев очередной указатель выхода, я поднялся на поверхность. Вокруг была местность, похожая на большой пустырь, в центре которого видна была группа людей, и там что-то происходило. Я подошел к скоплению народа и понял, что все собрались посмотреть выступление бродячих цирковых артистов. Я был реально потрясен мастерством, которое демонстрировали эти самодельные циркачи, а после более близкого знакомства с профессиональным китайским цирком в последующем я понял, что подобные номера — это то, что китайцы называют 特色, то есть специфическая особенность, присущая только китайцам. Большинство номеров, которые они исполняют, недоступны для повторения даже профессионалами циркового искусства в других странах. Это же касается и многого другого, что составляет неповторимую китайскую культуру.

АА: Играли ли Вы в китайские традиционные игры?

ИК: Если имеются в виду настольные игры, вроде «мацзян» и китайских вариантов разных карточных игр, то в них я не играл и не пытался научиться, потому что, в отличие от большинства китайцев, я человек не азартный. Я никогда не любил и особо не умел играть даже в наши популярные игры — домино и карты, так что к китайским настольным забавам всегда был равнодушен. А вот в любимую спортивную игру китайцев — настольный теннис — я играл, и довольно неплохо!

АА: Как Вы относитесь к Пекинской опере?

ИК: Мне кажется, что Пекинская опера в общем никакая не опера в нашем понимании этого вида искусства. Но, видимо, другого понятного нам лексического эквивалента для обозначения этого жанра китайского искусства, объединяющего специфическое пение со своеобразной хореографией, в свое время подобрать не смогли.

С Пекинской оперой я не дружу. Причиной моего неприятия Пекинской оперы послужило мое первое знакомство с нею. В 1986 году, когда я проходил стажировку в Пекинском педагогическом университете, туда заехала какая-то труппа, и администрация пригласила иностранных стажеров на представление. До этого момента о Пекинской опере я имел только скудные теоретические сведения. В зале, где проходило представление, собралось много китайцев, в основном, это были преподаватели, сотрудники университета с семьями, некоторое количество китайских студентов и иностранцы вроде меня. Мне удалось найти свободное место в самом центре зала среди китайцев, чему я сначала обрадовался, а потом об этом пожалел. Когда началось действие, в зале возник гул голосов. Как потом я узнал, кое-кто из зрителей знал сюжет представления, у других были отпечатанные либретто, но и те и другие начали рассказывать сидящим рядом, не имеющим на руках либретто и не знающим сюжета о том, что происходит на сцене, а некоторые даже вступали в спор между собой. В какой-то момент на меня обратила внимание сидящая рядом китайка, которая спросила, понимаю ли я, что там происходит. Я честно сказал, что имею весьма смутное представление. Это была моя ошибка, соседка тут же приблизилась вплотную и начала комментировать на ухо. И вот в течение полутора часов, пока длился спектакль, я находился в невыносимых условиях: душный зал, заполненный разговаривающими вполголоса людьми, непрерывный поток китайской речи в мое левое ухо от доброй китайки, непривычные резкие звуки музыкальных инструментов и удары гонга, которыми сопровождалась эта опера, — все это обрушилось на меня. В результате ближе к окончанию у меня кружилась голова и я был на грани обморока. Кстати, выйдя из зала, я понял, что из всех приглашенных иностранцев до конца высиел только я. Наверное они все заняли с самого начала более удобные места. После этого о Пекинской опере, как об одном из национальных достояний Китая я достаточно много читал и даже стал разбираться немного в символизме масок, но на спектакли больше не ходил.

АА: Есть ли у Вас традиция отмечать китайский новый год?

ИК: Такой традиции у меня нет. Во-первых, китайский новый год, как мы его называем, а, точнее, *чунь цзе* 春节 или «праздник весны» — это праздник семейный. Как Вы знаете, это праздник единения семьи. Так что с нашими немногочисленными семьями, члены которых и без того не сильно разобщены, а если и живут на некотором удалении друг от друга, собираться ради этого праздника не станут, поэтому такой праздник может носить только чисто декоративный характер. Некоторое время назад сотрудники нашей кафедры, как глубоко причастные к дальневосточной цивилизации и культуре, начали было традицию коллективно отмечать этот праздник. Но вмешалась пандемия, и этот процесс приостановился на неопределенное время.

АА: Не будем говорить о пандемии! Расскажите лучше про Ваше хобби! Вы настолько разносторонний человек, поэтому очень хотелось бы узнать, как Вы проводите свободное время!

ИК: Так сложилось, что у меня было два хобби, но одно из них началось и закончилось по независящим от меня обстоятельствам. Однажды в Китае я увидел на каком-то развале маленькую глиняную раскрашенную фигурку человечка в смешном головном уборе с крылышками и болтающейся на пружинке голове и купил ее. Но потом я обнаружил, что подобные фигурки разных размеров и разной раскраски продаются в мелких лавках, на уличных лотках и блошиных рынках по всему Китаю. Я стал их покупать и начал искать информацию о том, кого так изображают. Выяснил, что это фигурки китайских чиновников низкого «седьмого разряда» 七品芝麻官, то есть уровня уезда и ниже. В старом Китае эти чиновники были самым многочисленным чиновничьим сословием, и их одежда имела два отличительных признака — головной убор с крылышками и камнем в тулье, и пояс также с каким-то полудрагоценным камнем. Я стал коллекционировать этих чиновников! Вначале это были фигурки, изготовленные кустарным способом преимущественно в сельской местности, и стоили они очень дешево. Но потом они стали попадаться все реже, а на их месте появились подобные фигурки, но изготовленные на фабрике с профессиональной росписью. Цена их стала расти и, наконец, они вообще исчезли с рынка. Поскольку зуд коллекционирования во мне уже разгорелся, я продолжал искать и узнал, что в городе Тяньцзинь есть фабрика глиняной миниатюры 泥人张, где, возможно, изготавливают и моих чиновников. Я поехал туда, нашел фабрику, и там мне предложили выбрать и заказать фигурки по каталогу. Цены были очень высокие, да и фигурки утратили свой дух истинно народного творчества. Я ничего заказывать не стал, но узнал, что здесь же на улице 文化街 («Культурная улица» вроде Люличан в Пекине) есть магазинчик, где продают продукцию этой фабрики и, возможно, там еще осталось что-то из нераспроданного, можно поискать чиновников там. Я, конечно, туда поехал и, к радости, обнаружил там какое-то количество очень симпатичных экземпляров. На этом практически мое коллекционирование закончилось! Всего в моей коллекции порядка 70 самых разнообразных по размеру и росписи фигурок. Я точно знаю, что существует еще только одна такая коллекция, находится она в Китае и содержит более 200 экземпляров.

АА: А что представляет собой Ваше второе хобби?

ИК: Второе мое хобби со мной с конца 60-х годов прошлого века — это увлечение джазом. Началось оно в то время, когда в ходу еще была поговорка «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Тогда я сам поигрывал на кларнете и саксофоне, но постепенно перешел только к прослушиванию. Дома у меня есть своя «машина времени», в которую входит аудиосистема родом из 1970-х и неплохая коллекция виниловых пластинок. Эта машина способна переносить меня в эпоху свинга и рок-н-ролла. Более того, сейчас стало доступным многое, о чем раньше не мог даже и мечтать.

Однажды, в 2006 году, путешествуя по провинции Юньнань, в городе Лицзянь я наткнулся на лавку, хозяин которой изготавливал традиционные китайские флейты из тыквы хулу и сам играл на них и даже по нотам. Мы с ним душевно пообщались, он даже пытался научить меня читать китайские ноты, которые совсем не похожи на привычные нам, а потом мы просто взяли две флейты и немного поимпровизировали, насколько это было возможно с моей стороны.

Сингапур, 1976 г. Во время стажировки в Наньянском университете

АА: Как здорово! Пожалуйста, расскажите про Ваше впечатление от общения с китайцами и от сотрудничества с ними?

ИК: Общение с китайцами у меня началось не в Китае, а в Сингапуре, куда я поехал в 1976 году на стажировку в Наньянский университет. И там, собственно говоря, я впервые реально общался с настоящим китайцем, с преподавателем. Когда я с ним заговорил, по прошествии какого-то времени он рассмеялся, просто хохотал. Мне стало жалко и обидно, и я спросил у учителя: «Я что совсем плохо говорю?». «Нет, ты все говоришь правильно, но ты говоришь как живая газета “Жэньминь жибао”!» — сказал учитель. Но по-другому и быть не могло, поскольку другого учебного материала у меня никогда и не было.

Потом я стажировался в Пекинском педагогическом университете. Это было профессиональное и учебное общение. Что касается простого общения с китайцами, то у меня среди китайцев были и есть очень хорошие товарищи, с которыми я поддерживаю связь. И, должен сказать, что в человеческом отношении они в общем-то такие же, как и мы: со всеми своими слабостями, со всеми, как у нас говорят, своими «тараканами». С ними всегда можно найти общие темы для разговора и общий язык, общие подходы — это совершенно нормальное общение!

Что касается сотрудничества, то здесь достаточно много нюансов. Когда в 1985 году я впервые приехал в Китай на стажировку в Пекинский педагогический университет, в Китае только начинались реформы. Там еще много было следов того старого, прежнего Китая — бедного, несчастного, запуганного, когда китайцам нель-

зя было общаться с иностранцами. На нас, советских студентов, они подглядывали с нескрываемой завистью и при случае всячески подчеркивали, что мы для них 大哥 — «большой старший брат» и что они учатся у нас и так далее. Но потом, когда реформы в Китае достигли уже определенного размаха, Китай достиг определенных высот в своем развитии, отношение стало меняться, и на тот момент, когда я работал там по линии Министерства иностранных дел, это отношение, как я сформулировал для себя, было уже снисходительно ироничным. Они считали, что во многом уже превзошли нас, и уже настало время, когда мы должны у них многому учиться и многое заимствовать.

АА: Следите ли Вы сейчас за событиями в Китае? Если да, то как узнаете о последних новостях и событиях?

ИК: Честно сказать, за текущими событиями специально не слежу, слежу в силу выполнения своих профессиональных преподавательских обязанностей. Готовя новые учебные материалы, работая над учебником, подбираю соответствующие материалы. Так или иначе приходится обращаться к информации, которая отражает современное состояние Китая и происходящие там события. Поэтому, еще раз повторяюсь, специально не слежу, но то, что попадает на глаза и на слух, воспринимаю с интересом, пытаюсь анализировать, сопоставлять, чтобы не ударить в грязь лицом перед обучаемыми. Чтобы со знанием дела отвечать на те вопросы, которые неизбежно возникают.

АА: Вернемся к периоду Вашей учебы. Вы говорили, что, помимо преподавателей, выращенных на кафедре китайского языка из числа выпускников, были еще и другие. Кто были эти люди? Расскажите, пожалуйста, о них подробнее!

ИК: Это очень правильный вопрос, потому что мне повезло учиться в то время, когда были живы и активно работали выдающиеся специалисты, российские и советские китаисты, китаеведы. И некоторые из них работали на нашей кафедре. Так, *Солнцев Вадим Михайлович*¹⁰ и *Горелов Владимир Иванович*¹¹ читали у нас лекции по теоретической грамматике и проводили семинары. *Антиповский Александр Андреевич*¹² вел курс истории китайской литературы. Ранее я уже упомянул *Бориса Григорьевича Мудрова*¹³. Помимо этого, фонетику на первом курсе нам ста-

¹⁰ *Солнцев Вадим Михайлович* (1928–2000). Китаевед, д.ф.н. (1970), профессор (1971). Член-корреспондент АН СССР (1984). Окончил МИВ (1949). Преподавал в МИВ (1949–1954), МГИМО МИД СССР (1954–1959), ВИИЯ. Сотрудник (с 1958), заместитель директора Института востоковедения АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания АН СССР/РАН (1987–2000). Руководил изданием «Большого вьетнамско-русского словаря».

¹¹ *Горелов Владимир Иванович* (1911–1994). Китаевед, д.ф.н. (1968), профессор (1967). Заслуженный деятель науки РСФСР. Окончил МИВ (1941). Сотрудник Государственного музея народов Востока (1936–1937, 1943–1946) и Главного управления геодезии и картографии. Преподавал в МИВ, ВИИЯ (1946–1956), МГИМО (1956–1988). Переводчик 9 работ в издании «Избранные произведения» Мао Цзэдуна (1952–1953).

¹² *Антиповский Александр Андреевич* (1923–?). Китаевед, к.ф.н. Сотрудник ИДВ. Изучал творчество китпйского писателя Лао Шэ. Автор пособия: Хрестоматия современной китайской прозы / Сост.: А.А. Антиповский. Военный институт иностранных языков Москва, 1969. 456 с.

¹³ *Мудров Борис Григорьевич* (1923–1997). Востоковед, переводчик, к.ф.н. Сотрудник отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН, преподаватель МИВ, ВИИЯ, автор «Карманного русско-китайского словаря» (1988) и «Большого китайско-русского словаря» (2009).

вила *Тамара Павловна Задоевко*¹⁴, автор того самого знаменитого «вечного» учебника китайского языка. А еще к нам приходили китаеведы и китаисты из *Института Дальнего Востока*¹⁵. Их приглашал Иван Дмитриевич Кленин. Это были сотрудники МИД, а также хорошие знакомые Кленина, в частности, известный японист и китаевед *Всеволод Овчинников*¹⁶ и другие. С этими людьми мне довелось непосредственно общаться как в процессе учебы, так и потом, на протяжении какого-то времени после ее окончания.

АА: Еще один вопрос насчет Вашего обучения. Вы уже упомянули, что использовали рукописные учебные пособия, потому что в то время между СССР и Китаем отсутствовали нормальные отношения и имелся серьезный дефицит учебной литературы. Какими учебниками Вы пользовались тогда и где их брали?

ИК: Учебники, которыми пользовались, — это громко сказано! Первым, как я уже сказал, был учебник китайского языка для первого курса Тамары Павловны Задоевко. И все! На этом, можно сказать, учебники как таковые заканчивались! Дальше не было ничего, дальше создавали свое. Работал у нас на кафедре уже упомянутый мною Линь Шайло, уйгур по национальности, он составлял для второго курса такие сборники: сборник вопросительных предложений на китайском языке, сборник всяких рассказиков, сказок для китайских детей. Это мы использовали в качестве учебных материалов. По военному переводу тоже был базовый учебник, написанный Иваном Дмитриевичем Клеениным, а также составленный им позже уникальный словарь. Что касается других словарей, то был только один китайско-русский словарь под редакцией профессора *И.М. Ошанина*¹⁷, которым мы и пользовались. Учебники по переводу писали Мудров и *Б.Я. Надточенко*¹⁸. Писали в прямом смысле слова — вся иероглифическая часть писалась от руки. Привлекались к этому обучающиеся с более-менее приличной каллиграфией. Ну... это была та еще каллиграфия! Собственно говоря, по этим учебникам мы и обучались. Но когда мы учились на третьем курсе, в книжном магазине «Литература на языках социалистических стран» на ули-

¹⁴ *Задоевко Тамара Павловна* (1924–1993). Китаевед, к.ф.н. (1955). Окончила МИВ (1951). Преподаватель филфака МГУ (1956), ИСАА МГУ (с 1956). Автор учебника китайского языка: Задоевко Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Наука, 1973. 755 с.

¹⁵ *Институт Дальнего Востока (ИДВ АН СССР)*. Создан по решению Президиума АН СССР (сент. 1966). С 2022 г. — Институт Китая и современной Азии РАН.

¹⁶ *Овчинников Всеволод Владимирович* (1926–2021). Советский и российский журналист и писатель-публицист, востоковед, специалист по Японии и Китаю. Окончил китайское отделение Военного института иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА).

¹⁷ *Ошанин Илья Михайлович* (1900–1982). Китаевед, д.ф.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военного советника. в армии Фэн Юйсяна (1924–1926), генерального консульства СССР в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939), КУТК в Москве (до 1930), ИВ АН СССР (с 1945). Преподавал в МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Главред 4-том. БКРС (1983–1984). Лауреат Государственной премии СССР (1986).

¹⁸ *Надточенко Борис Яковлевич* (1939 г.р., г. Житомир). Востоковед, китаевед, японист. Переводчик, преподаватель. Учился в ТашГУ. Окончил Институт восточных языков при МГУ (1964). Стажировался в Пекине (1962–1963). Преподаватель ВИИЯ (1968–1974), РУДН (2002–2010). Сотрудник Центра научной информации и документации ИДВ РАН (с 1995).

це Горького, нынешней Тверской, появился китайский отдел. В этом отделе продавались красивые альбомы по искусству и по живописи Китая, а также множество детских книжек — очень пестрых, увлекательных и красивых. А потом стали появляться и словари. Стоило это все очень недорого, и мы там были постоянными покупателями. Все новое, что там появлялось, мы сразу скупали. На этих материалах мы росли и учились китайскому языку.

АА: В начале нашей беседы Вы говорили, что вовсе не планировали стать китайстом, а просто мечтали стать переводчиком, имея в виду, конечно, западные языки. Получив приказ изучать китайский язык, не испытали ли Вы чувство разочарования? Не возникло ли желание отказаться от учебы в Военном институте иностранных языков?

ИК: Чувство разочарования, конечно же, было, поскольку в то время изучение китайского языка означало крах всех надежд отправиться за границу. Единственной компенсацией этого было то, что был второй язык — английский. Мы налегали на него и все свои надежды связывали именно с ним! Было ли желание бросить все? Оно, конечно, могло бы возникнуть, и, наверное, возникало. Но тут же подавлялось двумя обстоятельствами. Во-первых, это лично мои ощущения, что я изучаю китайский язык, я уже знаю какие-то иероглифы, а рядом — курсанты «англичане», «французы» и прочие, которые вообще не имеют понятия, что это такое. Я как бы ощущал определенное превосходство над ними. Второе, совершенно объективное обстоятельство — то, что я был уже достаточно великовозрастным. Я поступил в ВИИЯ в 21 год, после срочной службы. Уходить и начинать все сначала было уже совершенно бесперспективно, поэтому я действовал по принципу: главное втянуться в драку, а там видно будет, как пойдет. Пошло неплохо, появился интерес, появились результаты, и таким образом ощущение какой-то «ущербности» прошло.

АА: Прошло настолько, что Вы окончили учебу с золотой медалью. В каком году Вы окончили ВИИЯ? И как решился вопрос с вашим трудоустройством? Повлияли ли на него плохие отношения с КНР?

ИК: Да, действительно, я окончил Военный институт иностранных языков в 1974 году с Дипломом с отличием и Золотой медалью по специальности «переводчик-референт китайского языка, военный переводчик английского языка». Что касается трудоустройства, то этот вопрос решался просто, и отношения с Китаем на этот процесс никак не влияли. По существующему положению, золотые медалисты военных учебных заведений имеют право выбирать место дальнейшего прохождения военной службы. Надо сказать, что выбор в то время был небогатым — между Читой, Хабаровском, Аргёмом и монгольско-китайской границей — всё места весьма отдаленные. Так вот, пока я пытался сделать выбор, начальник кафедры полковник Кленин Иван Дмитриевич предложил остаться на кафедре преподавателем. Как понимаете, от этого предложения я не отказался, о чем несколько не сожалел.

АА: Времена плохих отношений между нашей страной и Китаем давно прошли. В чем, на Ваш взгляд, заключаются сегодня особенности и специфика российского китаеведения?

Москва, ВИИЯ, 1974 г. Вручение диплома и Золотой медали

ИК: Прежде всего надо уточнить, что такое китаеведение. Китаеведение — означает изучение Китая во всех его ипостасях, аспектах, проявлениях и так далее. Я далек от того, чтобы как-то с научной точки зрения убедительно комментировать вещи, связанные с политологией, геополитикой и так далее, потому что не занимался этим профессионально. Говорить о чем-то возможно, если ты занимаешься какими-то вопросами профессионально. В китаеведение входит, в первую очередь, и изучение языка, поскольку все, что происходит в жизни страны и отражается в языке, отражается в продуктах языка: в книгах, статьях, речах и так далее. Поэтому я могу вести речь об этой части китаеведения. Мне кажется, прежде всего, что китаеведение, *наверное, есть*. Достаточно давно («давно тому назад», как говорят) я мог с уверенностью сказать, что *китаеведение есть*. Сейчас оно, *наверное, все-таки есть* и начинает постепенно реанимироваться после многих десятилетий застоя. Примером тому является учреждение, в третий раз уже, Всероссийской ассоциации преподавателей китайского языка. Этот организационный момент как раз показывает, что есть все-таки люди, которым небезразлично развитие этой отрасли научного знания, и они этим занимаются. Если говорить о нынешнем состоянии именно этой сферы научной деятельности, то, с моей точки зрения, все, что делалось в ней на протяжении последних двух-трех десятков лет, было спонтанным, несистемным и малорезультативным. Если мы говорим о китаеведах прошлого, то это «школы» — школы Короткова, Солнцева, Горелова. Это школы, это авторы, без упоминания которых в своих научных работах сейчас не обходятся молодые соискатели степеней. Сюда же следует отнести таких известных китаистов как

*Карапетьяниц*¹⁹, *Тань Аошуан*²⁰ и многие другие. А вот в последнее время работ, которые в последующем могли бы встать на уровень школы, очень мало. К таковым я могу отнести только работу *Курдюмова Владимира Анатольевича*²¹, у которого есть последователи. Эти последователи развивают его теорию и продвигают ее дальше. Остальные интересные работы – и кандидатские, и докторские диссертации – не претендуют на масштабность, они решают лишь какие-то локальные научные вопросы и, как правило, вне взаимной связи между собой. Возможно, когда-нибудь появится человек, который все это объединит, тогда это будет называться постсоветским российским Китаеведением.

АА: Какие качества необходимы человеку для того, чтобы стать высоким профессионалом в Китаеведении и открыть такую научную школу?

ИК: Качеств должно быть не очень много. А, может быть, и наоборот. Во-первых, вся эта работа, точнее, вся сфера деятельности – китайский язык и все, что его окружает, должны поглощать человека целиком, не принудительно, а естественным образом являться содержанием его жизни. Должен быть огромный интерес и стремление к развитию. Второе – это самоотверженность, потому что процессы научного исследования в этой области обычно достаточно трудоемки. Они требуют времени, усилий, определенных материальных затрат. Не всякий человек способен принести этой деятельности в жертву свой семейный покой, какие-то жизненные прелести. То есть это должен быть «подвижник», то есть человек, готовый на все ради продолжения и развития своего дела, ради достижения какой-то великой цели.

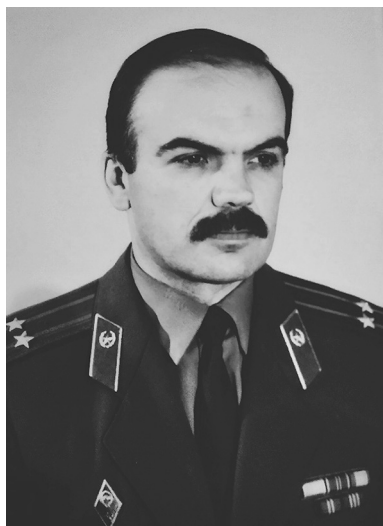
АА: А можно ли выделить особенности «военного Китаеведения»? И существует ли такое понятие?

ИК: Что касается военного Китаеведения, то оно, безусловно, существует, а направления его развития и специфику следует рассматривать как в долгосрочном плане, так и в конкретном временном контексте. В первом случае не утрачивают своей актуальности такие научные проблемы, как исследования в области терминологии, иноязычных заимствований, неологизмов в военной лексике китайского языка. Специфика современного этапа характеризуется тем, что на фоне высочайшего уровня межгосударственных связей, в том числе в военной сфере, возникают новые задачи для военного Китаеведения. Так, проводимые ежегодно Армейские игры, расширение их географии и номенклатуры конкурсов, выдвигают на первый план проблемы военного перевода, причем как письменного, так и во все большем объеме устного перевода. Это требует оперативной корректировки целей, планов и форм подготовки специалистов и находит свое отражение в соответствующих теоретических и практических разработках разного уровня.

¹⁹ *Карапетьяниц Артемий Михайлович* (1943–2021). Китаевед, д.ф.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА МГУ. Лингвист, текстолог, историк кит. философии. Муж Тань Аошуан.

²⁰ *Тань Аошуан 譚傲霜* (1931–2017). Китаевед, д.ф.н. (1995), профессор (2000). Окончила филологический факультет Пекинского университета (1954). Преподаватель ИСАА МГУ (с 1966). Почетный профессор Педагогического университета Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Жена А.М. Карапетьянца.

²¹ *Курдюмов Владимир Анатольевич* (1965 г.р.) Китаевед, д.ф.н. Декан восточного факультета Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Специалист по китайскому языку, истории и теории языкознания. Создатель нового направления на стыке лингвистики и философии — предикационной концепции языка.

Военный китаевед.
Начальник кафедры
дальневосточных языков

Вообще у темы военного китаеведения есть две стороны. Если говорить о чисто военной стороне вопроса, то исследования и практические работы ведутся сегодня главным образом в рамках совместного с китайской стороной формирования тезаурусов, достижения единого понимания и унификации терминологии. Помимо этого, в диссертациях при исследовании различных лингвистических вопросов используются материалы на китайском языке из открытых источников, относящиеся к военному, военно-политическому и военно-экономическому дискурсу. Следует также отметить, что в этой работе принимают участие и наши выпускники, разрабатывающие интересные и актуальные темы в ВКР (дипломных работах). Естественно, результаты всех подобных исследований носят закрытый характер.

Другая сторона вопроса связана с высокой научной активностью преподавателей. На нашей кафедре до 2000 года были защищены 11 диссертаций, из которых три диссертации — докторские.

В наши дни из числа китаистов на кафедре работают девять кандидатов филологических наук, один кандидат педагогических наук, один доктор педагогических наук, готовятся к защите кандидатские и докторские диссертации. Все ученые в равной степени решают задачу подготовки профессиональных военных переводчиков китайского языка. Поэтому, думаю, мы вправе считать их военными китаеведами.

АА: Есть ли у Вас какое-то личное китаеведческое кредо?

ИК: Китаеведческое кредо у меня, может быть, есть, но сформулировать его не так просто. Я его еще не сформулировал емко и кратко. Если «краткость — сестра таланта», то у меня с этим плохо. Кредо состоит в следующем: изучая Китай в любой сфере деятельности жизни этой страны, ни в коем случае нельзя поддаваться соблазну сравнения: вот у них это лучше, а у нас хуже, у них это быстрее, а у нас медленнее. Китай нужно понять и можно понять, если воспринимаешь его таким, какой он есть. Потому что на самом деле Китай — это другая Вселенная по сравнению с нами. Что бы там ни говорили, по менталитету, по мировоззрению это люди, которые живут в другом измерении. Нам нужно понять это измерение, в котором они живут, а не сравнивать его с чем-то другим. Когда-то, уже после «эпохи Солнцева–Горелова», кто-то из ученых сказал такую фразу: «Вот эти академики, они все время пытались натянуть тесный костюмчик индоевропейских языков на тучное тело китайского языка». В результате получалось какая-то индоевропеизированная грамматика китайского языка. Что из себя представляет истинная грамматика китайского языка, мы до сих пор не разобрались, потому что не занимались исследованиями именно этой структуры в том контексте, в котором она появилась, развивалась и совершенствуется.

В перерывах между парами

АА: Да, Вы правы! Очень тяжело сравнивать эти языки, и даже порой невозможно сравнить некоторые аспекты... Какие пожелания Вы хотели бы высказать молодым китаеведам?

ИК: Ох, молодые китаеведы... Пожелание, как и кредо, может быть передано китайским выражением. Есть у китайцев такое выражение 埋头苦干, что в прямом переводе означает «зарыть голову и горько трудиться». Я желаю молодым китаеведам понимать, что в этой области очень трудно достигнуть ощутимых успехов без самоотверженного, повседневного, систематичного труда!

АА: Спасибо! Для продолжения нашего интервью мы пригласили в студию начальника кафедры дальневосточных языков, полковника *Радус Ларису Александровну*²².

ЛР: Игорь Васильевич, хотя вся Ваша жизнь связана с Военным институтом иностранных языков, впоследствии Военным университетом, были некоторые, так называемые «отрывы» от основного вида деятельности. Чем Вы занимались вне стен Военного университета? Каковы были Ваши мотивы и цели? Что Вы приобрели в качестве опыта, который теперь внедряете в учебных аудиториях?

ИК: Спасибо за хороший вопрос! Так называемые «отрывы» начались у меня в 1988 году, когда, по рекомендации тогдашнего начальника кафедры *Мосько Георгия Николаевича*²³, я был откомандирован в Министерство иностранных дел, в состав советской делегации при Совместной советско-китайской комиссии по демаркации

²² *Радус Лариса Александровна* — китаевед. Преподаватель китайского языка, начальник кафедры дальневосточных языков ВУ МО РФ.

²³ *Мосько Георгий Николаевич* (1943–2018). Китаевед, к.и.н. (1976). Окончил ВИИЯ (1971). Слушатель ВИИЯ, преподаватель китайского языка и военного страноведения в ВИИЯ, начальник кафедры дальневосточных языков ВУ МО РФ, начальник учебного отдела ВУ МО РФ.

советско-китайской границы. Можно сказать, что именно с этого времени я начал работать как переводчик, помимо того, что служил преподавателем. И эта моя работа продолжалась на протяжении десяти лет. В процессе работы в этой демаркационной комиссии, общаясь с представителями и военного ведомства, и министерства иностранных дел, и других организаций, которые занимались демаркацией границы, я в общем-то и сформировался как переводчик, особенно как устный переводчик.

АА: Какие особенности работы военного переводчика можно выделить?

ИК: Особенности работы военного переводчика определяются несколькими факторами: условия работы, содержание работы и особенности личности руководителя, то есть воинского начальника.

Что касается условий работы, то это может быть как стол переговоров или кабинка для синхронного перевода, так и командный пункт или боевая позиция на полигоне, мостик или боевая часть корабля, место радиста в кабине самолета. Все это так называемые внешние физические обстоятельства выполнения перевода, в которых переводчик либо работает в комфортных условиях, либо ему приходится напрягать слух, повышать голос, работать в условиях дефицита времени и даже при существующей угрозе здоровью и жизни в реальной боевой обстановке.

Военный переводчик, получая задачу, очень редко имеет возможность ознакомиться с материалами предстоящего перевода. Когда какие-то переговоры планируются заранее, тогда переводчику обычно сообщают тематику и, может быть, даже дадут текст основного выступления руководителя, но так происходит далеко не всегда. На полигоне, во время учений и особенно в боевой обстановке переводчику указывается место и время предстоящей работы и примерная проблематика предстоящей коммуникации. В этом случае переводчик может оказаться в расположении полевой кухни или медсанчасти, или в центре управления средствами ПВО, или в ремонтных мастерских, где восстанавливается вышедшая из строя техника и т.п. Из этого следует, какими обширными должны быть познания переводчика о потенциальных объектах перевода, насколько богатым и разнообразным должен быть его лексический запас.

Третье условие касается межличностных отношений, которые могут либо помогать успешной работе переводчика, либо наоборот. В последнем случае должно помогать такое психическое качество, как стрессоустойчивость. Это качество также формируется у военных переводчиков на всем протяжении их обучения. И еще одна особенность заключается в том, что военный переводчик, предназначением которого является лингвистическое обеспечение военной деятельности, оказывается в двойном подчинении у одного начальника, да не только у него, а и у лиц, его сопровождающих, которые, как правило, старше переводчика по воинскому званию. Во-первых, он подчиняется им по служебным функциям и профессиональному положению, а во-вторых, по своему статусу в воинской иерархии. Последнее иногда бывает причиной того, что переводчику приходится выполнять функции, не связанные с профессиональной деятельностью и конкретными задачами в данном контексте, типа: пойди, найди, принеси, причем такие задачи могут возникать в любое время суток. В этом случае работает военный иерархический принцип начальник — подчиненный.

АА: Да, быть военным переводчиком непросто! А как сложилась Ваша жизнь дальше, после завершения работ по демаркации?

Ветераны ВИИЯ на приеме в посольстве КНР в Москве

С послом КНР Ли Хуэем на новогоднем приеме в посольстве КНР в Москве

ИК: В последующем, в связи с событиями в стране, которые не обошли нашу кафедру, возникла необходимость работать где-то еще. Из-за этого я ушел с кафедры, уволился и был принят на работу в только что сформировавшийся негосударственный вуз, который назывался Институт практического востоковедения. Сначала я там работал заведующим кафедрой китайского языка, а потом первым проректором. На этой работе я приобрел солидный управленческий опыт, опыт организации учебного процесса и вообще всей деятельности учебного заведения. Потом, через несколько лет, мне предложили поехать в Китай, в Яньшаньский университет города Циньхуандао, работать преподавателем русского языка. Опыта такого рода работы у меня не было никакого, но было интересно попробовать и взглянуть на мою работу преподавателя китайского языка с другой стороны, со стороны китайских студентов, которые изучают русский язык. Я проработал там недолго, всего один год, и этого мне оказалось достаточно для того, чтобы понять, как несчастны эти дети китайские, которые изучают русский язык. Наверное, настолько сложного языка, как русский, для иностранцев вообще трудно найти! Хотя работа в Китае шла своим чередом, я работал на всех курсах с первого по четвертый. Преподавал разговорную практику, практику речи. Помимо того, что я понял, что преподавателем русского языка должен быть только профессиональный преподаватель русского языка, я развил свои разговорные навыки в китайском языке, потому что многие вещи приходилось объяснять все-таки на китайском.

В 2006 году меня пригласили работать в Пекин, в русскоязычную редакцию информационного агентства «Синьхуа». Там эта должность называлась «иностраннный специалист». Функция моя состояла в том, чтобы редактировать те переводы с китайского на русский, которые выполняли китайские переводчики. Надо сказать, что переводчики там работали очень профессиональные, высококвалифицированные. И в основном переводы они делали очень неплохо, поэтому моей работы было не так много. Но были и другие случаи в этой редакции. Как и везде, были люди, которых направили туда не по знаниям, умениям и образованию, а по должности и социальному статусу родителей и так далее. Из-под пера этих переводчиков выходили, конечно, тексты совершенно непригодные для дальнейшей работы, даже для редактирования, поэтому приходилось просто-напросто переводить их заново. Работы было много, потом очень много, потом невыносимо много. Китайские сотрудники закалены, видимо, в таком режиме работы, ни на что внимания не обращали, и только все бросали и бросали эти тексты на мой стол. Я понял, что работать в такого рода китайской организации очень интересно, ведь это все-таки главное информационное агентство Китая! Было интересно понять, какая информация интересует их, что они выбирают из всего информационного потока для перевода на русский язык для русских. Так я набил руку на редактировании переводов. Это было тоже непросто, со временем все приходило. Со временем же общий объем работы стал уже очень большим, и этот объем не очень соответствовал зарплате, которую там платили. А еще появились некоторые моменты в трудовых отношениях. Например, когда я подписывал контракт, в нем была такая строчка: в случае отсутствия по месту проживания в Пекине в выходные и праздничные дни, обязательно информировать руководителей редакции, сообщать полную информацию о том, кто, куда и зачем уезжает. Когда я подписывал контракт, это не бросилось в глаза, а потом со временем я узнал, что в испаноязычной, французской и английской редакциях у сотрудников в контракте этой записи

не было. И вообще было много всяких других моментов. Я отработал какое-то время и понял, что извлек для себя лично максимум того, что мог там получить. В итоге я любезно распрощался с этой прекрасной командой переводчиков, сохранил очень добрые о них воспоминания. Действительно, я приобрел там много полезного! После этого, уже вернувшись в Москву, я еще год проработал в Институте практического востоковедения. Потом его закрыли, когда начали закрывать негосударственные вузы, и, в конечном счете, я снова вернулся в Alma mater. Вот так...

ЛР: К нашему большому удовольствию, Игорь Васильевич!

АА: Что еще интересного можно вспомнить о том периоде, когда Вы работали в Институте практического востоковедения и обучали студентов?

ИК: Помимо всего прочего, в то время я занимался одним интересным проектом. В китайском городе Циньхуандао, что на берегу моря, рядом с курортом Бэйдайхэ, в Яньшаньском университете работал на коммерческой основе летний лагерь изучения китайского языка для иностранцев. Я договорился с тамошней администрацией и стал формировать от имени Института практического востоковедения группы из желающих провести три недели на море с одновременным изучением китайского языка и многочисленными экскурсиями. Сам же я эти группы и сопровождал. В основном это были студенты разных московских вузов. Надо сказать, дело это было очень ответственное и хлопотное! Молодые люди — девочки, мальчики — вырвались на свободу и, как это теперь называется, стали «отрываться» по полной! У меня как руководителя постоянно возникали проблемы: то устроят шумную вечеринку в общежитии, где также проживали и иностранные преподаватели университета, то кто-то съел несвежие морепродукты со всеми вытекающими последствиями, то у кого-то заболел зуб, то начудили в каком-то клубе, то несколько человек без оповещения уехали в Пекин на неопределенное время и т.д. и т.п. Но при этом в целом мне было с ними интересно, это был новый опыт. Во-первых, я наблюдал, как благотворно влияет на совершенствование речевых навыков языковая среда, особенно если ребята, помимо занятий с преподавателями, заводили знакомых из местных. Это наблюдение также явно демонстрировало те моменты, которые следовало учесть и улучшить при обучении китайскому языку на родине. Я видел, как эти ребята быстро находят общий язык в широком смысле слова со своими китайскими сверстниками. Следует отметить также безусловную пользу от организованных совместных экскурсий по историческим местам в провинции Хэбэй и в Пекине. Такие экскурсии пробуждали интерес к тем историческим и культурологическим фактам, которые хоть и были предметом изучения в своих университетах, но не ассоциировались с реальными объектами. Здесь же непосредственное восприятие вызывало из памяти полученные знания, теория связывалась с реальностью и все воспринималось с большим интересом.

В то время — 2003–2009 гг. — у московских студентов-китаистов еще не было таких широких как сейчас возможностей выезжать в Китай на стажировки, особенно краткосрочные, да еще с возможностью полноценного отдыха на море, поэтому наш проект пользовался популярностью, и администрация Яньшаньского университета ценила наших студентов.

АА: Ваши бывшие однокурсники продолжили работать с китайским языком?

ИК: В этом плане нашему выпуску 1974 года, можно сказать, повезло. Большая часть выпускников получила возможность реализовать себя в качестве китаистов.

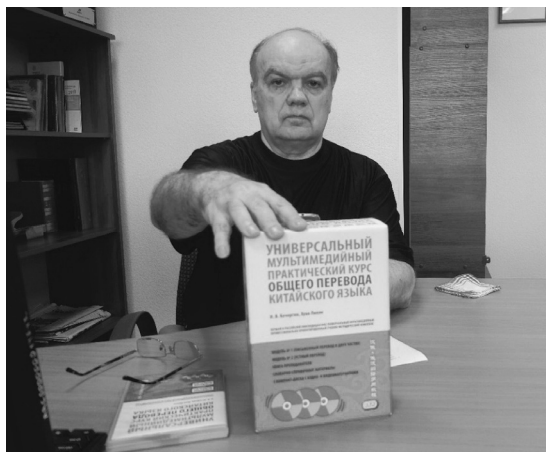
Сразу после выпуска несколько человек были направлены в аппарат военного атташе в посольстве СССР в Китае и успешно проработали там много лет. Другим предложили продолжить службу в разведывательных органах и спецслужбах разных уровней. Еще часть моих однокурсников получила назначение в разные военные вузы в качестве преподавателей китайского языка, в том числе три человека были оставлены на кафедре дальневосточных языков Военного университета. В настоящее время некоторые из них, в том числе и ваш покорный слуга, продолжают обрабатывать эту «ниву», стали учеными, авторами различных учебно-справочных материалов.

ЛР: Вы на самом деле являетесь автором уникальнейшей методики преподавания перевода, а также, я считаю, единственным в современном Китае автором большого количества учебных и учебно-методических трудов по этому направлению. Мы знаем, что Вы также участвовали в редактировании и публикации других трудов по Китаю. Может быть, Вы скажете что-то об этом?

ИК: Не могу сказать, что я много сделал в этой области, но кое-что все-таки было, чем я могу гордиться. Например, после десяти лет работы в составе демаркационной комиссии составлялись итоговые документы — так называемые «протоколы» описания прохождения линии государственных границ. Они составлялись на русском языке и на китайском языке, переводились взаимно. И потом все эти тексты сличались на предмет идентичности. Объем этих итоговых документов измерялся в сотнях килограммов бумаги. Все это прошло, как говорится, через мои руки и глаза, под всеми этими документами стоит моя подпись! Если говорить по Китаю, то как раз после моего возвращения знакомый товарищ из министерства культуры Китая предложил посотрудничать в публикации ряда познавательных материалов о разных сторонах жизни Китая. В министерстве культуры Китая задумали этот проект на разных языках, включая русский. Исходный текст был на китайском, готовые материалы публиковались на компакт-дисках. Там были такие тематические диски: китайская культура, китайская керамика, китайская живопись, китайская скульптура. Потом была еще такая интересная тема — жизнь пожилых людей в Китае, система охраны здоровья пожилых людей, ну и так далее. Всего я перевел девять компакт-дисков с таким материалом, девять разных тем было. В итоге эта моя работа потом трансформировалась в учебник по регионоведению Китая. Это основные вещи, которые имеют большое значение для меня и для заказчиков. Было еще много разных вещей, связанных с моим сотрудничеством с компанией «Рособоронэкспорт», с бизнесом. Ну, это уже так, мелочи...

АА: Расскажите, пожалуйста, поподробнее про Ваши учебные пособия!

ИК: Об этом и говорить-то особенно нечего! Написано их не так много, но все они имеют две главные особенности. Во-первых, желание написать какой-то учебный или справочный материал возникает всякий раз, когда я вижу, что в учебном процессе явно прослеживается дефицит каких-либо материалов. Другими словами, мотивом к разработке всегда выступают очевидные актуальные потребности учебного процесса. Во-вторых, учебники и учебные пособия разрабатываются с таким расчетом, чтобы их можно было органично включить в любой учебный процесс в качестве базовых или дополнительных учебных материалов. Все учебники и учебные пособия написаны с использованием аутентичных материалов на китайском языке, имеют методически обоснованную структуру и научно обоснованную систему упражнений.

Автор с учебно-методическим курсом общего перевода китайского языка

Можно сказать еще несколько слов о новом образовательном продукте, как теперь принято говорить — «Универсальном мультимедийном профессионально ориентированном учебно-методическом комплексе» (УМК) «Практический курс общего перевода китайского языка». Это уникальный обучающий продукт, предназначенный для подготовки переводчиков китайского языка в системе высшего профессионального образования. Самое главное его отличие от всего, что было написано по этому аспекту до сих пор, заключается в том, что особое внимание в нем уделяется обучению устным видам перевода. Впервые в отечественной практике создания учебных материалов аналогичного предназначения УМК содержит специальную систему упражнений и набор созданных с помощью современных мультимедийных средств учебных ситуаций, моделирующих наиболее типичные условия переводческой деятельности и включающих обучаемого в систему квазипрофессиональной переводческой деятельности.

В результате практического применения этого учебника на протяжении пяти лет, включая экспериментальное апробирование, стало понятно, что кое-что в нем нуждается в изменении, исправлении и улучшении, поэтому появилось второе издание этого УМК — исправленное, дополненное и переработанное. В работе над учебником принимал участие мой многолетний соавтор китайский коллега *Хуан Лилян*²⁴.

АА: В данный момент Вы работаете над каким-либо новым учебным пособием?

ИК: Нет, в данный момент я размышляю над новой концепцией ускоренного обучения китайскому языку, которую называю «когнитивно-информационной». Пока эта концепция существует только в общих чертах.

ЛР: Мы будем с нетерпением ждать новые пособия! Но позвольте вернуться к Вашему учебно-методическому комплексу по переводу — неспроста круг ваших научных интересов сформировался именно здесь, в Военном университете, где сложи-

²⁴ *Хуан Лилян* (1951 г.р.). Гражданин КНР, к.и.н. (2008), доцент. Преподаватель китайского языка в НИУ ВШЭ (с 2015) и в Институте бизнеса и делового администрирования (ИБДА) РАНХиГС. Окончил философский факультет МГУ (2004). Исследователь конфуцианства, соавтор многих учебных пособий по китайскому языку.

лась своя школа перевода. Безусловно, это она определила направления Ваших научных исследований...

ИК: Совершенно верно! Началось все, как я всегда говорю, с самого начала. Началось все на четвертом курсе. На четвертом и пятом курсах, когда были посеяны эти семена, у нас преподавал перевод китайского языка великий лексикограф, автор знаменитого словаря Мудров Борис Григорьевич. Он сам был действующим переводчиком, имел огромный опыт и практику, обучал нас, «несмышленных», всему тому, что нужно на войне. При этом учебных материалов практически не было. Было одно учебное пособие, которое написал сам Мудров, и еще одно учебное пособие, написанное Борисом Яковлевичем Надточенко.

Материалы были вообще никакие, то были просто рукописные тексты. Никакой методики там не было. Для меня это был первый подспудно возникший мотив. А второе — это то, что и преподавание было такое: собственно, берите текст и переводите! Да, и Борис Григорьевич Мудров говорил: «Чтобы научиться переводить, нужно переводить!» В силу того, что отношения с Китаем были совсем плохие, вариантов или необходимости, потребности овладевать навыками устного перевода не было вообще, никто не видел перспектив применения, поэтому занимались письменным переводом. Но занимались серьезно, внянь переводили.

Кстати сказать, работа с письменными текстами и украденными у кого-то экземплярами газеты «Жэньминь жибао», в общем-то, отразились в последующем на моем уровне и качестве устного перевода. Я владел исключительно письменными формулами выражения, а устных не было. Поэтому, как я уже говорил, когда я впервые приехал на стажировку в Сингапур и встретился с китайским учителем, после нескольких минут разговора он расхохотался и сказал: «Да ты говоришь как живая газета “Жэньминь жибао”!» Поэтому для занятий переводом было два мотива: не было методики обучения и практически не было учебных пособий. Было еще желание и понимание того, что надо как-то помогать будущим поколениям в этом вопросе. Под влиянием такого мотива я поехал на первую стажировку в Наньанский университет Сингапура. Потом была вторая стажировка в Пекинском педагогическом университете, где я уже целенаправленно занимался вопросами, связанными именно с переводом, с тем, как ему обучать. С этого все началось, когда в Военном институте я много лет провел на начальных курсах — первом, втором курсе, что в общем-то тоже далеко не бесполезно, если не сказать наоборот. Но при этом постоянно работал, читал, пытался разобраться с тем, как же развить, усовершенствовать эту методику обучения переводу, что для этого нужно, какие материалы, какие принципы научные положить в основу. Вот, таким образом все и происходило.

ЛР: Вопрос: есть ли у Вас ученики?

ИК: Вопрос хороший! Ответить на него можно: больше нет, чем да. Здесь есть две стороны этого вопроса. Если говорить об учениках, то обычно под этим подразумевается, особенно когда речь идет о преподавателях уже моего стажа и статуса, есть ли люди, которые у меня учились, а потом написали диссертацию и защитились. Таких людей нет. Не знаю, к сожалению или не к сожалению, но я защищался по специальности «методика обучения иностранным языкам» и в скобках «восточные языки». Таких защитившихся было три человека всего, и на этом закончилась вся история этой специальности 13.00.02. В результате никто за мной по этому пути не пошел, потому что это практически бесперспективно.

Строгий экзаменатор

ЛР: А фактически, неформально? Есть у Вас свои ученики?

ИК: Фактически, опять же, нельзя сказать однозначно. Скажем так, довольно много людей обращаются ко мне за консультациями. Я редко принимаю участие в разного рода конференциях, но, как правило, особенно если эта конференция на выезде, вся секция методики преподавания обязательно обращается ко мне со всеми вопросами, на которые я пытаюсь отвечать в силу своей компетенции. Я считаю, что у меня есть ученики. Наверное, главное здесь заключается не столько в этой материи «китайский язык», «перевод» и так далее. Главное, как мне кажется, состоит в том, что мне удастся научить молодых людей правильно относиться к себе, к своему месту в обществе, к той профессии, которой их обучают, к учебе. И, как я всегда говорю, когда прихожу в новую группу (допустим, на третий курс) — главная задача в нашем вузе состоит в не столько в том, чтобы научить вас конкретно чему-то в китайском языке, а в том, чтобы научить вас учиться. Если вы здесь научитесь учиться, то дальше у вас все будет хорошо! В этом плане, могу сказать, что ученики у меня есть, достаточно много. Пусть это звучит нескромно, но я считаю учениками всех своих выпускников! Многие после выпуска поддерживает отношения, связи, обращаются по разным вопросам, в том числе и по жизни, по бытовым.

ЛР: Я хочу добавить, что, помимо выпускников, Вашими учениками считают себя и Ваши коллеги! И в большой степени уверена в том, что и *Кирилл Васильевич Волков*²⁵, и *Олег Игоревич Калинин*²⁶, и *Алина Раильевна Абдрахманова*²⁷, и я, Ваша покорная слуга, да и все мы учимся у Вас!

ИК: 不敢当! (Не смею соответствовать!)

ЛР: 就是当! (Как раз-таки соответствуете!) Позвольте нам всем называть себя Вашими учениками!

ИК: Почту за честь!

²⁵ Волков Кирилл Васильевич — Китаевед, к.ф.н. Военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВУ МО РФ.

²⁶ Калинин Олег Игоревич — Китаевед, к.ф.н. Военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончил ВУ МО РФ.

²⁷ Абдрахманова Алина Раильевна — Китаевед, военный переводчик, преподаватель кафедры ДВЯ ВУ МО РФ. Окончила ВУ МО РФ (2017).

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru**